

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

1

Выпуск (856)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

ISSN 2542-2197

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

1
Issue (856)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 1(856)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (ИМЛИ РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Гос. ИРЯ имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 1 (856)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
G. G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IWL RAS)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Russian Language Institute)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Явление геминации в современном английском языке (на примере речи молодых британцев) БЕЗБОРОВОДА М. В.	9
Лексическое ударение новозеландского варианта английского языка в мультикультурном мире БУРАЯ Е. А.	15
Паронимы в языках для специальных целей как проблема перевода ВЛАСЕНКО С. В.	24
Трудности перевода военных текстов с испанского языка на русский ДАНИЛИН А. С., МУСАИЛОВ М. Р., ГЕРМАН Г. Г.	30
Атрибуты именной группы в городских хрониках и прозаических жанрах немецкого письменного языка XV–XVI веков ДУНАЕВ А. Е.	35
Ремарка как элемент драмы в записи музыкального произведения (на примере нотации «The strychnine lady» Я. Христу) ЗЕЛЕНЯЕВА А. А.	44
Просодические особенности частично подготовленной речи американцев (на примере интервью) КУЛИКОВА К. С.	51
Сравнительная орфография испанских и португальских текстов в арабской графике МАЗНЯК М. М., ТИХОНОВА О. В.	57
Пояснение как вид прагмасемантических отношений в системе английского дискурса МАЛАХОВА В. Л.	65
О некоторых способах смягчения категоричности в португальских художественных и газетно-публицистических текстах НЕЧАЕВА К. К., ДОЛГИХ Э. Б.	72
Лингвопрагматическая характеристика испанского дипломатического дискурса (на материале испанских дипломатических донесений второй половины XVIII века) НЕШКЕС О. В.	78
Просодические характеристики английского языка как лингва франка (на материале диалогической речи) ОЛЕЙНИК А. В.	84
Страны периода третьей диаспоры: современные произносительные черты английского языка в азиатском регионе РОМАНОВА Е. Ю.	91

СОДЕРЖАНИЕ

Особенности явления коммуникативного программирования и его реализация на разных уровнях англоязычного дискурса СОКОЛОВА В. Л.	99
Фонологические особенности в системе вокализма швейцарского варианта немецкого языка СОКОЛОВА Г. А., ЗИМАРИН Д. А., ЯКОВЛЕВА Э. Б.	107
Фонетические параметры когнитивной обработки текстовой информации: чтение вслух на китайском, английском и русском языках СОКОРЕВА Т. В., ШЕВЧЕНКО Т. И.	113
Корпусный анализ поворотов головы в мультимодальном дискурсе СУХОВА Н. В.	119
Особенности исследования невербальных средств общения в отечественной науке ЦИБУЛЯ Н. Б.	128
Мелодический континуум молодых голосов в городах Великобритании ЧУБАРОВА М. А.	135
Английское лексическое ударение в нормообразующих, норморазвивающих и нормозависимых странах ШЕВЧЕНКО Т. И., РОМАНОВА Е. Ю.	143

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Неклассические принципы сюжетосложения в лирических рассказах Ю. Казакова БОРОВСКАЯ А. А., ЕГОРОВА О. Г., СПЕСИВЦЕВА Л. В.	150
Блоковские реминисценции в сборнике рассказов В. Набокова «Возвращение Чорба» ЕГОРОВА О. Г., РОМАНОВСКАЯ О. Е.	159

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Социализация и инкультурация российских детей и подростков в цифровой среде: основные проблемы и исследования БАРЫШЕВА Ю. С.	166
Тема Петербурга в творчестве Иосифа Бродского: культурный контекст. География перцепции ТЁМКИН В. А., ПОДОЛЬСКАЯ И. А.	177

LINGUISTICS

The Phenomenon of Gemination in the Speech of British Youth BEZBORODOVA MARIA V.	9
New Zealand English Lexical (Word) Stress in Multicultural World BURAYA ELENA A.	15
Paronyms in Languages for Special Purposes as a Translation Problem VLASENKO SVETLANA V.	24
Difficulties in Translating Military Texts from Spanish into Russian DANILIN ALEKSEY S., MUSAILOV MIKHAIL R., GERMAN GEORGY G.	30
Attributes of the Noun Phrase in German Town Chronicles and Prose Genres of the 15 th and 16 th Centuries DUNAEV ARSENY E.	35
Stage Directions in the Notation «The Strychnine Lady» by J. Christou ZELENYAEVA ANASTASIA A.	44
Prosodic Features of Partially Prepared Speech of Americans (on the example of interviews) KULIKOVA XENIA S.	51
Comparative Orthography of Spanish and Portuguese Texts in the Arabic Script MAZNIAK MARIA M., TIKHONOVA OKSANA V.	57
Explanation as a Type of Pragmasemantic Relations in English Discourse System MALAKHOVA VICTORIA L.	65
Some Ways of Mitigation of Categoricalness in Portuguese Fiction and Newspaper-Journalistic Texts NECHAEVA KSENIA K., DOLGIKH ZOYA B.	72
Linguopragmatic Characteristics of the Spanish Diplomatic Discourse (on the material of the Spanish diplomatic reports of the second half of the 18 th century) NESHKES OLGA V.	78
Prosodic Features of English as a Lingua Franca (in dialogical speech) OLEYNIK ANNA V.	84
The Countries of the Third Diaspora Period: Contemporary English Pronunciation Features in Asian Region ROMANOVA EKATERINA Y.	91
Specifics of the Phenomenon of Communicative Programming and Its Implementation on Different Levels of English Language Discourse SOKOLOVA VERA L.	99

CONTENTS

Phonological Features in the Vocal System of the Swiss Variant of the German Language SOKOLOVA GALINA A., ZIMARIN DMITRY A., JAKOVLEVA EMMA B.	107
Phonetic Parameters of Cognitive Processing of Text Information: Reading in Chinese, English and Russian SOKOREVA TATIANA V., SHEVCHENKO TATIANA I.	113
Corpus Analysis of Head Turns in Multimodal Discourse SUKHOVA NATALYA V.	119
Study of Nonverbal Means of Communication by Russian Scholars TSIBULYA NADEZHDA B.	128
Melodic Continuum of Young Voices in British Cities CHUBAROVA MARIA A.	135
English Word Stress in Norm-Providing, Norm-Developing and Norm-Dependent Countries SHEVCHENKO TATIANA I., ROMANOVA EKATERINA Y.	143

LITERARY STUDIES

Non-Classical Principles of Plot Composition in the Lyric Short Stories by Y. Kazakov BOROVSKAYA ANNA A., EGOROVA OLGA G., SPESIVTSEVA LUBOV V.	150
A. Blok's Reminiscences in V. Nabokov's Book of Stories «The Return of Chorb» EGOROVA OLGA G., ROMANOVSKAYA OLGA EU.	159

CULTUROLOGY

Socialization and Enculturation of Russian Children and Adolescents in the Digital Environment: Key Research Problems BARYSHEVA YULIA S.	166
The Theme of St. Petersburg in the Works of Joseph Brodsky: Cultural Context. The Geography of Perception TYOMKIN VICTOR A., PODOLSKAYA IRINA A.	177

Явление геминации в современном английском языке (на примере речи молодых британцев)

М. В. Безбородова

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия, mvb87@rambler.ru*

Аннотация. Явление геминации встречается во многих языках мира. Считается, что для английского языка данное явление не характерно. Цель настоящего исследования – проанализировать существующие исследования, проведенные на материале речи молодых британцев, определить, произносятся ли сочетания удвоенных английских согласных протяжно (т. е. сохраняются ли свойства «истинных» геминантов) или реализуются по звучанию как одиночные согласные (дегеминированно).

Ключевые слова: геминация, «ложная» геминация, дегеминация, геминант, согласный звук, английский язык, британский вариант английского языка, молодежная речь, префиксация, суффиксация

Для цитирования: Безбородова М. В. Явление геминации в современном английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 9–14. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_9

Original article

The Phenomenon of Geminatio in the Speech of British Youth

Maria V. Bezborodova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mvb87@rambler.ru*

Abstract. Many of the world's languages contrast singleton and geminate consonantal phonemes. English no longer has a productive consonantal length. Nevertheless, many linguists state that identical English consonants in certain morphological contexts are produced as geminates ("fake" gemination) and realized acoustically with a longer duration. The aim of the present paper is to analyze whether concatenated English consonants are produced with longer duration or as one sound.

Keywords: gemination, "fake" gemination, degemination, geminates, consonants, British English, duration, youth speech, prefixation, suffixation

For citation: Bezborodova, M. V. (2022). The phenomenon of gemination in the speech of British youth. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 9–14. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_9

ВВЕДЕНИЕ

Явление геминации – это феномен, при котором удваиваются некоторые согласные звуки в определенной позиции – внутри или на стыке слов. Важен не факт сосуществования двух одинаковых звуков, а их произношение: протяжное или краткое.

Различают три типа геминации: лексическая, ассимилированная и связанная. Первый представляет собой элементы одного фонемного ряда, второй – когда один элемент внутри слова подвергается влиянию со стороны второго, третий – одинаковые звуки примыкают друг к другу.

Принято считать, что в английском языке лексическая геминация отсутствует. Однако образование удвоенных согласных в английских словах при определенных условиях свидетельствует о проявлении признаков данного явления. Чаще всего в лингвистической литературе такие сочетания называют «ложными» геминантами. Принято считать, что данный феномен в английском языке носит морфо-фонологический характер, так как удвоенные согласные встречаются только на стыке двух морфем в процессе аффиксации или словообразования [Trask, 1996; Kubozono, 2017].

Во многих языках существует противопоставление между одиночными и удвоенными согласными фонемами. Это играет смысловозначительную роль, если они встречаются в одинаковом окружении. Обычно подобные согласные фонемы находятся в середине слов, но бывают случаи, когда они оказываются в начальном или конечном положениях. В основном геминанты могут находиться в двух разных положениях: внутри одной морфемы (основные) и на стыке морфем (производные). Оба варианта встречаются, например, в турецком и итальянском языках. Второй вариант характерен и для русского языка. В тех же языках, где существуют контрастные пары согласных по длительности, характерной различительной чертой между одиночными и геминированными согласными является длительность их произнесения. Удвоенные согласные могут также оказывать влияние на произнесение предшествующего гласного. Например, в хинди, итальянском и бенгальском языках наблюдается укорачивание гласного, находящегося в положении перед геминированными согласными (как и в закрытом слове). Однако в японском языке гласный в том же положении, напротив, удлиняется.

Говоря об английском языке, можно отметить, что в среднеанглийский период (до XVI в.) в языке существовали удвоенные согласные, лежащие в основе слов и играющие смысловозначительную функцию. Но в новоанглийский период произносительная разница между такими словами, как,

например, *sunu* (*son*) и *sunne* (*sun*), исчезла. А после исчезновения конечного «шва» слова *son* и *sun* стали представлять собой омофоны, произносимые как [sʌn].

СВОЙСТВА ГЕМИНИРОВАННЫХ СОГЛАСНЫХ

Интересным представляется то, в какой степени проявляются свойства геминантов в современном английском языке. По мнению известных фонетистов, примером геминации в фонетике и фонологии английского языка могут являться сочетания одинаковых соседних звуков внутри слова и на стыке слов: *nighttime*, *bookcase*, *solely*, *non-full* и стыке слов: *unknown*, *book-case*, *this Sunday*. Заметим, что в английском языке не бывает геминации в начале слова, если оно не заимствовано из другого языка (*llama*, *llano*, *Lloyd*, *Llewellyn*), а также существуют согласные, которые никогда не удваиваются (/h, j, q, w, x/) [Trask, 1996; Crystal, 2008].

Геминация, встречающаяся на стыке слов, обычно сопровождается ассимиляцией. Возникновение подобного явления связано с трудностью произношения определенных звуковых сочетаний, что, в свою очередь, приводит к экономии речевых усилий. Британский филолог Д. Кристал уточняет, что ассимиляция может быть частичной, например, в сочетании *ten bikes*, которое произносится как [tem baɪks], а не [ten baɪks], вследствие этого геминации не происходит, и полной, например, в сочетании *ten mice* [tem maɪs], где /n/ произносится как /m/ под влиянием последующего /m/. В этом случае /m/ удваивается и геминирует. Примерами возникающего в результате процесса ассимиляции удвоения согласных на стыке слов могут служить словосочетания *good girl* [gʊd gɜ:l], *that kid* [ðɪ:k kɪd], *dress shop* [dres ʃɒp]. В данном случае сочетание удвоенных согласных произносится протяжнее, по сравнению с тем, как бы один согласный произносился в изолированном положении [Crystal, 2008].

Для геминированных сонорных согласных характерно более продолжительное звучание, например: *same man* [seɪm mæn], *calm man* [kɑ:m mæn], *goalless* [ˈgəʊlɪs], *guileless* [ˈgaɪlɪs], *homemade* [ˌhəʊm ˈmeɪd], *roommate* [ˈru:mmeɪt]. Артикуляция взрывных геминированных согласных складывается из одной долгой фазы смычки и следующего за ней взрыва: *rub both* [rʌb bəʊθ], *lack coat* [blæk kəʊt], *nighttime* [ˈnaɪttaɪm], *bookkeeper* [ˈbʊkki:pə(r)], *bookcase* [ˈbʊkkeɪs], *midday* [ˌmɪdˈdeɪ] [Crystal, 2008].

По мнению британского лингвиста Дж. Уэллза, удвоенные, или геминированные, согласные – достаточно распространенное явление в английском языке, которое встречается в следующих случаях:

- 1) на стыке морфем, когда предшествующая морфема заканчивается на ту же согласную, что и начинается следующая, например: *guileless* ['gailləs], *nighttime* ['naittaɪm];
- 2) на стыке слов, когда одно слово заканчивается, а другое начинается на тот же согласный, например: *nice sort* [naɪs sɔ:t], *big girl* [bɪg gɜ:l], *bad dog* [bæd dɒg];
- 3) в результате процесса аффиксации, в том случае, если одинаковые согласные оказываются на стыке при соединении префикса или суффикса к основе, например: *keenness* ['ki:nəs], *meanness* ['mi:nəs], *stalely* [steɪli], *vilely* [vaɪli], *unnecessary* [ʌn'nesəs(ə)rɪ] [Wells, 1982].

Отметим, что существует процесс, противоположный геминации, а именно – дегеминация. В этом случае два одинаковых соседних согласных произносятся как один, например: *dissent* [dɪ'sent], *innumerable* [ɪ'nju:m(ə)rəbl], *abbreviate* [ə'bri:vɪet], *addiction* [ə'dɪkʃ(ə)n], *vitally* ['vaɪtli], *peacefully* ['pi:sf(ə)li], *historically* [hɪs'tɔ:rɪk(ə)li], *specially* ['speʃ(ə)li], *fully* ['fʊli].

Некоторые лингвисты полагают, что присоединение префикса *un-* ведет к геминации, а префикса *in-* – к дегеминации. Так, английский префикс *in-* в словах *innavigable* [ɪ'nævɪgəbl], *innumerable* [ɪ'nju:mərəbl] является классическим примером дегеминации, а префикс *un-*, например: в слове *unnamed* [ʌn'neɪmd], иллюстрирует явление геминации. Наличие геминации сонантов с префиксом *in-*, например *innavigable* [ɪ'nnævɪgəbl], является, по мнению лингвистов, исключением [Ladefoged, 1993; Harris, 1994; Spencer, 1996; Cruttenden, 2008; Cohen-Goldberg, 2013].

Заметим, что в произносительных словарях также прослеживается разница между транскрипцией слов с префиксами *un-* и *in-*. Если префикс *un-* присоединяется к основе, начинающейся на *-n-*, то слово транскрибируется как удлинённый /nn/. В случае присоединения префикса *in-* удлинения в транскрипции не фиксируется [Wells, 2008].

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Настоящая работа ставит своей целью проверить факт наличия или отсутствия проявления геминации в современном английском языке в речи молодых англичан на материале слов с префиксами *un-* и *in-* и суффиксами *-ness* и *-er*. Данные аффиксы выбраны не случайно. Именно они участвуют в образовании наибольшего количества слов с удвоенными согласными.

Для решения поставленных задач было проведено экспериментально-фонетическое исследование длительности одиночных и удвоенных английских сонантов, находящихся в различном фонетическом окружении в изолированно произнесенных словах. В качестве информантов выступили два преподавателя – носителя британского варианта английского языка: Марк – 24 года и Джон – 30 лет.

Для проведения эксперимента были составлены списки слов с префиксами *un-* и *in-* (сонанты исследовались в трех контекстах) и суффиксами *-ness* и *-er*: 10 слов с префиксом *un-* (*unnatural, unnecessary, unknown, unnamed, unfit, undoubted, unbind, uneasy, unaware, unable*); 9 слов с префиксом *in-* (*innovation, innumerable, innocuous, innavigable, incapable, independent, insecure, inevitable, inaccurate*); 5 односложных слов с прибавлением суффикса *-ness* для исследования длительности сочетания *-nn-* (*clean+ness, fine+ness, green+ness, mean+ness, plain+ness*) и 5 аналогичных односложных слов с прибавлением суффикса *-er* для исследования длительности одиночного сонанта *-n-* (*clean+er, fine+er, green+er, mean+er, plain+er*).

Длительность произнесения одиночного и удвоенного сонанта /n/ измерялась с использованием программы «Audacity Sound Editor». Слова с изучаемыми звуковыми сочетаниями появлялись на мониторе на 3 секунды. Информантам было предложено читать слова сразу же, как только они их видели. Корпус для акустического исследования составили 145 слов. Каждое из слов было реализовано в пяти повторениях, которые располагались в случайном порядке, так как, по мнению У. Лабова, достаточно 5–10 реализаций [Labov, 1994].

Удвоенные согласные на спектрограммах программы «Audacity Sound Editor» рассматривались как один сегмент, так как границы между ними неразличимы. На границе между сонантом и гласным на спектрограмме уровень звуковой волны спадает, что указывает на начало и конец отрезка измеряемой длительности. Результаты экспериментально-фонетического исследования представлены в таблицах 1–3.

Анализ полученных результатов экспериментально-фонетического исследования показал, что сочетания удвоенных согласных не всегда реализуются в речи ввиду протяжно звучащих вариантов. Напомним, что у фонетистов нет однозначного мнения о том, геминируют или дегеминируют сонанты в случае их удвоения. Как уже отмечалось, в английском языке не существует оппозиции согласных по длительности. Причиной возникновения лексической геминации служит процесс сохранения обоих согласных. Если сохраняются

два согласных, то можно говорить о морфологической геминации и возникновении значительной разницы произнесения между парой идентичных согласных и такого же одиночного согласного.

Фонетические исследования показывают, что длительность носового сонанта зависит от соседнего элемента. Если за сонантом следует гласный, то первый будет звучать менее протяжно, в то время как следующий за сонантом согласный (несонант) делает его произношение более протяжным.

Рассмотрим степень проявления геминации при присоединении префиксов *un-* и *in-*, сравнивая длительность одиночных и парных сонантов в словах с данными префиксами (таблицы 1–2).

Если сонант [n] произносится протяжнее после присоединении префикса *un-* к слову, начинающемуся с *-n-* (в результате чего возникает удвоение

-n-), чем при присоединении к слову, начинающемуся с гласной, мы можем сказать, что сонант в префиксе *un-* геминирует. В словах с удвоенными согласными в результате присоединения префикса *un-* к основам на *-n-* длительность произнесения сонантов в два раза больше, чем в словах с одиночными сонантами при присоединении префикса *un-* к основе на гласный. В случае присоединения префикса *un-* к основе на согласный длительность произнесения одиночного сонанта *n* примерно в полтора раза меньше длительности удвоенного сонанта. Факт удлинённого в два раза произнесения сочетания удвоенных согласных в словах с префиксом *un-* указывает на проявление геминации. Количественные данные, полученные в результате фонетического эксперимента, представлены в таблице 1.

Таблица 1

ПОКАЗАТЕЛИ ДЛИТЕЛЬНОСТИ СОНАНТОВ В СЛОВАХ С ПРЕФИКСОМ *UN-* (мс)

Фонетический контекст	Усредненный показатель длительности сонантов в каждом слове (все информанты)		Усредненный показатель длительности сонантов
	Примеры слов	Средний показатель длительности сонантов	
/n/ + /n/	unnatural unnecessary unknown unnamed	98 91 118 121	107
/n/ + согласный	unfit undoubted unbind	57 64 83	68
/n/ + гласный	uneasy unaware unable	45 58 42	48

Таблица 2

ПОКАЗАТЕЛИ ДЛИТЕЛЬНОСТИ СОНАНТОВ В СЛОВАХ С ПРЕФИКСОМ *IN-* (мс)

Фонетический контекст	Усредненный показатель длительности сонантов в каждом слове (все информанты)		Усредненный показатель длительности сонантов
	Примеры слов	Показатель длительности сонантов	
/n/ + /n/	innovation innocuous innavigable	59 54 70	61
/n/ + согласный	incapable independent insecure	51 57 62	56
/n/ + гласный	inevitable inaccurate	47 45	46

ПОКАЗАТЕЛИ ДЛИТЕЛЬНОСТИ СОНАНТОВ В СЛОВАХ С СУФФИКСОМ *-NESS* (мс)

Фонетический контекст	Усредненный показатель длительности сонантов в каждом слове (все информанты)		Усредненный показатель длительности сонантов
	Примеры слов	Показатель длительности сонантов	
/n/ + /n/	cleanness fineness greenness meanness plainness	125 135 192 173 168	136
/n/ + согласный	cleaner finer greener meaner plainer	91 83 73 76 64	77

Если удвоенное в результате присоединения префикса *in-* к основе слова, начинающейся на *-n* сочетание *-nn-* произносится протяжнее, чем одиночный сонант в префиксе *in-* при присоединении к основе на гласный или согласный, то можно говорить о геминации исследуемого сонанта в префиксе *in-*. В нашем случае геминированное произнесение сонантов характерно только для слова *innumerous* (длительность произнесения сонантов составила 93 мс, что почти в два раза превышает длительность одиночно произнесенного сонанта в префиксе *in-*). Что касается длительности произнесения удвоенных сонантов в других словах с префиксом *in-*, можно отметить, что данный показатель выше, чем в случае с одиночными сонантами, однако не так существенно: примерно на 8% выше, чем в фонетическом контексте *in-* + согласный и на 25% выше, чем в фонетическом контексте *in-* + гласный. Скорее всего в случае присоединения префикса *in-* к основе, начинающейся на *-n*, нельзя утверждать факт наличия явления геминации в словах с префиксом *in-*. Количественные данные фонетического эксперимента представлены в таблице 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение длительности носовых сонантов при присоединении суффиксов *-ness* и *-er* показало, что длительность звучания сочетания с удвоенными

согласными *-nn-* (в случае присоединения суффикса *-ness* к основе, заканчивающейся на *-n*) почти в два раза больше по сравнению с длительностью звучания одиночного сонанта *-n-* (в случае присоединения суффикса *-er* к основе на *-n*). Полученные экспериментальные данные, представленные в таблице 3, позволяют говорить о наличии геминации при присоединении суффикса *-ness*.

Итак, результаты экспериментально-фонетического исследования длительности произнесения идентичных удвоенных согласных внутри слов (так называемых «ложных» геминантов) в речи молодых англичан показали, что они сохраняют качество геминированных согласных, то есть сочетание одинаковых удвоенных согласных произносится протяжно (длительность в два раза больше, чем длительность произнесения одиночного согласного) в случаях присоединения префикса *in-* к основе, начинающейся на *-n*, и суффикса *-ness* к основе, оканчивающейся на *-n-*. При присоединении префикса *in-* к основе, начинающейся на *-n* явного проявления геминации зафиксировано не было. Можно отметить, что полученные данные подтверждают факт того, что признаки явления геминации в английском языке носят непостоянный характер в отличие от многих других языков. Несмотря на то, что молодые англичане вовлечены в механизм лингвистических изменений, явление геминации не стало новой произносительной тенденцией в их речи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Trask, L. A dictionary of phonetics and phonology. London: Taylor and Francis Routledge, 1996.
2. Kubozono, H. The Phonetics and Phonology of Geminate Consonants. Oxford: Oxford University Press, 2017.

3. Crystal, D. A dictionary of linguistics and phonetics. The language library. 6th ed. Oxford: Credo Reference, Blackwell Publishing, 2008.
4. Wells, J.C. Accents of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
5. Ladefoged, P. A Course in Phonetics. 3rd ed. Fort Worth: Harcourt Brace Jovanovich College Publishers, 1993.
6. Harris, J. English sound structure. Oxford, UK and Cambridge, MA: Blackwell, 1994.
7. Spencer, A. Phonology: Theory and description. Introducing linguistics, vol. 1. Oxford, UK and Malden, MA, USA: Blackwell Publishers, 1996.
8. Cruttenden, A. Gimson's Pronunciation of English, 7th ed. London: Hodder Education, 2008.
9. Cohen-Goldberg, A. M. Towards a theory of multimorphemic word production: The heterogeneity of processing hypothesis // Language and Cognitive Processes, 28(7), 2013. P. 1036–1064.
10. Wells, J. Longman pronunciation dictionary. London: Longman, 2008.
11. Labov, W. Principles of Linguistic Change. Oxford: Blackwell Publishers Inc., 1994. Vol. 1. Internal Factors.

REFERENCES

1. Trask, L. (1996). A dictionary of phonetics and phonology. London: Taylor and Francis Routledge.
2. Kubozono, H. (2017). The Phonetics and Phonology of Geminate Consonants. Oxford: Oxford University Press.
3. Crystal, D. (2008). A dictionary of linguistics and phonetics. The language library. 6th ed. Oxford: Credo Reference, Blackwell Publishing.
4. Wells, J. C. (1982). Accents of English. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Ladefoged, P. (1993). A Course in Phonetics. 3rd ed. Fort Worth: Harcourt Brace Jovanovich College Publishers.
6. Harris, J. (1994). English sound structure. Oxford, UK and Cambridge, MA: Blackwell.
7. Spencer, A. (1996). Phonology: Theory and description. Introducing linguistics. Vol. 1. Oxford, UK and Malden, MA, USA: Blackwell Publishers.
8. Cruttenden, A. (2008). Gimson's Pronunciation of English. 7th ed. London: Hodder Education.
9. Cohen-Goldberg, A. M. (2013). Towards a theory of multimorphemic word production: The heterogeneity of processing hypothesis. Language and Cognitive Processes, 28(7), 1036–1064.
10. Wells, J. (2008). Longman pronunciation dictionary. London: Longman.
11. Labov, W. (1994). Principles of Linguistic Change. Vol. 1. Internal Factors. Oxford: Blackwell Publishers Inc.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Безбородова Мария Валерьевна

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bezborodova Maria Valerievna

PhD (Philological Science), Associate professor, Department of English Phonetics, English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2022
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья

УДК 81.34

DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_15

Лексическое ударение новозеландского варианта английского языка в мультикультурном мире

Е. А. Буряя

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

helen812@list.ru

Аннотация. В работе рассматриваются межвариантные различия в области лексического (словесного) ударения. В фокусе исследования находится вопрос о степени влияния двух произносительных норм, британской и американской, на акцентную структуру слов в новозеландском английском. Анализ проводился на данных словарных статей из «The New Zealand Oxford Dictionary» (2005) и на результатах предыдущих исследований автора. Анализ показал, что на акцентологическом уровне сохраняются тенденции британского стандарта. Это проявляется в общем количестве слов, акцентуация которых следует британским моделям, а также в зависимости дистрибуции ударения от морфологической структуры слова, характерной для британского английского.

Ключевые слова: британский / американский / австралийский / канадский / новозеландский вариант английского языка, лексическое ударение, акцентуация, акцентная модель, главное / второстепенное / третичное ударение

Для цитирования: Буряя Е. А. Лексическое ударение новозеландского варианта английского языка в мультикультурном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 15–23. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_15

Original article

New Zealand English Lexical (Word) Stress in Multicultural World

Elena A. Buraya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

helen812@list.ru

Abstract. The article addresses the issue of lexical (word) stress. The work is designed to outline the basic state-of-the-art tendencies in New Zealand English accentuation and to determine the extent of British and American English impact on New Zealand lexical stress peculiarities. The analysis was based on «The New Zealand Oxford Dictionary» (2005) word entries and the author's previous investigations. The research has shown that at the accentual level British tendencies prevail, which becomes evident from the number of words that follow the British patterns, and from the tendencies that govern the distribution of stress in certain morphological structures.

Keywords: British / American / Canadian / Australian / New Zealand English, lexical stress, a stress pattern, accentuation, primary / secondary / tertiary stress

For citation: Buraya, E. A. (2022). New Zealand English lexical (word) stress in multicultural world. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 15–23. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_15

ВНЕШНЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА НОВОЗЕЛАНДСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В работе исследуются особенности лексического (словесного) ударения новозеландского варианта английского языка и завершает цикл статей о межвариантных различиях в этой области в англоязычных странах, входящих во внутренний круг: Великобритании и США, Австралии, Канады [Бурая, 2010; Бурая, 2016; Бурая, 2019].

Особенности географического расположения Новой Зеландии – ее удаленность и островное расположение – привели к тому, что английский язык на ее территории практически не испытал влияния извне. Внешнее воздействие на него оказали главным образом британский и американский варианты. Влияние британской нормы обусловлено исторически: Новая Зеландия была колонией Великобритании, от которой она унаследовала основы государственного строя и образовательную систему.

Начиная с конца XIX века в образовательной сфере страны практиковался прескриптивный подход к английскому языку, настаивающий на соблюдении британской литературной нормы, которая всегда пользовалась особым престижем в стране и являлась образцом для подражания.

Воздействие американского стандарта стало заметным в послевоенное время, когда укрепились культурные связи с США, и особенно оно возросло, начиная с 1970-х годов под влиянием кинофильмов, радио- и ТВ-передач [Бурая, 2021]. Бауэр полагает, что в Новой Зеландии наблюдается антиамериканский лингвистический шовинизм [Bauer, 1994]. Это предположение основано на выдержках из писем, которые новозеландцы писали в периодические издания: «Most of our worst grammatical and pronunciatory errors stem from America». «We are not Americans, and I know I for one do not like the way this country is trying to carbon copy itself with American influence». Необходимо, однако, отметить, что приведенные цитаты относятся к 1970–1980-м годам. За последние два-три десятилетия в новозеландском медийном пространстве резко увеличился процент американского контента, и популярность американского акцента, особенно среди молодежи, резко возросла [Bayard, 1990; Bayard, 2000; Woods, 2000].

Несмотря на противоречивое отношение новозеландцев к Америке и ее влияние на их речь и культуру, в новозеландском английском (НЗА) существуют такие типичные американизмы, как *collect call*, *movie*, *station wagon*, *sidewalk café*. Исследователи отмечают влияние на грамматическом

уровне: *I only play on the week-end. I've gotten used to it now. The prisoner will appeal this decision* [Bauer 1994]. К фонетическим переносам относят всё возрастающее употребление флэппированного варианта /t/ в интервокальном положении, американский вариант произнесения отдельных слов, таких как *lieutenant*, *schedule*, *clerk*, *vitamin*, и акцентуации в словах: *harass*, *spectator*, *aluminium* [Hay, MacLagan, Gordon, 2008].

В настоящее время большинство лингвистов рассматривают НЗА как самостоятельный национальный вариант, который развился на территории Новой Зеландии в 1870–1890-х годах [Gordon, 2009; Marsden, 2013]. Однако распространена и другая точка зрения: новозеландский вариант – это диалект австралийского английского, перенесенный на территорию Новой Зеландии. Это предположение поддерживает, в частности, Бауэр [Bauer, 1994; Bauer, 2000]. Подтверждение своей гипотезе он находит в 1) поразительном сходстве фонетических черт между австралийским и новозеландским вариантами. Они так близки, что не только говорящие на английских вариантах северного полушария, но и сами австралийцы и новозеландцы не всегда могут их различать; 2) демографическом факторе: многие из первых переселенцев в Новую Зеландию были австралийцами, а многие британские переселенцы прибыли из Австралии, предварительно прожив там несколько лет; 3) лексическом факторе: количество слов, используемых исключительно в Австралии и Новой Зеландии, поразительно велико. Самые типичные слова – *cooe* – Эй!; *cobber* – дружище; *pongo* – англичанин; *sheila* – женщина; *yacker* – работа. Кроме того, между этими государствами всегда были тесные культурно-экономические связи, и в 1880-е годы Новая Зеландия могла стать седьмым штатом Австралии [Hay, MacLagan, Gordon, 2008].

Особенности реализации сегментного состава НЗА достаточно изучены, и обзор произносительных тенденций подробно описан в статье Романовой [Романова, 2020]. Сведения о других уровнях фонологической системы языка пока не систематизированы и носят фрагментарный характер. Это, в частности, относится к уровню лексического ударения.

Хэй, Маклаган и Гордон [Hay, MacLagan, Gordon, 2008] отмечают, что в случае британо-американских несоответствий на уровне лексического ударения новозеландцы предпочитают британский вариант, при этом отдельные слова, среди которых упоминают *harass*, *harassment*, *spectator*, *aluminium*, *frustrate*, произносятся как в американском варианте.

К сожалению, приведенными примерами исчерпывается описание особенностей акцентуации в НЗА. В связи с этим целью данного исследования является выявление основных тенденций в области лексического ударения в НЗА и определение степени влияния на него не только двух мощных конкурирующих произносительных норм, британской и американской, но также и австралийской.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В качестве источника для сопоставительного анализа использовался список слов с несовпадающей британо-американской акцентуацией, включающий 1390 единиц, который был составлен нами [Бурая, 2010] на основе анализа «English Pronouncing Dictionary» [Jones, 2006]. Назовем его *референтным списком*. Слова из этого списка были проверены по электронной версии «The New Zealand Oxford Dictionary» [Deverson, Kennedy, 2005].

Для определения степени влияния австралийского и канадского вариантов использовались данные по анализу лексического ударения в этих вариантах английского языка, полученные ранее [Бурая, 2016; Бурая 2019].

На основе метода сплошной выборки в новозеландском словаре была найдена транскрипция только для 903 единиц из 1390 референтного списка. Около трети слов из этого списка в словаре отсутствуют, главным образом по следующим причинам:

1) «The New Zealand Oxford Dictionary» является, прежде всего, национальным словарем, ориентированным на новозеландцев. Существенный объем его словарной статей включает типичные зеландизмы и освещает явления, отражающие новозеландскую социокультурную тематику. Поэтому в него не вошли некоторые заимствования в английский язык и малоизвестные понятия и названия, относящиеся к культурам других стран. Например, в словарь не включены такие слова, как *samisdat, Ivanov, tayberry, Peugeot, chapeau*.

2) «The New Zealand Oxford Dictionary» не является произносительным словарем. Очевидно поэтому не для всех производных слов в нем указана транскрипция, например нет транскрипции для таких единиц, как *diphthongal, multiplicative, purificatory*.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Общий подсчет показал, что в новозеландском варианте 56,3% слов из референтного списка произносятся по британскому варианту, 24,0%

следуют американским моделям, акцентная структура 3,2% слов совпадает с австралийской, а акцентуацию 16,5% слов можно признать типично новозеландской.

Приведенное соотношение дает основание сформулировать первый вывод. Более половины всех слов, а именно 56,3%, произносятся согласно британской норме. Это самый высокий процент среди других национальных вариантов: австралийского (46,6%) и канадского (36,1%). А доля слов, в которых реализуется американская модель (24,0%), наоборот, оказалась меньше, чем в других вариантах: австралийском (29,7%) [Бурая, 2016] и канадском (41,7%) [Бурая, 2019].

Группа слов с типично новозеландской акцентуацией не велика (16,5%). В австралийском и канадском вариантах такие модели составили 23,7%, и 22,2% соответственно [там же]. Количество слов с характерной австралийской акцентуацией незначительно (3,2%).

Рассмотрим распределение акцентных моделей в двусложных, трехсложных и т. д. словах.

ДВУСЛОЖНЫЕ СЛОВА

Из общего списка в словаре было найдено 381 двусложное слово. Было подсчитано, что в новозеландском варианте большинство двусложных слов произносятся как в британском варианте (60,9%):

BrE: a'ddress, 'detail, pul'sate

AmE: 'address, de'tail, 'pulsate

NZE: 'address, 'detail, pul'sate

Как в американском варианте, произносятся 33,1% слов:

BrE: ,boo'tee, 'Colleen, ,luke'warm

AmE: 'bootee, Co'lleen, 'lukewarm

NZE: 'bootee, Co'lleen, 'lukewarm

Незначительно количество слов (3,9%), которые произносятся с акцентуацией, не совпадающей ни с британской, ни с американской:

BrE: ,blas'pheme, ,down'play, ,Stone'henge

AmE: 'blaspheme, 'downplay, 'Stonehenge

NZE: blas'pheme, down'play, Stone'henge

Двусложные слова в новозеландском английском варианте распределились только по двум акцентным моделям. Как видно из таблицы 1, в двусложных словах в новозеландском варианте отсутствуют

Таблица 1

АКЦЕНТНЫЕ МОДЕЛИ ДВУСЛОЖНЫХ СЛОВ (в %)

Вариант \ Модель	['-']	[-']	['-']	['-',]
BrE	61,1	24,8	14,1	-
AmE	37,7	55,5	6,1	0,7
NZE	57,5	42,5	-	-

Таблица 2

АКЦЕНТНЫЕ МОДЕЛИ ТРЕХСЛОЖНЫХ СЛОВ (в %)

Вариант \ Модель	'---	'--	'--'	'--'	'--'	'--'	'--'	'--'	'--'
BrE	38,8	29,0	25,0	5,8	0,4	0,4	0,4	0,2	-
AmE	40,2	22,5	21,2	3,4	0,6	11,0	0,5	0,6	-
NZE	21,9	29,7	20,5	0,3	23,0	2,6	-	1,7	0,3

двуударные модели ['-',] и [,-'], которые, хотя и крайне немногочисленны, но всё же представлены в других вариантах.

Двусложные слова в новозеландском варианте приблизительно поровну распределяются по двум моделям, при этом незначительное предпочтение отдано модели с ударением на первом слоге (57,5 %).

Уместно напомнить, что британская и американская нормы по-разному адаптируют произношение большинства двусложных заимствований из французского: в британском варианте ударение в таких словах падает, как правило, на первый слог, а в американском – на последний. Ранее было отмечено, что среди двусложных слов высок процент заимствований не только из французского (их большинство), но и из других языков – итальянского, испанского, немецкого, греческого, латыни, арабского, русского. В британском варианте ударение в них также падает на первый слог [Буряя, 2010].

За редким исключением новозеландская норма в этих случаях солидаризируется с британским вариантом:

BrE: 'ballet (фр.), 'café (фр.), 'dinar (араб.), 'diktat (нем.), 'koine (греч.), 'chiffon (фр.),

'croissant (фр.), 'signor (итал.), 'langur (хинди), 'kulak (рус.)

AmE: ba'llet, ca'fé, di'nar, dik'tat, koi'ne, chif'fon, crois'sant, sig'nor, lan'gur, ku'lak

NZE: 'ballet, 'café, 'dinar, 'diktat, 'koine, 'chiffon, 'croissant, 'signor, lan'gur, 'kulak

ТРЕХСЛОЖНЫЕ СЛОВА

Из референтного списка было найдено 353 трехсложных слова. Оказалось, что половина трехсложных слов (50,3 %) произносится, как в британском варианте:

BrE: ,ciga'rette, na'rrator, 'obsolete

AmE: 'cigarette, 'narrator, 'obso'lete

NZE: ,ciga'rette, na'rrator, 'obsolete

Как в американском варианте, произносятся 17,9 % слов:

BrE: 'paprika, sub'tenant, 'Valery

AmE: pa'prika, 'sub,tenant, ,Vale'ry

NZE: pa'prika, 'sub,tenant, ,Vale'ry

Языкознание

Существенно увеличилось количество слов (31,8%), которые произносятся иначе:

BrE: 'airmobile, 'head'quarters, 'Singa'pore
AmE: 'air, mobile, 'head, quarters, 'Singapore
NZE: air' mobile, head' quarters, 'Singa, pore

В новозеландском вариантах было выделено восемь акцентных моделей для этих слов (см. табл. 2).

Данные, приведенные в таблице 2, позволяют сделать вывод, что большинство трехсложных слов во всех трех вариантах относительно равномерно распределены по трем моделям: ([' - -], [- ' -], [- - ']). В новозеландском английском эти модели суммарно набирают 71,1%. В британском и американском вариантах суммарный процент слов с этими моделями значительно выше (92,7% и 84,0% соответственно). Обращает на себя внимание частотность моделей с третичным (посттониическим) ударением: среди трехсложных слов они суммарно составляют 25,9%. Именно эти модели представляют значительную долю тех слов, акцентуация которых не совпадает ни с британскими, ни с американскими аналогами.

Большинство из них заимствованы из французского языка:

BrE: 'Avignon, 'escalope, 'matinee
AmE: ,Avig'non, ,esca'lope, ,mati'nee
NZE: 'Avi,gnon, 'esca,lope, 'mati,nee

Как видно из примеров, британские варианты этих слов произносятся с одним ударением на первом слоге, а американские варианты также двуударные, однако дистрибуция ударений в них иная.

Незначительное количество слов (1,7%) произносится с моделью [- - '], весьма распространенной в австралийском варианте:

NZ / AusE: along'side, maga'zine, mousse'line

ЧЕТЫРЕХСЛОЖНЫЕ СЛОВА

Из референтного списка было найдено 106 четырехсложных слова. Больше половины из них (52,9%) произносятся, как в британском варианте:

BrE: cen'tenary, ,Copen'hagen, 'tirami'su
AmE: 'centenary, 'Copen,hagen, 'tira'misu
NZE: cen'tenary, ,Copen'hagen, 'tirami'su

Произношение 18,7% слов совпадает с американским вариантом:

BrE: ,counter'tenor, 'cabriolet, 'Pater,noster
AmE: 'counter,tenor, ,cabrio'let, ,Pater'noster
NZE: 'counter,tenor, ,cabrio'let, ,Pater'noster

Подсчет показал, что произношение 28,4% слов не совпадает ни с британскими, ни с американскими аналогами:

BrE: 'orthoepy, 'balletomane, me'tallurgy
AmE: or'thoepy, ba'lletomane, 'metallurgy
NZE: 'ortho,epy, 'balleto,mane, 'meta,llurgy

Четырехсложные слова распределились в новозеландском варианте по 12 акцентным моделям (см. табл. 3).

Таблица 3

АКЦЕНТНЫЕ МОДЕЛИ
 ЧЕТЫРЕХСЛОЖНЫХ СЛОВ (в %)

Вариант Модель	BrE	AmE	NZE
'----	13,6	32,4	6,4
-'---	31,9	15,9	19,1
,---'	41,2	20,8	29,2
,---'	4,7	4,8	8,2
'--_--	2,3	13,5	14,5
'---_	0,4	-	3,6
,_--'	0,4	0,5	-
_'--'	2,8	4,2	4,5
_'-'--	0,9	1,0	-
,_-'---	0,4	6,4	1,8
'_----	-	0,5	0,9
--'--	1,4	-	6,4
-'_--'	-	-	4,5
,_-'_--'	-	-	0,9

Анализ данных, представленных в таблице 3, также свидетельствует о высоком, по сравнению с британским и американским вариантами, количестве слов с третичным ударением: суммарно количество слов с моделями, содержащими третичное ударение в новозеландском английском, составило 24,4% против 2,7% и 14,0% в британском и американском вариантах соответственно.

Следует отметить реализацию модели [- - ' - -]: diaAmante, infoAmercial, infoAtainment. Ее доля незначительна (6,4 %), однако следует упомянуть, что одноударные модели с ударением на третьем слоге достаточно частотны для австралийского варианта [Бурая, 2016]. Можно предположить, что в этом проявляется влияние австралийской нормы.

ПЯТИ- ШЕСТИ- И СЕМИСЛОЖНЫЕ СЛОВА

«The New Zealand Oxford Dictionary», как уже было отмечено, не содержит транскрипцию для большинства дериватов, поэтому найденное количество пяти-, шести- и семисложных слов из списка невелико: в словаре было найдено всего 51 единица пятисложных, 11 единиц шестисложных и одна единица семисложных слов. Всего 63 слова.

Большинство слов (59,4%) произносятся, согласно британским моделям:

BrE: a,CADE'mician, in,compre'hension, ,inhos'pitable
AmE: ;acade'mician, ,incompre'hension, in'hospitable
NZE: a,CADE'mician, in,compre'hension, ,inhos'pitable

Американским моделям следуют 25,0% слов в этой группе:

BrE: ,disci'plinary, ,irre'futable, ,poliomye'litis
AmE: 'disciplinary, i'rrefutable, ,polio,mye'litis
NZE: 'disciplinary, i'rrefutable, ,polio,mye'litis

Модели 15,6% слов не совпадают ни с британской, ни с американской акцентуацией:

BrE: ,ina'pplicable, in'fantilism, un'recognizable
AmE: i'naplicable, 'infantilism, unrecog'nizable
NZE: ina'pplicable, in'fanti,lism, un'recog,nizable

При анализе многосложных слов в австралийском и канадском стандартах [Бурая, 2016; Бурая, 2019] оказалось, что среди этой группы высок процент слов с характерной австралийской или канадской акцентуацией. Это позволило сделать некоторые обобщения. Так, например, в австралийском варианте существенной оказалась группа одноударных слов с ударениями на третьем, четвертом и даже пятом слоге, что невозможно ни для британского, ни для американского стандартов. В канадском варианте возросла группа слов с третичным ударением, и его употребление удалось связать с окончанием *-ory*. К сожалению, малое количество слов со специфической новозеландской акцентуацией (10 слов, что составляет 15,6%) не дает возможности выявить какие-либо закономерности. Можно лишь сказать, что доля слов с третичным ударением здесь также существенна – 24,5%.

Исследование показало, что на всех этапах исследования количество слов, которые следуют британским моделям, превышает количество слов, произносимых с американскими и новозеландскими вариантами (см. табл. 4). В австралийском английском с увеличением количества слогов доля слов, совпадающих с британскими вариантами уменьшалась [Бурая, 2016], а в канадском, наоборот, увеличивалась [Бурая, 2019].

ЗАВИСИМОСТЬ АКЦЕНТУАЦИИ ОТ СТРУКТУРЫ СЛОВА

Можно отметить некоторые особенности в акцентуации, связанные с морфологической структурой слова.

1. Большинство двусложных слов в списке (но не все), оканчивающихся на *-ate*, произносятся согласно британской тенденции, т. е. с ударением на втором слоге:

Таблица 4

КОЛИЧЕСТВО СЛОГОВ В СЛОВЕ И ВЫБРАННАЯ НОРМА¹

К-во слогов в слове	Доля слов, следующих британской норме (в %)	Доля слов, следующих американской норме (в %)	Доля слов, следующих новозеландской норме (в %)
2	60,9	33,1	6,0
3	50,3	17,9	31,8
4	52,9	18,7	28,4
5–7	59,4	25,0	15,6

¹ Незначительное количество шести- и семисложных слов не дают полной картины о тенденциях, поэтому они не были включены в данную таблицу.

BrE: do'nate, lac'tate, mi'grate, fil'trate, pho'nate
AmE: 'donate, 'lactate, 'migrate, 'filtrate, 'phonate
NZE: do'nate, lac'tate, mi'grate. *Ho:* 'filtrate, 'phonate

2. Нестабильно произношение существительных, оканчивающихся на суффикс женского рода **-ess**. В новозеландском варианте, как и в британском, он может притягивать главное ударение, а также может оставаться безударным, как в американском варианте:

BrE: ,deaco'ness, ,marchio'ness, ,mayo'ress, prin'cess
AmE: 'deaconess, 'marchioness, 'mayoress, 'princess
NZE: ,deaco'ness, ,marchio'ness.
Ho: 'mayoress, 'princess

3. Новозеландские аналоги названий ягод с суффиксом **-berry** всегда одноударные, как и в британском английском. Однако в новозеландском варианте суффикс произносится как [-bəri:], в то время как в британском варианте он подвергается сильной редукции [-bri:]. В американском варианте суффикс притягивает третичное ударение и произносится [-,berɪ]:

BrE: 'blackberry, 'boysonberry, 'strawberry
AmE: 'black,berry, 'boyson,berry, 'straw,berry
NZE: 'blackberry, 'boysonberry, 'strawberry

4. Географические названия, оканчивающиеся на **-bury**, как и в британском стандарте, одноударные, и суффикс произносится как [-bəri:]. В американских аналогах этот суффикс произносится с третичным ударением и звучит как [-,berɪ]:

BrE: 'Fosbury, 'Glastonbury, 'Shrewsbury
AmE: 'Fos,bury, 'Glaston,bury, 'Shrews,bury
NZE: 'Fosbury, 'Glastonbury, 'Shrewsbury

5. Слова, оканчивающиеся на **-ary**, произносятся, как и в британском варианте, с ударением на слог, предшествующий окончанию. Пятисложные слова двуударные. Окончание читается как [əri:]. В американском варианте они произносятся с ударением на первом слоге в четырехсложных и на втором слоге в пятисложных словах. Окончание безударное, но читается как [eri]:

BrE: cen'tenary, mi'llenary, ,bicen'tenary, ,quincen'tenary
AmE: 'centenary, 'millenary, bi'centenary, quin'centenary
NZE: cen'tenary, mi'llenary, ,bicen'tenary, ,quincen'tenary

Выводы

Результаты проведенного исследования в области лексического (словесного) ударения в новозеландском варианте английского языка позволяют сформулировать некоторые тенденции и сопоставить их с тенденциями в других национальных вариантах.

1. Конкурирующее влияние двух мощных произносительных норм, британской и американской, на НЗА проявилось в том, что в нем более половины слов из списка с несовпадающей британско-американской акцентуацией (56,3 %) следуют британским вариантам. Исследование показало, что на всех его этапах доля слов, которые произносятся согласно британским моделям, превышает долю слов, произносимых с американскими и новозеландскими вариантами.

2. На акцентологическом уровне мнение Л. Бауэра о новозеландском варианте как о диалекте австралийского английского не получило подтверждения: количество слов с австралийской акцентуацией незначительно (3,3 %) [Bauer, 1994; Bauer 2000]. Однако необходимо отметить, что новозеландский вариант позаимствовал у австралийцев модель, невозможную ни для британской, ни для американской нормы: одноударную модель в многосложных словах с ударением на третьем слоге.

3. Модели с третичным (посттоническим) ударением достаточно частотны в новозеландском варианте: суммарно они употребляются в 14,3% слов. Для британского и американского стандартов эти данные скромнее: 1,0% и 6,8%. Это наблюдение сближает новозеландский английский с канадским вариантом [Бурая, 2019]. Однако ни в одном из анализируемых нами источников не упоминается о каком-либо влиянии Канады, ее культуры или языка на новозеландскую речь.

4. Двусложные слова в новозеландском варианте приблизительно поровну распределяются только по двум акцентным моделям: [¹- -] и [- ¹-] с незначительным превосходством модели [¹- -] (57,5%), что типично и для британского варианта. Двусложные заимствования адаптируются также преимущественно с ударением на первом слоге, т.е. как в британском варианте.

5. Тенденции в области влияния морфологической структуры слова на дистрибуцию ударения можно суммировать в следующих пунктах:

- а) большинство двусложных слов, оканчивающихся на **-ate**, произносятся согласно британской тенденции, т.е. с ударением на втором слоге;
- б) нестабильно произношение существительных, оканчивающихся на суффикс

- женского рода **-ess**. Как и в британском варианте, он может притягивать главное ударение, а также может оставаться безударным, как американском варианте;
- в) новозеландские аналоги названий ягод с суффиксом **-berry** всегда одноударные, как и в британском английском;
- г) географические названия, оканчивающиеся на **-bury**, как и в британском стандарте, одноударные;
- д) слова, оканчивающиеся на **-ary**, произносятся, как и в британском варианте, с ударением

на слог, предшествующий окончанию. Пятисложные слова двуударные.

Подводя итог проделанной работы, хотелось бы напомнить, что анализу подвергались слова из референтного списка британо-американских расхождений на уровне лексического ударения, который включает 1 390 единиц. Осмелимся предположить, что в новозеландском варианте реальное количество слов с акцентными моделями, отличными от британских и американских, заметно выше. Данное предположение, бесспорно, нуждается в дальнейшем исследовании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурая Е. А. Акцентуация в британском и американском вариантах английского языка: конвергенция или дивергенция? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 1 (580). С. 23–41.
2. Бурая Е. А. Словесное ударение австралийского варианта английского языка в мультикультурном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Фонетическая полифония звучащей речи. 2016. Вып. 1 (740). С. 19–34.
3. Бурая Е. А. Словесное ударение в канадском варианте английского языка в мультикультурном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 5 (821). С. 9–23.
4. Бурая Е. А. Новозеландский акцент в синхронии и диахронии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 1 (843). С. 34–45.
5. Bauer L. English in New Zealand // The Cambridge History of the English Language. Volume V / Burchfield R. (ed.). Cambridge: Cambridge University press, 1994. P. 382–429.
6. Bayard D. 'God help us if we sound like this': attitudes to New Zealand and other English accents // New Zealand ways of speaking English / Bell A., Holmes J. (eds.). Bristol: Multitudinal Matters, 1990. P. 67–96.
7. Bayard D. The cultural cringe revisited: changes through time in Kiwi attitudes towards accents // New Zealand English / Bell A., Kuiper K. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. P. 297–324.
8. Woods N.J. New Zealand English across the generations: an analysis of selected vowel and consonant variables // New Zealand English / Bell A., Kuiper K. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. P. 84–110.
9. Hay J., Maclagan M., Gordon E. New Zealand English. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008.
10. Gordon E. The New Zealand accent: a clue to New Zealand identity? // New Zealand English Journal. 2009. Vol. 23. P. 40–54.
11. Marsden Sh. Phonological variation and the construction of regional identities in New Zealand English. Unpublished PhD thesis. Victoria University of Wellington, 2013. URL : <https://www.semanticscholar.org>
12. Bauer L. The dialectal origins of New Zealand English // New Zealand English / Bell A., Kuiper K. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. P. 40–52.
13. Романова Е. Ю. Фонетика новозеландского английского: история развития и современные тенденции в произношении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 1 (830). С. 164–177.
14. Jones D. English Pronouncing Dictionary / Ed. by P. Roach, J. Hartman, J. Setter. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 17th ed.
15. Deveson T., Kennedy G. The New Zealand Oxford Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2005. Current online version. URL: [oxfordreference.com>view/10.1093/acref/...](https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/)

REFERENCES

1. Buraya, E. A. (2010). British and American English accentuation: convergence or divergence? *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 1(580), 23–41. (in Russ.)
2. Buraya, E. A. (2016). Australian English words-stress in a multicultural society. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 1(740), 19–34. (in Russ.)
3. Buraya, E. A. (2019). Canadian English words-stress in multicultural world. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(821), 9–23. (In Russ.)
4. Buraya, E. A. (2020). New Zealand English accent in synchrony and diachrony. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(843), 34–45. (In Russ.)
5. Bauer, L. (1994). English in New Zealand. In R. Burchfield (ed.), *The Cambridge History of the English Language* (vol. V, pp. 382–429). Cambridge: Cambridge University press.
6. Bayard, D. (1990). 'God help us if we sound like this': attitudes to New Zealand and other English accents. In A. Bell, J. Holmes (eds.), *New Zealand ways of speaking English* (pp. 67–96). Bristol: Multitudinal Matters.
7. Bayard, D. (2000). The cultural cringe revisited: changes through time in Kiwi attitudes towards accents. In A. Bell, K. Kuiper (eds.), *New Zealand English* (pp. 297–324). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
8. Woods, N. J. (2000). New Zealand English across the generations: an analysis of selected vowel and consonant variables // *New Zealand English* / Bell A., Kuiper K. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 84–110.
9. Hay, J., MacLagan, M., Gordon, E. (2008). *New Zealand English*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
10. Gordon, E. (2009). The New Zealand accent: a clue to New Zealand identity? *New Zealand English Journal*, 23, 40–54.
11. Marsden, Sh. (2013). Phonological variation and the construction of regional identities in New Zealand English: unpublished PhD thesis. Victoria University of Wellington. <https://www.semanticscholar.org>
12. Bauer, L. (2000). The dialectal origins of New Zealand English. In A. Bell, K. Kuiper (eds.), *New Zealand English* (pp. 40–52). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
13. Romanova, E. Yu. (2020). Phonetics of New Zealand English: historical background and modern tendencies in pronunciation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(830), 164–177. (In Russ.)
14. Jones, D. (2011). *English Pronouncing Dictionary*, ed. by P. Roach, J. Setter and J. Hartman. 18th ed. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Deverson, T., Kennedy, G. (2005). *The New Zealand Oxford Dictionary*. Oxford: Oxford University Press. Current online version. [oxfordreference.com>view/10.1093/acref/...](https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/...)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Буряя Елена Анисимовна

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Buraya Elena Anisimovna

PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Phonetics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья

УДК 81'347.78.034+81'371:811.111

DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_24

Паронимы в языках для специальных целей как проблема перевода

С. В. Власенко

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
svetlana.vlasenko@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются английские и русские паронимы в языках для специальных целей и приводятся их переводные соответствия; общепотребительная лексика используется в сравнительно-сопоставительных целях. Дефиниции понятия «пароним» обнаруживают несогласованность, указывая на незамкнутость его семантических границ. Отмечается важность дальнейшего изучения паронимии и паронимических пар для повышения качества переводов в сложных современных междисциплинарных контекстах.

Ключевые слова: близкозвучные слова, лексическое значение, пароним, паронимическая пара, языки для специальных целей

Для цитирования: Власенко С. В. Паронимы в языках для специальных целей как проблема перевода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 24–29. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_24

Original article

Paronyms in Languages for Special Purposes as a Translation Problem

Svetlana V. Vlasenko

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
svetlana.vlasenko@mail.ru*

Abstract. The article analyses English and Russian paronyms in languages for special purposes and describes their translation correspondences while common lexis is used for comparison purposes. Definitions of paronym reveal conceptual discrepancies indicating it remains a semantically open-ended concept. The importance of exploring paronymy and paronymic pairs is accentuated with a view to raising translation quality in the current complex interdisciplinary contexts.

Key words: languages for special purposes, lexical meaning, paronym, paronymic pairs, soundalike words

For citation: Vlasenko, S. V. (2022). Paronyms in languages for special purposes as a translation problem. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 24–29. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_24

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена анализу английских и русских паронимов, представленных в ряде языков для специальных целей, как правило, в виде пар близкозвучных слов, например: *documentary – documented, exposure – exposure, logician – logistician, residue – residual* и *беглец – беженец, жилищный – жилой, криминальный – криминогенный, фактический – фактографический, экономический – экономичный* и др. Исследование паронимии как языкового явления вызывало и продолжает вызывать интерес лингвистов, однако оно изучалось в основном применительно к общепотребительному языку, а терминологи оценивали его важность преимущественно в лингводидактическом аспекте, не включая данное явление в фундаментальные энциклопедические работы [Татаринов, 2006]. Отсутствие статей в признанных учебниках [Baker, 2001] и международных энциклопедиях по переводу [Routledge Encyclopedia, 2011] свидетельствует о недооценке паронимии как проблемного явления со стороны переводоведов.

В статье аргументируется мнение, согласно которому в целях переводоведения исследование паронимических отношений между единицами общелитературной и специальной лексики в языковой паре английский – русский необходимо фокусировать на преобладании именно сопоставительно-языкового аспекта (собственно межъязыковые пары) над внутриязыковыми (только родной язык или только иностранный).

АКТУАЛЬНОСТЬ ПОНИМАНИЯ ПРИРОДЫ ПАРОНИМИИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Паронимия как объект исследования представляет собой сложное явление, поскольку в нем сопряжены два уровня языковой системы – фонетический, а именно близкозвучие, или произносительное сходство, как в примерах *husbandry* ['hʌzbəndri] – *husbandly* ['hʌzbəndli] или *affect* [ə'fekt] – *effect* [ɪ'fekt], и семантический – смысловая близость либо смысловая дистантность, как в примерах *ineffectual* [ɪnɪ'fektʃuəl] – *ineffective* [ɪnɪ'fektɪv] и *device* [dɪ'vaɪs] – *devise* [dɪ'vaɪz]. Данное обстоятельство обуславливает невысокую прозрачность для различения смысла и далеко не очевидную предсказуемость паронимов как объектов перевода.

Целесообразно отметить, что некоторые словарные дефиниции презюмируют наличие у паронимии третьего языкового уровня – *морфологического*, что вытекает из наличия одного и того

же корня у лексем, находящихся в паронимических отношениях, как в примерах *intense* [ɪn'ten(t)s] – *intensive* [ɪn'ten(t)sɪv] [Словарь-справочник 2003, с. 326] или *intolerable* [ɪn'tələrəbl] – *intolerant* [ɪn'tələrənt] [там же, с. 329], *honorary* ['ɒnərəri] – *honourable* ['ɒn(ə)rəbl] [Partridge, 1977, с. 144]. Таким образом, если близкозвучие – устойчивая характеристика паронимов, а морфологическая схожесть презюмируется как условие паронимических отношений между лексическими единицами, то понятийная тождественность – вопрос открытый, что позволяет отнести паронимию как явление и паронимы как ее единицы к понятиям с незамкнутыми семантическими границами. Вследствие этих факторов установление отношений паронимии между единицами специальной лексики и терминологии затруднены в силу несогласованного понимания и описания данного явления лингвистами и терминологами, что отражено ниже.

НЕСОГЛАСОВАННОСТЬ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ ПОНЯТИЯ «ПАРОНИМ»

В последние два десятилетия ряд исследователей паронимии предложили новые подходы к изучению этого явления, в частности, в аспекте прагматики [Прокопчик, 2005] и в парадигме когнитивистики [Демидова, 2014; Конева, 2010]. Это представляется обоснованным и своевременным, в особенности учитывая всё более усложняющиеся контексты профессиональной коммуникации и задачи, возникающие перед переводоведением. Новые подходы к паронимии, однако, не упразднили проблем, которые вызваны несогласованностью ранее выработанных определений паронимов.

Остановимся подробнее на словарных дефинициях рассматриваемых единиц. Так, согласно Л. П. Крысину, пароним – это «слово, близкое к другому слову по форме и по значению, например, *представить* и *предоставить*, *экономный* и *экономичный*», отсюда и само явление лингвист трактует как «близость слов по форме и по значению, например, *бережный* и *бережливый*» [Крысин, 2008, с. 520]. Данная трактовка строится на мнении автора, согласно которому лексические единицы, способные вступать в отношения паронимии, прежде всего являются однокоренными словами, как следует из предложенных им примеров, в которых корневые лексемы – общие для обоих членов паронимической пары. Неожиданно, на фоне имеющихся дефиниций других авторов, отсутствие упоминания о близкозвучии паронимов, что делает данную трактовку недостаточно полной.

Неполноту характеристик понятия «пароним» в дефиниции Л. П. Крысина можно доказательно проиллюстрировать на следующем примере: в паронимической паре *famine* ['fæmɪn] – *feminine* ['femɪnɪn] первый член – это субстантив со значением «голод как общественное бедствие, острая нехватка важных ресурсов (воды, нефти и т. д.)», а второй – адъектив со значением «женский, женственный» [Власенко, 2017, с. 124]. Заметим, что помимо частеречного рассогласования оба члена пары демонстрируют семантически дистантные признаки при наличии произносительного сходства.

Приведенная трактовка Л. П. Крысина отличается от последующей, которая содержит прямое указание на схожесть звукового оформления паронимов. Согласно Ю. А. Бельчикову, паронимы – это «слова с частичным звуковым сходством при полном или частичном семантическом различии» [Бельчиков, 1990, с. 386]. Лингвист выделяет два фактора возникновения проблемы паронимии: преднамеренность и непреднамеренность. Непреднамеренное смешение паронимов правомерно считать речевой ошибкой, а преднамеренное смешение трактуется как стилистический прием паронимазии. Автор прямо оценивает ортолингвистическую природу паронимов, указывая, что «паронимы – один из источников речевых «трудностей»; паронимия рассматривается также в учении о культуре речи. Паронимы – неперемный предмет внимания разного рода словарей «правильной» речи конкретных языков и пособий по культуре речи» [там же].

Кроме того, Ю. А. Бельчиков, давая определение паронимов как предметно-тематически связанных слов, утверждает следующее: «В речи в целях специального сближения или вследствие случайного смешения, как правило, сопоставляются однокорневые слова одного и того же или близких понятийно-предметных планов, а не все члены словопроизводственного гнезда тождественных морфологических свойств» [Бельчиков, 1990, с. 386]. Такая трактовка порождает вопросы, поскольку сразу озадачивает носителей языка в части неприятия всего словообразовательного гнезда от одного корня, члены которого по определению созвучны, как в примере *недействительный – недействующий – недейственный*, что еще более усложняет понимание паронимии.

Наличие таких паронимических пар, как *кольраби – колибри*, где первое слово обозначает овощ, а второе – птицу, а также других разнотематических пар: *алименты – элементы, абстракция – обструкция, подследственный – последовательный*, принадлежащих к непересекающимся

сферам употребления, противоречит одному из перечисленных Ю. А. Бельчиковым критериев принадлежности паронимов к «одному и тому же или близкому понятийно-предметному плану», поскольку указывает на наличие предметно не связанных и тематически не соотносимых слов в паронимических парах. Если учесть языковой материал других исследователей, то это лишает объяснительной силы критерий одинаковой или близкой тематической принадлежности паронимов, делая его мало реализуемым.

Аналогичная ситуация существует и в английском языке, где с очевидностью близкозвучные слова не являются, во-первых, однокоренными, а, во-вторых, предметно-тематически соотносимыми: например: *dust* [dʌst] – *rust* [rʌst] – *trust* [trʌst]. Эти три слова выступают соответственно в следующих значениях: *пыль / прах* (тлен), *ржавчина / моральное разложение* (коррупция) и *доверительная собственность* (управление имуществом по доверенности). Данные примеры наглядны и опровергают условие однокоренного родства членов паронимических пар.

Можно согласиться относить к паронимам созвучные слова, на основе их непреднамеренного смешения в речи: *акция – акация; банкноты – банкроты, декларация – декорация, детективный – дефективный* и др. Однако в целях настоящей статьи следует признать, что возможность речевых ошибок или оговорок у переводчиков как языковых посредников коммуникации не исключается, но является маловероятной в силу развитого механизма контроля порождаемой речи, в особенности когда речь идет о подобных примерах. В действительности образованные носители языка не могут ошибиться в употреблении слов *детективный – дефективный*, но вероятность смешения прилагательных типа *дефективный – дефектный* или *жилищный – жилой* значительно выше. Именно такие случаи, когда значения слов характеризуются смысловой близостью, становятся объектом описания словарей трудностей [Словарь-справочник, 2003] и нормативного речупотребления [Розенталь, Теленкова, 2005; Partridge, 1977].

Следует отметить, что в отличие от дефиниции Л. П. Крысина определение Ю. А. Бельчикова содержит важное уточнение о том, что первичным для идентификации явления паронимии является соотношение семантического различия при схожести произношения. Определение неслучайно содержит градацию семантического различия на «полное» или «частичное», поскольку именно подобная градация свидетельствует о неоднозначности явления паронимии. Кроме того, семантическая градация как характеристика паронимии

также указывает на достаточную сложность этого явления для двуязычного отслеживания и узуального описания, что требуется для целей переводоведения.

Лаконичным, но вовсе не исчерпывающим, на наш взгляд, является определение, предложенное авторами двуязычного словаря по лингвистике и семиотике, которые называют паронимом «слово из группы лексем, близких по звучанию, но различных по значению. Например, *космический – косметический*» [Баранов и др., 2001, с. 263]. Здесь отсутствует указание на возможную тождественность или дистантность семантических признаков, т. е. не предлагается семантическая градация, содержащаяся в дефиниции Ю. А. Бельчикова, которая в ряде переводческих случаев оказывается значимой.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ КОМПОНЕНТОВ ПАРОНИМИЧЕСКИХ ПАР В ПЕРЕВОДЕ

Для иллюстрации необходимости дальнейшей разработки понятий «пароним» и «паронимия», приведем пример паронимической пары, основанной на большой произносительной схожести лексем, звучание которых отличается лишь одним согласным звуком в суффиксальной части – *husbandly* ['hʌzbəndli] и *husbandry* ['hʌzbəndri]. Однако несовместимость контекстов их употребления может обернуться заметной ошибкой в переводе. Первая лексема адъективная, указывающая на принадлежность какого-либо предмета (имущества) мужу или приписывающая мужу авторство / инициативу какого-либо действия либо поступка; этот смысл реализован в значениях *принадлежащий мужу; подходящий мужу*. Вторая лексема имеет следующие значения: *сельское хозяйство, земледелие, а также фермерство; разведение домашних животных; животноводство*. Заметим, что обозначать животноводство / скотоводство *animal husbandry* принято в американском варианте английского языка, в других вариантах приняты иные реализации понятия, а именно: *livestock farming, livestock-breeding, cattle raising* [АБВУ, 2014] и др. Важно указать, что *agriculture, farming* и *husbandry* выступают гиперонимами для обозначения понятия *сельское хозяйство*, в то время как другие термины – *arable farming, crop farming, crop-growing agriculture, farming agriculture*, а также *livestock farming, livestock-breeding, cattle raising* – следует рассматривать как гипонимы.

Важно отметить, что наличие сем «земледелие» и «животноводство» в поле лексических

значений сельскохозяйственного термина *husbandry* свидетельствует прежде всего о семантической обобщенности его признаков, что позволяет отнести его к гиперонимам. Известно, что традиционно фермерские хозяйства, специализировались на каком-то одном из названных видов деятельности; лишь самые крупные из них – комплексные, как агробизнес в целом.

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ПАРОНИМОВ

Анализ определений паронимов и немногочисленные двуязычные исследования оставляют вопросы, которые, видимо, не были приоритетными для первых исследователей этого явления. Одним из таких вопросов является жесткая зависимость семантики членов паронимических пар от непосредственного контекста употребления. Так, ранее мы указывали на юридические паронимы *warrant* ['wɔr(ə)nt] – *warranty* ['wɔr(ə)nti] и *concluded* [kən'klu:did] – *concluding* [kən'klu:diŋ], поясняя, что лексические значения этих паронимов, хотя и относятся к сфере юриспруденции, подпадают под разные юридические отрасли, подчиняясь требованиям непосредственного контекста: *warrant* – 1) *решение, предписание суда*, 2) *ордер*, в то время как *warranty* – 1) *гарантия*; 2) *простое условие договора* (соглашения, контракта, в отличие от существенных условий); *concluded contract* – *заключенный контракт*; *concluding document* – *итоговый документ, заключительный документ*; *concluding clauses* – *заключительная часть* (договора, контракта, соглашения) [Власенко, 2017, с. 122].

В этой связи уместен также пример паронимической пары *devise* [dɪ'vaɪs] – *devise* [dɪ'vaɪz], где первый член – субстантив со значениями 1) *прибор, аппарат*; 2) *метод, прием*, а второе – глагол со значением *изобретать*. При этом в субстантивной форме *devise* – омоним юридического термина наследственного права со значением *завещание недвижимости* и (или) *завещанное недвижимое имущество*. Еще одно значение юридического термина наследственного права *devise* – *завещательный отказ недвижимости*, или *легат* [там же, с. 124]. Семы «завещание» и «отказ от завещания» указывают на амбивалентность семантики термина, полярность его семантических признаков внутри отраслевого права.

В другом примере бесспорным представляется близкозвучие двух понятий *медиация* – *медитация*, как и их семантическое несовпадение, следствием чего являются разные контексты употребления. Первая терминологическая лексема – *медиация* – обозначает процедуру внесудебного

(досудебного) урегулирования конфликта или спора между сторонами (договора, сделки и т. п.), вторая – *медитация* – обозначает состояние длительной внутренней сосредоточенности, самосозерцания (на основе [АВВУ, 2014]). Данный пример можно с уверенностью назвать достаточно редким, поскольку здесь полностью совпадают звуковые и семантические признаки терминологических лексем по обе стороны контактирующих языков: *mediation* [ˌmi:di'eɪʃ(ə)n] – *meditation* [ˌmedi'teɪʃ(ə)n] и *медиация* – *медитация*.

Данные примеры позволяют показать семантически не пересекающиеся признаки столь схожих, почти идентичных, в звучании англоязычных слов, отличающихся лишь терминальными согласными звуками, представляющими оппозицию глухой – звонкий в примере *device* – *devise*, и в случае англо-русских пар *mediation* – *meditation* и *медиация* – *медитация*, также несущественно отличающихся в звучании. Эти примеры подтверждают комплексный характер явления паронимии, схватывающего более двух уровней языковой системы и представляющего сложности в устном переводе, который протекает в междисциплинарных контекстах сферы профессиональной коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье была продемонстрирована важность дальнейшего изучения паронимии и паронимов

для развития классического направления теории перевода по лексико-семантическому изучению языковых соответствий в контактирующих языках, что позволит повысить качество выполняемых переводов в постоянно усложняющихся контекстах профессиональной коммуникации, обслуживаемой языками для специальных целей.

Отслеживание паронимов, их систематизация и описание, а также анализ межъязыковых соответствий в разных пластах специальной лексики посредством развития языковой компетенции переводчиков позволит обеспечить качество переводов, выполняемых в сложных современных контекстах, которые характеризуются междисциплинарностью и полимодальностью.

Нам представляется целесообразной дальнейшая разработка унифицированного набора более четких критериев по отбору паронимических пар, что могло бы обеспечить более самостоятельный статус категории паронимов как лексического пласта в разных языках для специальных целей. Этому могло бы способствовать применение более широкого подхода к определению паронимии, который будет в меньшей степени зависеть от строгой морфологической общности этой категории лексики, что также позволит вывести паронимию из областей ортолингвистики как теории правильной речи и лингводидактики, основанной на методах преподавания языков, заметно расширив направления ее исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Татаринов В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский лицей, 2006.
2. Baker M. In other words: A coursebook on translation. London and New York: Routledge, 2001.
3. Routledge encyclopedia of translation studies. 2nd ed. / Mona Baker and Gabriela Saldanha (eds.). London and New York: Routledge, 2011.
4. English usage: Словарь-справочник по нормативному речепотреблению. М.: Астрель – АСТ, 2003.
5. Partridge E. Usage & Abusage : A guide to good English. Aylesbury: Penguin Books & Hamish Hamilton, 1977.
6. Прокопчик О. Д. Семантические механизмы и прагматические функции паронимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
7. Демидова Е. Н. Паронимия в научном тексте: когнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014.
8. Конева Е. А. Специфика функционирования паронимов в ментальном лексиконе: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010.
9. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2008.
10. Власенко С. В. Паронимы в современном английском юридическом языке: лингводидактические аспекты // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в неязыковых вузах: сборник материалов семинара (Рязань, 26 мая 2017 года). Рязань: Издательство Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказания России, 2017. С. 121–127.
11. Бельчиков Ю. А. Паронимия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
12. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. 6-е изд. М.: Айрис-пресс, 2005.

13. Баранов А. Н. и др. *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике* / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, М. Н. Михайлов, П. Б. Паршин, О. И. Романова. Изд. 2-е, исп. и доп. М.: Азбуковник, 2001.
14. ABBYY 2014: *Electronic Multilingual Dictionary. Version 16.0*. ABBYY Software Ltd., 2014. URL: www.lingvo.ru (accessed 22/03/2021).

REFERENCES

1. Tatarinov, V. A. (2006). *Obshcheye terminovedeniye: enciklopedicheskiy slovar' = General Terminological Studies: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Moskovskiy licey. (In Russ.)
2. Baker, M. (2001). *In other words: A coursebook on translation*. London and New York: Routledge.
3. Baker, M., Saldanha, G. (eds.), (2011). *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. 2nd ed. London and New York: Routledge.
4. *English usage* (2003). *Slovar'-spravochnik po normativnomu recheupotrebleniyu*. Moscow: Astrel' – AST.
5. Partridge, E. (1977). *Usage & Abusage : A Guide to Good English*. Aylesbury: Penguin Books & Hamish Hamilton.
6. Prokopchik, O. D. (2005). *Semanticheskiye mekhanizmy i pragmaticheskiye funktsii paronymii = Semantic mechanisms and pragmatic functions of paronymy: abstract of PhD thesis in Philology*. St Petersburg. (In Russ.)
7. Demidova, E. N. (2014). *Paronymiya v nauchnom tekste: kognitivnyy aspekt = Paronymy in scientific texts: Cognitive aspect: abstract of PhD thesis in Philology*. Chelyabinsk. (In Russ.)
8. Koneva, E. A. (2010). *Specifika funkcionirovaniya paronymov v mentalnom leksikone: eksperimental'noye issledovaniye = Specifics of paronyms in mental lexicon: Experimental study: abstract of PhD thesis in Philology*. Kursk. (In Russ.)
9. Krysin, L. P. (2008). *Illustrirovannyj tolkovyj slovar' inostrannykh slov = Illustrated explanatory dictionary of foreign borrowings*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
10. Vlasenko, S. V. (2017). *Paronymy v sovremennom anglyjskom juridicheskom yazyke: lingvodidakticheskiye aspekty = Paronyms in Modern Legal English: Aspects of linguistic didactics*. In: *Philological and pedagogical aspect of humanitarian education in non-linguistic universities (pp. 121–127): Seminar proceedings*. Ryazan. (In Russ.)
11. Bel'chikov, Yu. A. (1990). *Paronymiya = Paronymy*. In: V. N. Jarceva (ed.), *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar'*. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)
12. Rozental', D. E., Telenkova, M. A. (2005). *Slovar' trudnostey russkogo yazyka = Dictionary of difficulties in the Russian language*. Moscow: Airis-press. (In Russ.)
13. Baranov, A. N., Dobrovolskiy, D. O., Mixajlov, M. N., Parshin, P. B., Romanova, O. I. (2001). *Anglo-russkiy slovar' po lingvistike i semiotike = English-Russian Dictionary of Linguistics and Semiotics*. 2nd ed., revised. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
14. ABBYY 2014: *Electronic Multilingual Dictionary. Version 16.0*. ABBYY Software Ltd., 2014. www.Lingvo.ru (accessed 22.03.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Власенко Светлана Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка как второго иностранного переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vlasenko Svetlana Victorovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of English as the Second Foreign Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья

УДК 81.33

DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_30

Трудности перевода военных текстов с испанского языка на русский

А. С. Данилин¹, М. Р. Мусаилов², Г. Г. Герман³

^{1,2}Военный учебный центр, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹danila-dan@yandex.ru

²Compromiso07@mail.ru

³Центр подготовки информации и сопровождения интернет-ресурсов
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, mil@linguanet.ru

Аннотация. Развитие военного и военно-технического сотрудничества между военными ведомствами и оборонно-промышленными комплексами России и стран Латинской Америки, разработка принципиально новых видов вооружений и техники создают необходимость расширения лингвистического обеспечения данной деятельности. В статье рассматриваются основные проблемы, возникающие при переводе военных терминов и аббревиатур с испанского языка на русский, а также особенности испаноязычной военной лексики, оказывающие значительное влияние на перевод.

Ключевые слова: перевод, военный перевод, испанистика, терминология, аббревиация

Для цитирования: Данилин А. С., Мусаилов М. Р., Герман Г. Г. Трудности перевода военных текстов с испанского языка на русский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 30–34. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_30

Original article

Difficulties in Translating Military Texts from Spanish into Russian

Alexey S. Danilin¹, Mikhail R. Musailov², Georgy G. German³

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹danila-dan@yandex.ru

²Compromiso07@mail.ru

³Centre of Information Preparation and Internet Services Maintenance,
Ministry of Defence of the Russian Federation Moscow, Russia, mil@linguanet.ru

Abstract. The development of military and military-technical cooperation between the military establishments of Russia and the countries of Latin America, the designing of fundamentally new types of armaments and vehicles generate the necessity to amplify the linguistic support of this activity. The article examines the main problems encountered in the translation of military terms and abbreviations from Spanish into Russian, as well as the specificities of the military lexicon in the Spanish language that has a significant impact on translating.

Keywords: translation, military translation, Hispanism, terminology, abbreviation

For citation: Danilin, S., Musailov, M. R., German, G. G. (2022). Difficulties in translating military texts from Spanish into Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 30–34. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_30

ВВЕДЕНИЕ

Ка́то Ломб, известная венгерская переводчица и писательница, работавшая синхронным переводчиком с 1950-х годов, однажды сказала: «Иностранный язык – это крепость, которую нужно штурмовать со всех сторон одновременно: чтением газет, слушанием радио, просмотром недублированных фильмов, посещением лекций на иностранном языке, проработкой учебника, перепиской, встречами и беседами с друзьями-носителями языка»¹. Если сравнивать перевод публицистических и художественных текстов со штурмом крепости, то перевод непосредственно военных текстов – это стратегическая наступательная операция.

Язык военных текстов – это особый вид языка, характеризующийся присущими только ему структурными особенностями так же, как и в любой другой сфере деятельности человека – медицине, геологии, строительстве, хирургии, математике и т. д. Военные материалы информационного содержания можно разделить на военно-технические тексты и тексты, регламентирующие жизнь и деятельность войск – приказы, распоряжения, доклады, донесения, сводки – различного рода боевые документы, что позволяет выделить военные тексты в особую функциональную разновидность – подстиль военных текстов.

В военных текстах можно проследить следующий набор стилевых черт:

- 1) насыщенность текстов специальными терминами;
- 2) наличие аббревиатур и сокращенных обозначений;
- 3) логичность и ясность изложения;
- 4) динамизм высказывания;
- 5) официальность изложения;
- 6) безличность высказывания;
- 7) отсутствие образности;
- 8) отсутствие эмоциональности;
- 9) краткость.

Для того чтобы точно и правильно выполнить перевод военных материалов, переводчик должен владеть специальностью, знать профессиональную узкоспециальную лексику и область ее применения, уметь различать виды профессионально ориентированных текстов и учитывать их семантико-структурное устройство, а также знать особенности письменного перевода, владеть его основными способами и приемами [Макурина, 2015].

Испанские военные термины имеют свои особенности и заметные отличия от русских военных терминов, не говоря уже о несовпадении объема значений одних и тех же терминов в этих языках.

Военная лексика в испанском языке менее дисциплинирована и отработана, чем в русском языке, в силу своего военного опыта, культурных и языковых традиций. Лингвисты и переводчики основными чертами военных текстов называют: сконцентрированность информации, предельно четкое изложение материала за счет использования большого количества терминов, наличие аббревиатур, условных знаков и кодовых названий [Макурина, 2015]. Рассмотрим трудности, с которыми сталкиваются переводчики испанских военных текстов.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ИСПАНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

По мнению российского лингвиста А. А. Реформатского, «термины – это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей. Это необходимо в науке, технике, политике и дипломатии» [Реформатский, 1966].

Известный специалист в области теории перевода и переводоведения В. Н. Комиссаров считает, что термины – это «слова и словосочетания, обозначающие специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты определенной области науки или техники» [Комиссаров, 2013]. Рассмотрим термины и их перевод на примере испанского языка.

Ejército. Термин *Ejército* может иметь значения:

- а) армия;
- б) вооруженные силы;
- в) вид вооруженных сил;
- г) общевойсковая армия (объединение).

Во всех этих значениях слово *Ejército* пишется с заглавной буквы.

Unidad. В испанском языке нет специальных терминов для обозначения понятий «подразделение» и «соединение» в силу значительных структурных различий между вооруженными силами России и испаноязычных стран. Они переводятся следующим образом: подразделение – *pequeña unidad, elemento, unidad menor*; соединение – *gran unidad, unidad mayor*.

Военно-морской флот (ВМФ). Русские термины «военно-морской флот» (ВМФ) и «военно-морские силы» (ВМС), обозначающие морской компонент в вооруженных силах России и иностранных государств в испанском языке имеют следующие эквиваленты: *Ejército del Mar, Armada, Marina de Guerra, Marina, Marina nacional, Marina militar, Fuerza Naval*. Чаще употребляются термины *Armada, Ejército del Mar* и *Marina de Guerra*. Термин **Armada** обозначает,

¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ломб_Ка́то

кроме того, *оперативное объединение ВМС*. Выбор испанского термина зависит от названия данного вида вооруженных сил на языке оригинала, если речь идет об иностранных военно-морских силах.

Военно-воздушные силы (ВВС). С 1 августа 2015 года ВВС России потеряли статус отдельного вида вооруженных сил, став одним из родов сил в составе Воздушно-космических сил (ВКС). Данный термин получил испанский эквивалент *Fuerzas Aeroespaciales*. 12 сентября 2020 года аналогичное наименование получили ВВС Франции, но в испанском языке оно получило эквивалент *Ejército del Aire y del Espacio*, семантически и синтаксически идентичный французскому термину. Однако в большинстве стран воздушный вид вооруженных сил продолжает именоваться «военно-воздушными силами». В испанском языке данному термину соответствуют следующие эквиваленты: *Fuerza(s) Aérea(s)*, *Ejército del Aire* и *Aeronáutica Militar*.

Таким образом, можно сделать вывод, что термин несет в себе основную нагрузку содержания военного текста и может не иметь аналогов в языке перевода.

ПЕРЕВОД АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

Аббревиатура – сложносокращенное слово, образованное из начальных букв или слогов какого-либо словосочетания (например: *ВМФ*, *военком*); условное сокращение одного или нескольких слов. Часто при переводе сокращений и аббревиатур у переводчика возникают проблемы с выбором способа их перевода на русский язык. В испанских военных текстах аббревиатуры используются значительно чаще, чем в русских. При этом в испанском языке, в отличие от русского, одно и то же сокращение может обозначать несколько значений. Например, сокращение *R* в военных текстах имеет следующие значения: *radar*, *radio*, *remolque*, *regimiento*, *regulación*, *remolcador*, *reservado*, (*puesto de*) *regulación*, *retirado*, *roentgen* и т. д.

Сокращение *S* может иметь значения: *sargento*, *satélite*, *sección*, *secreto*, *segundo*, *seguro*, *submarino*, *sur* и др.

В то же время один и тот же термин в испанском языке может обозначаться различными сокращениями. Так, термин *helicóptero* имеет пять обозначений: *H*, *He*, *Hel*, *Heli*, *Helo*, термин *cañón* имеет пять обозначений: *C*, *Ca*, *Cañ*, *Cnn*, *Cn*. Особенно широкое распространение аббревиатуры и сокращения получили во всех видах боевых документов, в которых к тому же широко используются числовые условные обозначения, а также различного рода символы и знаки.

На все испанские военные самолеты и вертолеты наносятся знаки национальной принадлежности летательных аппаратов: круг диаметром 50–60 см, образованный чередующимися кольцами желтого и красного цветов, а также белый прямоугольник с двумя черными диагоналями. Круг изображается на обоих бортах фюзеляжа и поверхностях консолей крыла, а прямоугольник – на руле поворота.

Цифровые обозначения наносятся рядом с опознавательным знаком (кругом) и делятся на две группы: первая включает три цифры, представляющие собой номер авиационного крыла (первые две) и эскадрильи (все три), к которым принадлежит самолет, а вторая – одну или две цифры, являющиеся его бортовым номером. Так, цифры 112–5 указывают, что это самолет 112-й эскадрильи находится в составе 11-го авиакрыла, его бортовой номер – 5. На фюзеляже палубного истребителя «Матадор» нанесены цифры 008-4, указывающие, что он принадлежит к 8-й отдельной, т. е. не входящей в какое-либо крыло, эскадрилье. Его бортовой номер – 4.

Иногда, в зависимости от принадлежности к тому или иному виду вооруженных сил либо от предназначения самолета (вертолета), на бортах его фюзеляжа и плоскостях крыла делаются определенные буквенные надписи, а также наносятся специальные эмблемы (чаще всего на киль). Например, на летательных аппаратах подразделений поисково-спасательной службы (801, 802 и 803-я АЭ) нанесены буквы SAR, на самолетах морской авиации – надпись MARINA и эмблема, на вертолетах армейской авиации – ET и эмблема, на вертолетах гражданской гвардии (жандармерии) – надпись GUARIVIL.

Кроме того, на самолетах и вертолетах, как правило, на бортах передней части фюзеляжа или воздухозаборниках двигателей изображаются эмблемы (иногда в западной прессе их называют отличительными знаками) авиакрыльев, групп, эскадрилий, училищ, школ и т. д.

Аббревиация применяется и к терминам, обозначающим ракетное оружие. Боевые ракеты делятся на классы в зависимости от места пуска и нахождения цели («земля – земля», «воздух – воздух», «воздух – земля», «корабль – земля», «воздух – корабль» и т. п.).

В военной литературе встречается деление и на более широкие классы: «поверхность – поверхность», «поверхность – воздух», «воздух – воздух», где под поверхностью подразумеваются земля, море (корабль).

В испанской армии и ряде армий латиноамериканских стран приняты сокращения, используемые в вооруженных силах США. Они могут быть

трехбуквенными и четырехбуквенными. Трехбуквенные состоят из начальных букв английских слов: 1-я буква обозначает место пуска, 2-я буква – нахождение цели, а 3-я – всегда буква *M* (английская лексема *missile* соответствует испанским *cohete, proyectil, misil*).

Зная англо-испанские соответствия, обозначающие места пуска и нахождения цели (*air – aire, surface – superficie, underwater – bajo el agua* и т. д.), переводчик без труда расшифрует встречающиеся в военных текстах сокращения классов боевых ракет:

- AAM (*air-to-air missile*) – *aire-aire (cohetes lanzados desde aviones contra aviones)* – ракеты класса «воздух – воздух»;
- ASM (*air-to-surface missile*) – *aire-superficie* – ракеты класса «воздух – поверхность»;
- SUM (*surface-underwater missile*) – *superficie-bajo el agua* – ракеты класса «земля – подводная цель».

Для баллистических ракет используются четырехбуквенные сокращения:

- ICBM (*intercontinental ballistie missile*) – *proyectiles balísticos intercontinentales* – межконтинентальная баллистическая ракета;
- IRBM (*intermediate range ballistic missile*) – *proyectiles balísticos de alcance medio* – баллистическая ракета средней дальности;
- SRBM (*short range ballistic missile*) – *proyectiles balísticos de corto alcance* – баллистическая ракета малой дальности;
- SHORAD – аббревиатура от английского **Short-Range Air Defense**. Соответствует испанскому терминологическому сочетанию «система ближней ПВО»;
- SAR – заимствование из английского языка. Испанский вариант: *radar de apertura sintética* – РЛС с синтезированной аппаратурой.

Таким образом, важно отметить, что расшифровка аббревиатур представляет собой очень сложную задачу и возможна только при условии функционального подхода к определению значения сокращения, иногда – на уровне всего текста.

ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ИСПАНСКИХ ВОЕННЫХ ТЕКСТАХ

В ходе изучения и применения иностранного языка возникает тенденция переноса языковых

привычек из одного языка на чужую языковую систему. Родной язык, прочно укоренившийся в сознании, способствует установлению ложных аналогий между формально похожими словами. Такие слова называют «ложными друзьями переводчика», поскольку их формальное сходство создает ложное впечатление об их взаимозаменяемости, из-за чего и возникают многие переводческие ошибки [Илюшкина, 2015]. В текстах военной направленности особенно важно их не допускать.

Приведем несколько примеров конструкций и слов, которые могут вызвать затруднения. Так, например, слово *capellán* – *капеллан*: священник в испанской армии, который, как правило, имеет офицерское звание. Помимо религиозных функций, осуществляет также контроль за морально-политическим состоянием солдат и офицеров. Не имеет ничего общего с русским *капитан*. Трудности при переводе также вызывает слово *trayectoria*, так как в определенном контексте оно выступает в значении, не указанном в словаре. Эквивалентом этого термина в некоторых случаях является «срок службы в профессиональной армии».

Таким образом, можно сделать вывод, что реальное значение слова может значительно отличаться от того, на которое оно фонетически похоже в русском языке. Необходимо проверять значение каждого слова в словарях, а также понимать контекст, в котором оно употреблено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуальность данного вопроса объясняется тем, что военный перевод – востребованная сфера в условиях современной реальности. На вооружение поступают иностранные образцы техники и оружия, которые нуждаются в описании и переводе, поэтому необходимо разбираться в особенностях военного перевода испанских текстов, учиться обходить сложности. Для этого важно проводить дополнительные курсы для студентов-переводчиков, увеличивать часы практических занятий и на конкретных примерах разбирать трудности перевода военных текстов.

Подводя итог, важно сказать, что в военном переводе большое значение имеет точность перевода, так как переведенный материал может служить основой для принятия важных решений, проведения военных операций. Переводчик должен совершенствовать свои навыки и умения в данной сфере, читать специализированную литературу и практиковаться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макурина И. Ю. Военный текст: стратегии обучения переводу // LINGUA MOBILIS. 2015. №1 (52). С. 137–140.
2. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1966. С. 110–111.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Альянс, 2013.
4. Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы: учебное пособие. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета, 2015.

REFERENCES

1. Makurina, I. Yu. (2015). Voenniy tekst: strategii obucheniya perevodu = Military text: strategies of teaching translation. LINGUA MOBILIS, 1(52), 137–140. (In Russ.)
2. Reformatskiy, A. A. (1967). Termin kak chlen leksicheskoy sistemy yazyka = Term as a member of the lexical system of the language. In Problemy strukturnoj lingvistiki (pp. 103–125). Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Komissarov, V. N. (2013). Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Theory of translation (linguistic aspects). Moscow: Alyans. (In Russ.)
4. Ilyushkina, M. Yu. (2015). Teoriya perevoda: osnovnye ponyatiya i problemy = Theory of translation: basic concepts and problems. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Данилин Алексей Сергеевич

кандидат военных наук, доцент, доцент Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета

Мусаилов Михаил Рубенович

преподаватель Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета

Герман Г. Г.

офицер отдела ведения иноязычных проектов Центра подготовки информации и сопровождения интернет-ресурсов
Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Danilin Alexey Sergeevich

PhD (Military Sciences), Associate Professor, Associate Professor at the Military Training Centre,
Moscow State Linguistic University

Musailov Mikhail Rubenovich

Lecturer at the Military Training Centre, Moscow State Linguistic University

German Georgy Germanovich

Officer at the foreign-language projects maintenance unit, Centre of Information Preparation and Internet Services Maintenance,
Ministry of Defence of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 29.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.12.2021;
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021;
approved after reviewing 20.12.2021;
accepted for publication 27.01.2022

Атрибуты именной группы в городских хрониках и прозаических жанрах немецкого письменного языка XV–XVI веков

А. Е. Дунаев

*Самарский национальный исследовательский университет, Самара, Россия
held@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются атрибуты именной группы в немецкоязычных хрониках XV–XVI вв. в сравнении с другими жанрами письменности. Материалом исследования послужили три немецкоязычные хроники XV–XVI вв. Наиболее частотны в хрониках генитивные атрибуты. Адъективные и причастные определения значительно менее частотны, чем в других рассмотренных жанрах. Распространенные причастные определения в хрониках практически не отмечены. Характеристики субстантивной группы в этих текстах ближе к литературным жанрам, чем к канцелярской письменности. Именную группу в городских хрониках следует охарактеризовать как компактную, с чертами формульности.

Ключевые слова: городские хроники, жанр, именная группа, атрибуты, генитив, ранненововерхненемецкий язык

Для цитирования: Дунаев А. Е. Атрибуты именной группы в городских хрониках и прозаических жанрах немецкого письменного языка XV–XVI веков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 35–43. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_35

Original article

Attributes of the Noun Phrase in German Town Chronicles and Prose Genres of the 15th and 16th Centuries

Arseny E. Dunaev

*Samara National Research University, Samara, Russia
held@mail.ru*

Abstract. The paper is devoted to the attributes of noun phrase in German town chronicles of the 15th and 16th centuries and comparison of their use with literal genres of this period. Three town chronicles from 15th and 16th centuries are analyzed. The attributive genitive is realized in chronicles the most frequently, whereby its topology varies considerably. Attributive adjectives and participles play in chronicles much lesser role than in contemporary literary genres. Attributive participles with dependent words are only scarcely represented. The noun phrase in town chronicles should be characterized as a compact one.

Keywords: town chronicles, genre, attributes, noun phrase, attributive genitive, Early New High German

For citation: Dunaev, A. E. (2022). Attributes of the noun phrase in German town chronicles and prose genres of the 15th and 16th centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 35–43. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_35

ВВЕДЕНИЕ

В ранненоверхненемецком литературном языке (*далее рнвн.*) происходит интенсивная перестройка и расширение жанровой системы. Поскольку говорить о сложившемся наборе функциональных стилей для данной эпохи не представляется возможным, при анализе отдельных текстов необходимо исходить из стилистических качеств соответствующих жанров / видов письменности. При этом языковые, то есть стилистические изменения характеризуются «определенной спецификой, в зависимости от тех коммуникативных сфер, где используется язык» [Семенюк, 2006, с. 37]. Особый интерес при этом представляют языковые явления, зародившиеся в рассматриваемый период и ставшие впоследствии доминантными в различных жанрах и типах текстов немецкого литературного стандарта. К их числу принадлежит так называемый именной, или субстантивный, стиль, под которым понимается насыщенность предложения членами группы существительного. Широкая употребляемость субстантивной группы связана с присущими ей возможностями компактного выражения информации [Fleischer, Michel, 1977].

Расширение именной группы и ее перестройка начинаются в XIV веке и связаны с развитием монофлексии, перераспределением атрибутов внутри группы и увеличением их частотности [Адмони, 1966]. Э. Л. Шубина отмечает, что рнвн. период был эпохой нестабильности и сильных колебаний форм языковых единиц [Шубина, 2016]. Это варьирование проявлялось и на уровне именной группы: например, в колебании позиционных характеристик генитивных атрибутов и синтаксической организации квантитативных сочетаний. Среди факторов, обуславливавших это варьирование, следует назвать прежде всего жанрово-стилистическую принадлежность текста и авторский идиостиль. Исследование именной группы в распространенных жанрах рнвн. периода, таким образом, является актуальной задачей исторической стилистики немецкого языка. К одному из центральных жанров немецкого письменного-литературного языка относились городские хроники (*далее ГХ*), являвшиеся популярным чтением представителей средней и высшей бюргерской прослойки [Kleinschmidt, 1982]. Следует учитывать, что ГХ, особенно официальные, т. е. создававшиеся по заказу городского совета, нередко комбинировали повествовательную структуру с фрагментами грамот и официальной корреспонденции. Данный жанр не является чисто

литературным, а тяготеет к письменности официально-правовой сферы.

Целью статьи является анализ морфолого-синтаксических и жанрово-стилистических характеристик атрибутов именной группы в городских хрониках XV–XVI веков в сравнении с распространенными жанрами рнвн. письменности, а именно листовками, специальной прозой, рассказами религиозно-дидактического характера, художественными диалогами и частной перепиской, исследованными лингвистами Германии. Под атрибутами (определениями) именной группы понимаются члены, грамматически зависимые от ядерного существительного и имеющие различное синтаксико-морфологическое оформление (существительные в родительном падеже или с предлогом, прилагательные и причастия, притяжательные местоимения, инфинитивы, определительные придаточные). Для достижения поставленной цели мы рассматриваем удельный вес различных типов атрибутов, способы выражения отношения принадлежности в именной группе и топологические характеристики генитива. Подобный анализ позволит выявить черты сходства и различия в оформлении группы существительного между исследованными нами хрониками, с одной стороны, и распространенными жанрами рнвн. письменности – с другой.

Материалом нашего исследования послужили три ГХ верхненемецкого ареала: Берна [Die Berner Chronik des C. Justinger], Базеля [Die Chronik des Fridolin Ryff 1514–1541. Mit der Fortsetzung des Peter Ryff. 1543–1585] и Вормса [Wormser Chronik von Friedrich Zorn. Mit den Zusätzen F.B. von Flersheim] (*далее соответственно B2, B1, W*), достаточно широко известные современникам. Из них были отобраны 115 стержневых существительных абстрактной и реляционной семантики, которые мы считаем типичными для жанра ГХ. Критерием этой типичности является наличие сочетаний с соответствующими существительными в качестве ядра группы в нескольких хрониках. Общее число примеров составило около полутора тысяч, причем атрибуты реализованы примерно в 70 % случаев.

Для сравнения мы привлекали данные таких исследователей текстов немецкой письменного-литературной традиции XV–XVI веков, как М. Е. Фритце (листовки, специальная проза, хроники, описания путешествий и народные книги) [Fritze, 1976], А. Хайдер (художественные диалоги Г. Сакса) [Heyder, 1982], Г. ван дер Эльст (религиозные рассказы Ф. Дитриха) [van der Elst, 1988] и Р. Мецлер (частные письма XVI в.) [Metzler, 1989].

ИМЕННАЯ ГРУППА В ГОРОДСКИХ ХРОНИКАХ И РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ЖАНРАХ

Городские хроники и познавательная литература

(специальная проза, описания путешествий,
«народные» книги)

М. Е. Фритце исследовала отношения принадлежности и происхождения («Herkunft- und Zugehörigkeitsrelation») в широком смысле, выраженные в именной группе обследованных ею жанров XV–XVI веков с помощью генитивных и предложных

определений и датива притяжательного. На семантическом уровне эти отношения выражаются такими типами генитива, как *genitivus subjectivus*, *genitivus possessivus*, *genitivus auctoris* и *genitivus definitivus*. Данные по частоте употребления каждой конструкции в исследованных ею жанрах представлены в таблице 1 [Fritze, 1976, с. 439–440].

Для сравнения, данные по этим типам определений и указанным семантическим типам генитива в исследованных нами хрониках представлены в таблице 2. Для соответствия методике М. Е. Фритце процентные доли соответствующих типов атрибутов в наших хрониках приведены относительно общего числа только этих четырех конструкций, а не всех примеров.

Таблица 1

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
И ПРОИСХОЖДЕНИЯ В МАТЕРИАЛЕ М. Е. ФРИТЦЕ¹

Жанр	Генитив в препозиции	Генитив в постпозиции	Предложное определение	Датив притяжательный
Описания путешествий	26	51,7	22,1	0,2
Хроники	41,2	20,5	38	0,3
Листовки	18,4	74,3	7,3	–
Специальная проза	19,1	74,2	6,7	–
«Народные книги»	33,1	41,6	25,2	0,04

Таблица 2

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
И ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ГОРОДСКИХ ХРОНИКАХ (В ПРОЦЕНТАХ)²

Хроника	Генитив в препозиции	Генитив в постпозиции	Предложное определение	Датив притяжательный
Берна	30	29	41	–
Вормса	23	51,5	25,3	0,2
Базеля	23	32	45	–
Всего	25	39,6	35,2	0,2

¹ В процентах относительно общего числа примеров для каждого жанра.

² Данные по генитиву приводятся только для указанных четырех семантических типов генитива: *genitivus subjectivus*, *genitivus possessivus*, *genitivus auctoris* и *genitivus definitivus*.

Очевидно, что топологические характеристики генитива в нашей выборке отличаются от данных М. Е. Фритце: так, в исследованных ею хрониках препозитивный генитив обнаружен в два раза чаще постпозитивного (41,2 % и 20,5 % соответственно). У нас же частотность указанных семантических типов генитива по всем хроникам составляет: в препозиции 25 %, в постпозиции – 39,6 % примеров. При этом препозитивный генитив преобладает только в хронике Берна XV в., см. следующие примеры:

- субъектный генитив:

...und seit ein teile, es were *des keysers getat* daz si in das lant komen weren (B2, c. 127).

Also zugen herren und stet, die *in der von bern dienst* da waren gewesen heim... (B2, c. 64).

- притяжательный генитив:

...und fürten ihn [den bischof] gen strasburg und hielten in gefangen in *dez capitels gewalt* (B2, c. 235),

...sy hetten jetz ein gros loch in *der von bern friheit* gebrochen (B2, c. 78).

Сочетание *die von bern*, в двух приведенных примерах имеющее форму генитива (*der von bern*), представляет собой синтаксический эквивалент именной группы *die bürger von bern* и обозначает жителей Берна как коллектив.

В хрониках XVI века (Базеля и Вормса) нормой становится постпозитивный генитив, что особенно заметно в хронике Вормса. Ср. примеры далее с различными типами генитива.

- субъектный генитив:

Demnach sich aber die städt an diesem Rheinstrom *nach der vielfältigen zerstörung der ungeren* wiederum erkobert und in zunehmen kommen... (W, c. 17).

- изъяснительный генитив:

disem succedierte Simon Sulzer, ein Berner, so ... von dannen umb etwas miszhellung der *ler desz h[eyligen] abentmols* halben ... wichen miessen (B1, c. 167).

- генитив притяжательный:

...nach welchem ist erwählet worden Conradus von Türkheim, dechant zu Mainz *ein abgesagter feind seines vofahren* des Landolphi (W, c. 88).

Хроники в целом тяготеют к традиционному языковому узусу, и значительный перевес

постпозитивного генитива в исследуемых текстах XVI века можно объяснить двумя факторами. Во-первых, усиливающейся в XVI веке тенденцией располагать после ядра именной группы существительное в генитиве различной семантики: латинских личных имен, имен абстрактных, антропонимов [Ebert, 1999]. Во-вторых, помимо этой общеязыковой тенденции, свою роль мог сыграть и индивидуальный стиль хронистов.

Доля предложных определений в материале М. Е. Фритце близка к нашим данным: 38 % и 35,2 % соответственно. В нашем материале предложные определения часто распространяют имена реляционные типа *fründ* (freund) – *друг, союзник, vofahr* – *предок*, например: *ire fründe von switz* (B2, c. 47), *vofahren am bisthum* (W, c. 175). Предлог может варьироваться, при этом семантика локальной соотнесенности существительного-ядра группы и топонима сохраняется, например: ... *könig Heinrichen usz Franckrich* (B1, c. 166), *seine freund in Worms* (W, c. 113).

Атрибуты в городских хрониках, диалогах Г. Сакса и рассказах Ф. Дитриха

На следующем этапе мы сравнивали употребление атрибутов в хрониках, с одной стороны, и с другой – в таких литературных жанрах, как художественные диалоги (поэтические сатиры) Г. Сакса (1524), исследованные А. Хайдер, и рассказы нюрнбергского проповедника Ф. Дитриха (1506–1549) религиозной тематики, исследованные Г. ван дер Эльстом. Он рассматривал структуру именной группы с ядерными существительными – девербативами на *-ung*.

Как следует из таблицы, первое отличие от нашего материала – частотность употребления атрибутивных прилагательных и причастий: если в наших хрониках они обнаружены в 15 %, то в диалогах Г. Сакса – в 58 % примеров. Известно, что адъективные определения способствуют колоритности и яркости языка: это качество присуще литературным, в частности, полемическим произведениям. Для хроник же экспрессивность не характерна, а стиль изложения более деловитый, ориентированный на четкость и объективность изложения. Характерно, что значительная доля прилагательных в хрониках – это относительные прилагательные, лишенные экспрессивности, например:

und wond dem almechtigen got nüt bas gefallet denn **mönschlicher frid** (B2, c. 25).

По частоте употребления генитивных и предложных определений наш материал и диалоги

Г. Сакса достаточно близки (см. табл. 3), наиболее значительна здесь доля генитива: в хрониках она составляет 23 %, в диалогах – 20 % от общего числа примеров.

Заметно меньше доля субстантивных атрибутов в рассказах Ф. Дитриха. Здесь всего 17 % исследованных девербатов с суффиксом *-ung* имеют зависимое определение, оформленное

генитивом или предложной конструкцией. Тогда как в нашей выборке этот показатель (для всех семантических групп существительного) равен 31,5 % (см. табл. 3). Видимо, такое различие связано с жанровой спецификой хроник, где указание характеристик действия или деятеля, а также времени и места зачастую является коммуникативно необходимым.

Таблица 3¹

СРАВНЕНИЕ ЧАСТОТНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ АТРИБУТОВ В ГОРОДСКИХ ХРОНИКАХ, ДИАЛОГАХ Г. САКСА (ХАЙДЕР) И ЧАСТНЫХ ПИСЬМАХ (МЕЦЛЕР)*

Тип атрибута	Хроники Берна, Базеля, Вормса	Диалоги Г. Сакса	Письма
Атрибутивный генитив	23	20	7,1
Генитив в препозиции**	33,5 (<i>dez capitels gewalt, der von bern freiheit</i>)	–	50
Генитив в постпозиции	66,5 (<i>bestätigung des landfrieds, amt der kellerei</i>)	–	50
Притяжательные местоимения	20 (<i>ihre freiheit, sein vofahr Heinrich</i>)	31	–
Предложные конструкции	8,5 (<i>ordnunge durch einen wisen notvesten hauptman, vofahr am reich</i>)	4	14
Прилагательные, причастия	15 (<i>mönschlicher frid, in dem bösen ketzerschen glauben, ihr fürgenommen handlung</i>)	58	46
Приложения	4 (<i>das malter haber, ein soum alt win, ein fierzel korn²</i>)	8	–
Придаточные определительные	5 (<i>schaden, den die stette empfangen hatten; freiheiten ... zu Worms, die ein bischof da hält</i>)	27	–
Распространенные инфинитивные и причастные определения	1,3 (<i>freiheiten, ihnen von kaisern und königen gegeben; in meinig die in der stat uszzuhüngerer</i>)	0,7	–
Именные группы с несколькими атрибутами	8,5 (<i>ein einheimischer krieg unter den brüder; bis zu völliger bezahlung genannter summe gelts</i>)	–	–
Именные группы с атрибутами высших степеней зависимости	9 (<i>der jungen grafen fründe, uffnung der eer gottes, wisung der bünden so in der stat kisten ligent</i>)	–	–

*В процентах от общего числа примеров для каждого жанра.

**По отношению к общему количеству генитивных определений.

¹ В таблице 3 не приведены данные по рассказам Ф. Дитриха (полученные Г. ван дер Эльстом) из-за отличия анализируемых им параметров от наших. Вместо этого приводятся данные по частной переписке, исследованной Р. Мецлер и подробно обсуждаемые в следующем подразделе.

² Согласно Немецкому словарю братьев Гримм: слово *vierzel* как обозначение меры равнялось 12 четверикам (*viertel*) или $\frac{3}{4}$ мальтера (*malter*) [Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm, Sp. 347].

В произведении Ф.Дитриха велика частота сочетаний из нескольких рядоположенных существительных, как правило, с синонимичной семантикой: они отмечены в 26 % примеров. В большинстве случаев это парные сочетания, весьма распространенные в рвнв. период, например, *hoffnung un glauben, mangel und anfechtung*. Менее многочисленны трех- или четырехчленные сочетания: *anfechtung / kümmernuß und sorg, Gotes werck / ordnung und schöpfung*.

Согласно В. Бешу, парные сочетания в рвнв. служили лучшему взаимопониманию участников коммуникации, так как нередко составлялись из слов различного регионального происхождения [Besch, 1964]. Однако как ГХ, так и рассказы Дитриха ориентированы исключительно на локальную рецепцию, поэтому такое объяснение здесь неприменимо.

В нашей выборке большинство парных сочетаний относится к устойчивым формулам официально-правовой сферы (ср. примеры из хроники Берна: *friheit und recht – вольность и право, friheit und gnad – вольность и милость, recht und billigkeit – право и справедливость*) и скорее отражают стремление опереться на языковые образцы канцелярского узуса. Для обнаруженных нами в хрониках устойчивых словесных комплексов характерна нулевая или стертая экспрессивность.

Атрибуты в городских хрониках и частной корреспонденции

На следующем этапе мы сравнивали данные по именной группе в хроникальных текстах и в частных письмах XV–XVI веков, исследованных Р. Мецлер. Материалом ее исследования послужили 2 тыс. сочетаний существительных с определениями. Адресатом этих посланий являлся городской писарь г. Цвикау Стефан Рот, а их авторами – писари канцелярий различного уровня [Metzler, 1989].

По данным Р. Мецлер, доля адъективных определений в письмах оставляет 45,95 % примеров и близка, таким образом, к аналогичному показателю в диалогах Г. Сакса (58 %, см. выше), но не в ГХ (15 % вместе с причастными определениями). Также письма значительно отличаются от хроник по частоте субстантивных определений: их доля в письмах составляет всего 22,1 %, причем предложные определения используются в два раза чаще, чем генитивные, т. е. образуют около 14 % примеров, превосходя аналогичный показатель ГХ (8,5 %, см. табл. 3). Это можно объяснить характером нашей выборки из хроникальных текстов: среди исследованных нами субстантивных групп

отсутствуют группы с ядерными существительными, выраженными именами собственными. Однако именно такие лексемы регулярно распространялись титульной или предложной группой локальной семантики, в том числе в письмах.

Определения с пространственно-временным значением, нередко облигаторные в коммуникативном плане и выраженные предложными конструкциями, часты как в хрониках, так и в письмах, ср. примеры из хроник:

Nu warent ein grosser harst ächter ... und wollten *iren fründen von swiz* auch ze hilfe kommen.

Schriber von frankenrich, us engellant, von germanien, von italien, von beheim und von anderen landen, sint gewesen ob sibenhundert (B2, с. 245).

Генитивные атрибуты в письмах распределены между пре- и постпозицией примерно поровну, что расходится с показателями наших хроник XVI века (препозитивный генитив в хронике Вормса отмечен в 31 %, Базеля – 26,3 % примеров). По мнению Р. Мецлер, авторы писем, т. е. городские писари, хотя и составляли их как частные лица, однако следовали устоявшимся канонам «канцелярского» языка, в соответствии с которыми генитив тяготел к препозиции [Metzler, 1989].

В ГХ приложения, а также генитивы регулярно используются в качестве атрибутов II уровня зависимости, т. е. зависимых от определений I уровня (9 % примеров). Например:

In dem jare do man zalte 1243 jar uf sant martinstag, do ernüwerten bern und friburg ir bünde...; daz waz *nach ir herren herzog berchtoldes tode* fünf und zwentzig jar (B2, с. 21).

Очевидно, что сочетание *herzog berchtoldes* является приложением к сочетанию *ir herren*, которое, в свою очередь, представляет собой определение лексемы *tod*. Таким образом, группа *herzog berchtoldes* оказывается атрибутом II уровня по отношению к ядру группы – слову *tod*. Другой пример:

Anno 961 hält kaiser Otto I einen reichstag zu Worms, auf welchem er seinen sohn Ottonem mit *verwilligung aller stand des reichs* zum römischen kaiser gemacht hat (W, с. 35).

Здесь генитивное определение (*aller*) *stand* распространяется генитивом *des reichs*. Сочетание *stände des reichs* представляет собой устойчивое сочетание формульного типа, бытовавшее прежде всего в текстах политико-административной сферы.

Распространенные инфинитивные и причастные определения в нашей выборке обнаружены чуть более чем в 1% примеров. По этому показателю хроники заметно отстают от канцелярской письменности, сближаясь с литературными жанрами: так, в диалогах Г. Сакса этот параметр равен 0,7%.

Приведем характерные примеры с инфинитивным и причастным определением из ГХ.

[Er hat] dieselben brief geschickt mit befehl, die einem alten 80jahrigen mann in einer vorstadt seßhaftig zu überantworten [W, с. 248].

Здесь от ядерного существительного *befehl* зависит инфинитивный оборот *die einem alten 80 jahrigen mann zu überantworten*, причем входящее в него существительное *mann*, в свою очередь, распространяется причастным оборотом *in einer vorstadt seßhaftig*.

Also zoch man für Boffy, belegertten das mit künigs volck, logen lang darvor *in meinig die in der stat uszuhüngeren...* (B1, с. 47).

Именные группы с несколькими атрибутами (одного уровня зависимости) в хрониках составляют менее 9% от общего числа примеров. Такая сравнительно небольшая доля также свидетельствует об определенном лаконизме хроникального стиля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ употребления атрибутов в исследованных нами ГХ в сравнении с популярными прозаическими жанрами рнвн. языка позволяет сделать ряд выводов. Частота употребления генитива в хрониках достаточно велика, но не выше, чем в большинстве других жанров, за исключением частных писем и развлекательных рассказов. В нашем материале распределение препозитивного и постпозитивного генитива соответствует тенденции той эпохи: в хронике Берна XV века

преобладает препозиция; в хрониках Вормса и Базеля XVI века – постпозиция генитивного атрибута.

Доля предложных определений в наших хрониках незначительно отличается от данных, полученных исследователями других жанров, за исключением листовок, специальной прозы и рассказов Дитриха. В хроникальных текстах традиционно значимую роль играют определения локальной семантики, выражаемые предложными группами с предлогами *von*, *aus* или *in* в различных вариантах. Доля предложных определений в хрониках XVI века возрастает лишь незначительно и заметно отстает от определений в генитиве. В этой связи можно говорить о тяготении авторов этих текстов к «традиционному» генитиву.

Существенное отличие ГХ от частной корреспонденции и имитирующей разговорную речь диалогов Г. Сакса по частоте употребления адъективных и причастных (нераспространенных) определений обусловлено тем, что в хрониках акцент делается не на характеристике явлений или предметов, а на сообщении сведений, достойных внимания. На это накладываются особенности идиостиля хронистов, ориентирующихся на объективность и деловитость изложения. Тогда как в жанрах более «свободной» формы, не скованных нормами официальной сферы, прилагательные широко используются для характеристик и «расцветивания» стиля.

В целом именную группу в хрониках следует охарактеризовать как компактную. По насыщенности атрибутами и их характеру группа существительного в исследованных нами текстах приближается скорее к литературным жанрам рнвн. периода, но не к канцелярскому узусу. Так, в ГХ практически не представлены обширные титульные группы и распространенные причастные определения, отличающие канцелярский стандарт и придающие ему определенную «престижность». Для хроник же фактор престижности языковых форм не играл существенной роли, поэтому хронисты избегали подобных конструкций как стилистически маркированных и осложняющих восприятие текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семенюк Н. Н. Эстетический канон и некоторые языковые характеристики немецкого прозаического романа XIII–XV вв. // Языковая норма и эстетический канон / под ред. В. Я. Порхомяковского, Н. Н. Семенюк М.: Языки славянских культур, 2006. С. 37–53.
2. Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB, 1977.
3. Адмони В. Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л.: Наука, 1966.
4. Шубина Э. Л. Синтаксическое варьирование в диахронии немецкого языка // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 3 (23). С. 71–78.

5. Kleinschmidt E. Stadt und Literatur in der frühen Neuzeit. Köln: Böhlau, 1982.
6. Die Berner Chronik des C. Justinger. Hrsg. von G. Studer. Bern, 1871.
7. Die Chronik des Fridolin Ryff 1514–1541. Mit der Fortsetzung des Peter Ryff. 1543–1585. Basler Chroniken 1. Basel, 1872. S. 18–189.
8. Wormser Chronik von Friedrich Zorn / Mit den Zusätzen F.B. von Flersheim ; Hrsg. von W. Arnold. Amsterdam, 1969.
9. Fritze M.E. Bezeichnungen für den Zugehörigkeits- und Herkunftsbereich beim substantivischen Attribut. Zur Ausbildung der Norm der deutschen Literatursprache auf der syntaktischen Ebene (1470–1730). Der Einzugsatz unter der Leitung von G. Kettmann und J. Schildt. Berlin: Akademie-Verlag, 1976. S. 417–476.
10. Heyder A. Der Attributgebrauch in den vier Prosadialogen von H. Sachs aus dem Jahre 1524 // Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache. 1982. Nr. 2. P. 254–265.
11. Van der Elst G. Zur syntaktischen Struktur der Substantivgruppe im Frühneuhochdeutschen, am Beispiel Nürnberger Texte // Studien zum Frühneuhochdeutschen / Hrsg. von P. Wiesinger. Goppingen: Kummerle, 1988. S. 193–217.
12. Metzler R. Morphosyntaktische Analyse der attributiv erweiterten Substantivgruppen in Privatbriefen des XVI Jhs. Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache. 1989. Nr. 9: 227–254.
13. Ebert R. Historische Syntax des Deutschen. Bd. 2: 1300-1750. Berlin: Weidler, 1999. 195 S.
14. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Bd. 26. URL: <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=DWB&lemma=vierzel#0>
15. Besch W. Zweigliedriger Ausdruck in der deutschen Prosa des XV Jhs. Neuphilologische Mitteilungen 65 / Hrsg. vom Neuphilologischen Verein. Helsinki, 1964. S. 200–221.

REFERENCES

1. Semeniuk, N. N. (2006). Esteticheskii kanon i nekotorye yazykovye kharakteristiki nemetskogo prozaicheskogo romana XIII–XV vv. = Aesthetical canon and some language characteristics of German prosaic roman from 13th–15th centuries. In: V. Ya. Porkhomovskii, N. N. Semeniuk (eds.), *Yazykovaya norma i esteticheskii kanon* (pp. 37–53). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)
2. Fleischer, W., Michel, G. (1977). *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB.
3. Admoni, V. G. (1966). *Razvitie struktury predlozheniya v period formirovaniya nemetskogo natsional'nogo yazyka = Development of the phrase structure in the period of establishing the German national language*. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
4. Shubina, E. L. (2016). Syntactic variation in the diachrony of the German language. *Vestnik of Moscow City University. Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(23), 71–78. (In Russ.)
5. Kleinschmidt, E. (1982). *Stadt und Literatur in der frühen Neuzeit*. Köln: Böhlau.
6. *Die Berner Chronik des C. Justinger*. Hrsg. von G. Studer. Bern, 1871.
7. *Die Chronik des Fridolin Ryff 1514–1541. Mit der Fortsetzung des Peter Ryff. 1543–1585*. Basler Chroniken 1. Basel, 1872. S. 18–189. *Wormser Chronik von Friedrich Zorn. Mit den Zusätzen F. B. von Flersheim*. Hrsg. von W. Arnold. Amsterdam, 1969.
8. Fritze, M. E. (1976). *Bezeichnungen für den Zugehörigkeits- und Herkunftsbereich beim substantivischen Attribut. Zur Ausbildung der Norm der deutschen Literatursprache auf der syntaktischen Ebene (1470–1730). Der Einzugsatz unter der Leitung von G. Kettmann und J. Schildt* (S. 417–476). Berlin: Akademie-Verlag.
9. Heyder, A. (1982). *Der Attributgebrauch in den vier Prosadialogen von H. Sachs aus dem Jahre 1524. Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache*, 2, 254–265.
10. Van der Elst, G. (1988). *Zur syntaktischen Struktur der Substantivgruppe im Frühneuhochdeutschen, am Beispiel Nürnberger Texte*. In P. Wiesinger (Hrsg.), *Studien zum Frühneuhochdeutschen* (S. 193–217). Goppingen: Kummerle.
11. Metzler, R. (1989). *Morphosyntaktische Analyse der attributiv erweiterten Substantivgruppen in Privatbriefen des XVI Jhs. Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache*, 9, 227–254.
12. Ebert, R. (1999). *Historische Syntax des Deutschen*. Bd. 2: 1300–1750. Berlin: Weidler.
13. *Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm*. Bd. 26. URL: <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=DWB&lemma=vierzel#0>
15. Besch, W. (1964). *Zweigliedriger Ausdruck in der deutschen Prosa des XV Jhs. Neuphilologische Mitteilungen* 65. Hrsg. vom Neuphilologischen Verein (S. 200–221). Helsinki.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дунаев Арсений Евгеньевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Самарского национального исследовательского университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dunaev Arseny Evgenievich

PhD (Philology), Associate Professor, Department for Foreign Languages and Professional Communication, Samara National Research University

Статья поступила в редакцию 27.11.2021
одобрена после рецензирования 15.12.2021
принята к публикации 20.01.2022

The article was submitted 27.11.2021
approved after reviewing 15.12.2021
accepted for publication 20.01.2022

Научная статья
УДК 811
DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_44

Ремарка как элемент драмы в записи музыкального произведения (на примере нотации «The Strychnine Lady» Я. Христу)

А. А. Зеленева

*Государственный музыкально-педагогический институт им. М. М. Ипполитова-Иванова, Москва, Россия
anaszel@mail.ru*

Аннотация. Я. Христу является ярким представителем современного тренда в искусстве, когда происходит объединение разных его форм. Созданные греческим композитором протоперфомансы объединяют в себе музыкальные и парамузыкальные элементы и требуют оригинальной системы их фиксации на бумаге. В рамках статьи проведен лингвистический анализ ремарок нотации «The Strychnine Lady» как примера использования отдельного элемента драматического дискурса, который позволил выделить три используемых автором кода: языковой, графический и музыкальный. В статье показано, к каким типам ремарок прибегает композитор для передачи своего творческого замысла.

Ключевые слова: нотация, ремарка, код, лингвистический анализ

Для цитирования: Зеленева А. А. Ремарка как элемент драмы в записи музыкального произведения (на примере нотации «The strychnine lady» Я. Христу) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 44–50. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_44

Original article

Stage Directions in the Notation «The Strychnine Lady» by J. Christou

Anastasia A. Zelenyeva

*State Musical and Pedagogical Institute named after M. M. Ippolitov–Ivanov, Moscow, Russia
anaszel@mail.ru*

Abstract. J. Christou is one of the XXth century musicians who try to mix different types of art. His later works are protoperformances which include musical and paramusical elements. The article looks at the written fixation of the protoperformance «The Strychnine Lady» from the perspective of drama. The author focuses on stage directions introduced in the notation, defines their types and the way the different codes, language code, graphics, and music code, intertwine in them.

Keywords: notation, stage direction, code, linguistic analysis

For citation: Zelenyeva, A. A. (2022). Stage directions in the notation «The strychnine lady» by J. Christou. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 44–50. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_44

ВВЕДЕНИЕ

XX век стал свидетелем «размывания» границ между традиционными формами искусства. Многие творцы перестали довольствоваться рамками исключительно живописи, скульптуры, музыки и т. д. и стали в своих работах объединять различные формы взаимодействия со зрителем / слушателем. Одним из представителей данного тренда в искусстве является Я. Христу (1926–1970), культовая фигура греческой музыки. К концу своей непродолжительной музыкальной карьеры этот композитор создал несколько протоперформансов – действий, объединяющих в себе музыкальный и парамузыкальный компоненты. Первые секунды данного действия напоминают обычный музыкальный концерт, однако вскоре на сцене появляются актеры и завязывается определенное действие, в котором принимают участие не только актеры, но и отдельные музыканты оркестра.

Необходимо заметить, что в 60-е годы XX века на момент создания протоперформансов существовала определенная традиция фиксации музыки и драматического дискурса на бумаге. Для письменной передачи музыки в это время, в основном, использовалась классическая нотация – система фиксации музыки с помощью письменных знаков, которая была создана в XVII–XVIII веках в Европе. На данный момент она продолжает оставаться наиболее распространенной и всеми узнаваемой системой записи музыкальных произведений. Для

обозначения письменной формы фиксации драматического дискурса используются разные термины, например: драма, пьеса, сценарий, скрипт и т. д. В литературоведении, филологии и лингвистике проводят четкое разграничение между ними, однако в рамках данной работы оно не является принципиально важным и не будет рассматриваться. До Я. Христу никто не пытался одновременно зафиксировать на бумаге музыку и драматический дискурс как части единого протоперформанса. Поставив перед собой подобную задачу, Я. Христу выработал собственную систему нотации, объединив в ней элементы музыкальной нотации и драматического произведения. С помощью разработанной им оригинальной системы письменной фиксации композитор записал такие произведения, как «Mysterion» (1966), «The Strychnine Lady» (1967) и «Epicycle I» (1968).

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ НОТАЦИИ «THE STRYCHNINE LADY» Я. ХРИСТУ

В рамках данной статьи будет рассмотрена нотация «The Strychnine Lady», которая в целом построена по законам традиционной партитуры музыкального произведения, исполняемого оркестром: на листе бумаги представлены одна под другой партии различных музыкальных инструментов (см. рис. 1).

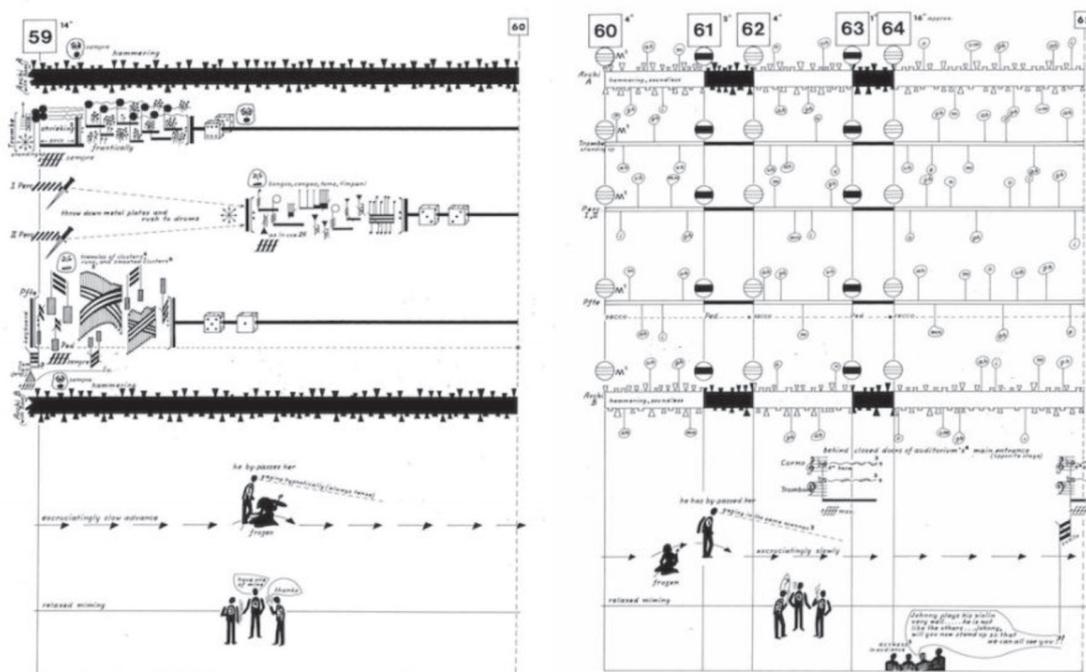

Рис. 1. Пример партитуры «The Strychnine Lady»

Горизонтальная ось является временной осью, на которой композитор указывает время от начала исполнения произведения. Однако в данном протоперформансе участие принимают не только музыканты, но и актеры. При этом многие музыканты оркестра в определенной степени становятся актерами, так как во время протоперформанса они не просто «сидят в оркестре», но и перемещаются по сцене, выполняя предписанные композитором действия. Действия актеров, их передвижение и реплики, Я. Христу оформляет в соответствии с базовыми нормами партитуры: он вводит в нотацию «партии» для актеров, прописывая их реплики и действия в нотации ниже партий музыкальных инструментов (см. рис. 1). Таким образом, нотация «Strychnine Lady» начинает принимать форму драматического произведения.

АНАЛИЗ «РЕМАРКИ» В НОТАЦИИ «THE STRYCHNINE LADY» Я. ХРИСТУ

В драматическом произведении лингвисты традиционно выделяют два основных элемента: реплики героев, организующие диалогическое единство, и ремарки, авторский комментарий [Маркасова, 2019]. В нотации Я. Христу реплики героев представлены музыкальными партиями музыкантов, отдельными партиями актеров-музыкантов, которые помимо исполнения музыки передвигаются по сцене, участвуя в сценическом действии, и монологами и диалогами актеров, которые прописаны в нотации (см. рис. 1). Несмотря на оригинальную форму расположения реплик участников протоперформанса, повторяющую форму музыкальной нотации, само содержательное наполнение реплик актеров является традиционным – актеры произносят определенный текст, который помогает выразить замысел автора произведения. Наибольший интерес представляют присутствующие в нотации ремарки, которые представлены в нетрадиционном для драмы формате.

Ремарка как часть драматического дискурса довольно часто исследуется О. С. Гореловым, Т. Г. Добросклонской, И. Б. Лимановской, О. А. Маркасовой. В своей работе «Специфика ремарки в современной драме для чтения (И. А. Бродский. «Мрамор», «Демократия!»)» О. С. Горелов дает исторический обзор использования ремарок, подчеркивая, что в произведениях Древней Греции не было ремарок, за исключением ремарок адресантов и немногих ремарок на вход – уход персонажа. Великий драматург Англии У. Шекспир начинает использовать ремарки в тексте своих

произведений, позднее писатели прибегают всё к большему и большему количеству ремарок [Горелов]. Нельзя не согласиться с высказыванием Т. Г. Винокур, которая считала, что «при воспроизведении разговорной речи в художественной литературе роль ситуации играет авторский комментарий (ремарка)» [Винокур, 2007, с. 23]. Таким образом, основной ролью ремарки можно считать компенсаторную роль при письменной фиксации драматического дискурса.

В традиционном драматическом тексте все ремарки в произведении представлены исключительно с помощью языкового кода – автор с помощью слов передает информацию о времени и месте действия, участниках действия, их эмоциях, движениях, настроении и т. д. В рассматриваемой нотации Я. Христу прибегает к различным кодам для передачи данной информации, а именно к языковому и графическому кодам, иногда «подключая» музыкальный код как код традиционный для композитора.

Термин «код» в лингвистику был заимствован из теории информации. Вслед за Т. Г. Добросклонской, под данным термином мы будем понимать «шифр, совокупность знаков, с помощью которых создается информация, которая «упаковывается» по определенным закономерностям и правилам, и они чаще всего известны и адресату, и адресанту сообщения» [Добросклонская, 2008, с. 56].

Целью нашего исследования было рассмотреть, как три кода, языковой, графический и музыкальный, взаимодействуют в рассматриваемой нотации при передаче авторских ремарок.

В. Красногоров, российский драматург, прозаик, сценарист, теоретик драмы, выделяет 4 типа ремарок в драме:

- структурные ремарки;
- ремарки, обозначающие физические действия персонажей;
- ремарки, обозначающие характер речи персонажей: темп, громкость, интонацию, эмоциональную окраску;
- ремарки, характеризующие персонажей [Красногоров].

Рассмотрим нотацию «The Strychnine Lady» с точки зрения представленности данных типов ремарки. Структурные ремарки, которые вводят действующие лица, указывают на структурное деление произведения, на появление и уход персонажей на сцене, на место и время действия, на то, кто произносит реплику и к кому она обращена. Эти ремарки в своем классическом виде отсутствуют в нотации Я. Христу. Протоперформанс «The Strychnine Lady» является одноактовым представлением, для которого неважно время и место действия,

Языкознание

следовательно эти аспекты не находят отражения в нотации. Композитора интересует только расположение объектов и актеров и перемещение актеров и музыкантов на сцене. Большая часть данных структурных ремарок передается с помощью графического кода. Например, на рисунке 2 представлено расположение объектов на сцене. Языковой код используется только для указания «партии» участников протоперформанса (например: *Actor 1, Solo, I Perc., II Perc., Viola* и т. д.). Однако данный вид ремарок в нотации малочислен.

Количество ремарок, обозначающих физические действия персонажей, значительно выше в нотации «*The Strychnine Lady*». Для их фиксации Я. Христу также обращается к двум кодам: языковому и графическому (см. рис. 3). В тексте нотации подробно характеризуются действия актеров (*moves, he advances, stares, by-passes her, throw down metal plates, smoking*), в то же время стрелки, используемые в партитуре, помогают композитору отобразить передвижение участников протоперформанса на сцене, а изображение актеров (см. рис. 1, рис. 3) избавляет композитора от словесного описания их места на сцене и поз. Однако объем передаваемой информации данными кодами сильно различается. Графический код помогает передать перемещение актеров и музыкантов в пространстве, но именно языковой код «уточняет» характер действий. Например, в тексте нотации нами были зафиксированы примеры употребления глаголов, в семантике которых присутствует точное указание на характер осуществляемого действия: *to rush, to run*. Одним из наиболее часто регистрируемых в нотации глаголов стал глагол *to advance*. Для более точной характеристики действий актеров, передаваемых этим глаголом, композитор использует такие лексемы, как: *slowly, always excruciatingly slowly, slow advance*. Я. Христу также использует прилагательные и наречия, чтобы точнее передать характер действий актеров: *immobile, frozen, casually, exhausted*. Партии музыкантов сопровождаются ремарками автора произведения, прописывающими им определенные действия, например: *throw down metal plates, smash keyboard lid, as he beats drums he advances slowly towards the audience* и т. д.

Необходимо отметить, что композитор редко использует полные предложения с подлежащим и сказуемым. Чаще всего Я. Христу прописывает только глагол, однако в той форме, в которой данный глагол должен быть использован с подразумеваемым существительным согласно правилам английской грамматики: *moves slowly* (описание действий одного актера), *proceeds gravely* (описание действия главной героини), *walk out of the*

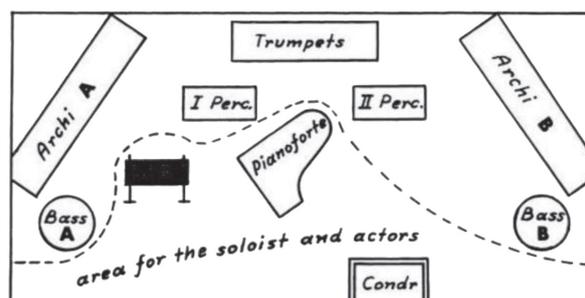

Рис. 2. Вторая страница партитуры «*The Strychnine Lady*»

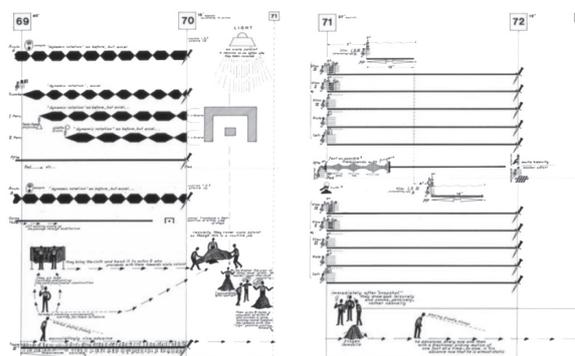

Рис. 3. Образец партитуры «*The Strychnine Lady*»

left wing (описание действий двух актеров). Кроме того, в тексте нотации были зафиксированы примеры употребления Participle 1 (*smoking, facing audience, advancing always*). При описании активного действия Я. Христу чаще выбирает глагол, в то время как для описания действия, протяженного во времени, он использует Participle 1.

Наибольший интерес в нотации «*The Strychnine Lady*» как примере драматического дискурса представляют ремарки, обозначающие характер речи персонажей. Данный тип ремарок наиболее частотен в нотации и в наибольшей степени разработан композитором. Особенностью нотации «*The Strychnine Lady*» является то, что подобные ремарки используются автором не только для ввода слов актеров, но и для характеристики именно игры музыкантов.

Как уже было указано, многие музыканты оркестра в протоперформансе выступают в роли актеров. Первая скрипка является главным действующим лицом, который много передвигается по сцене. Хотя композитор не наделяет данный персонаж текстом в традиционном его понимании, первая скрипка, которая и является непосредственно *Strychnine Lady*, исполняет различные музыкальные партии, общаясь с другими

участниками протоперформанса и зрителем посредством музыки. Характер действий и эмоции отдельных музыкантов оркестра композитор передает с помощью ремарки. Например, около «партитур» различных музыкальных инструментов были зафиксированы такие лексические единицы, как: *scrapings, shrieking, groaning, humming* и т. д. Данные ремарки были нами отнесены к группе ремарок, характеризующих речь персонажей, так как с их помощью композитор указывает на «оттенки» характера исполнения музыкантами своих партий, а в контексте рассматриваемого протоперформанса мы можем приравнять музыкальные партии к речи героев действия.

Все ремарки около партитур музыкальных инструментов можно разделить на три большие лексические группы:

- ремарки, которые описывают физические действия музыкантов над музыкальными инструментами и влияют на характер их «речи» (*pick up viola in readiness, drumming, scraps with metal cup, smash keyboard lid, as he beats drum...*);
- ремарки, которые указывают на характер игры музыкантов (*leisurely pace, with relentless violence, furiously*);
- ремарки, описывающие звуки, которые издают музыканты при игре на музыкальных инструментах (*groaning, shouts, a desperate human-like cry*).

При характеристике «речи» музыкантов Я. Христу использует сочетания различных кодов. Выше уже были приведены примеры использования языкового кода – отдельные слова, словосочетания или даже небольшие распространенные предложения на английском языке. В то же время Я. Христу использует и традиционный

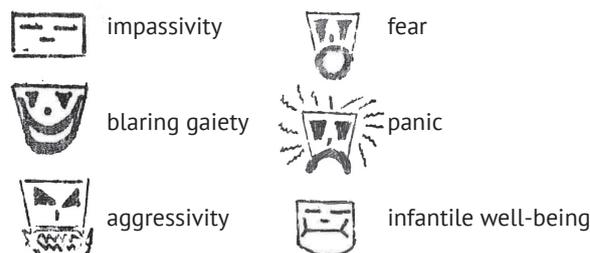

Рис. 4. Пример применения графического кода в партитуре «The Strychnine Lady»

для исполнителей музыкальный код (*sempre, poco a poco, cresc., col legno* – данные термины представлены на итальянском языке, что является традиционным для музыкальной нотации). Причем иногда происходит смешение двух языковых кодов в одном предложении, как например на 65 минуте протоперформанса (*occasionally swipe fff at any pi-atto...*) или на 71 минуте (*tremolando with fingers*).

Для передачи ремарок, характеризующих участников протоперформанса, Я. Христу активно подключает и графический код, например, используя различные «смайлики», значение которых композитор объясняет в начале нотации (см. рис. 4). Создавая эти знаки, композитор использовал маски, которые надевали актеры во время преставлений в Древней Греции. В самом тексте нотации Я. Христу часто комбинирует использование смайликов и языковой код, интенсифицируя их значение (см. рис. 5). Таким образом, для передачи ремарок, характеризующих «речь» музыкантов, Я. Христу обращается ко всем имеющимся у него кодам.

В то же время для фиксации ремарок, которые относятся непосредственно к высказываниям

Рис. 5. Оформление партии музыкальных инструментов

актеров, композитор использует в основном языковой код. В ремарках данного типа нами были зафиксированы слова лексико-семантических полей: «эмоции» (*joy, smile, blaring gaiety, furious passion, panic-stricken, murderous ferocity* и т. д.), «угроза» (*relentless violence, aggressively, alarm, threatening, horror* и т. д.); «звуки, издаваемые человеком» (*shriek, groaning, cry, screams, whispers* и т. д.), лексемы, описывающие «темп выполнения действий» (*slowly, fast, unhurried, very fast* и т. д.).

Последний тип ремарок – ремарки, характеризующие персонажей – не был зарегистрирован в нотации «The Strychnine Lady». Я. Христу не предоставляет какой-то дополнительной информации о персонажах, предлагая зрителям и слушателям самим дополнить картину, исходя из своего жизненного опыта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог анализу различных типов ремарок в нотации «The Strychnine Lady» необходимо отметить, что наиболее представлен в нотации третий тип ремарок согласно классификации В. Красногорова, который характеризует речь участников представления. В данном контексте под речью мы подразумеваем и традиционную «языковую» составляющую протоперформанса, и партии различных музыкальных инструментов. Так как музыкальные и парамузыкальные элементы в протоперформансе «The Strychnine Lady» составляют единое целое, то Я. Христу использует ремарки как при фиксации драматического дискурса, так и при фиксации музыкальных партий различных инструментов, задействуя при этом три кода: языковой, графический и музыкальный.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркасова О. А. Трансформация ремарки в драме и киносценарии (на материале произведений Евгения Шварца) // *Litera*. 2019. № 1. С. 139–148. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.1.29277. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29277
2. Горелов О. С. Специфика ремарки в современной драме для чтения (И. А. Бродский. «Мрамор», «Демократия!»). URL: http://www.ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/fce/Gorelov_Remarka.pdf
3. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. 3-е изд. М.: КомКнига, 2007.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: учебное пособие. М.: Флинта, 2008.
5. Красногоров В. Ремарка, ее место и значение в драме. URL: http://krasnogorov.com/Remarka_ee_znachenie_v_drame.htm

REFERENCES

1. Markasova, O. A. (2019). Transformatsiya remarki v drame i kinostsenarii (na materiale proizvedenii Evgeniya Shvartsa) = Transformation of stage directions in drama and script (on the material of works by Evgeniy Shvarts) (pp. 139–148). *Litera*. № 1. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29277 (In Russ.)
2. Gorelov, O. S. Spetsifika remarki v sovremennoi drame dlya chteniya (I. A. Brodskii. «Mramor», «Demokratiya!») = Peculiarities of stage directions in modern drama for reading (I. A. Brodskii «Marble», «Democracy!»). URL: http://www.ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/fce/Gorelov_Remarka.pdf. (In Russ.)
3. Vinokur, T. G. (2007). Govoryashchii i slushayushchii. Varianty rechevogo povedeniya = Spreaker and listener. Variants of speech behavior. 3rd ed. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
4. Dobrosklonskaya, T. G. (2008). Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI = Medialibguistics: systematic approach to the mass media language studies: handbook / T. G. Dobrosklonskaya. Moscow: Flinta. (In Russ.)
5. Krasnogorov, V. Remarka, ee mesto i znachenie v drame = Stage directions and its role in drama. URL: http://krasnogorov.com/Remarka_ee_znachenie_v_drame.htm. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зеленяева Анастасия Александровна

кандидат филологических наук, заведующая кафедрой «Иностранные языки», доцент кафедры «Иностранные языки» Государственного музыкально-педагогического института им. М. М. Ипполитова-Иванова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zelenyayeva Anastasia Alexandrovna

PhD (Philology), Head of the Foreign Languages Department, Associate Professor at the Foreign Languages Department, State Musical and Pedagogical Institute named after M. M. Ippolitov–Ivanov

Статья поступила в редакцию 27.11.2021
одобрена после рецензирования 15.12.2021
принята к публикации 20.01.2022

The article was submitted 27.11.2021
approved after reviewing 15.12.2021
accepted for publication 20.01.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_51

Просодические особенности частично подготовленной речи американцев (на примере интервью)

К. С. Куликова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

xenia_kulikova@inbox.ru

Аннотация. Интервью, являясь частично подготовленным, а частично спонтанным устным дискурсом, дает широкие возможности для звукового исследования просодических особенностей диалогической речи. Анализ способов использования говорящими фонетических единиц (сегментарных и надсегментарных) и исследование экстралингвистических факторов, определяющих выбор участниками интервью фонетических средств и приводящих к вариативности, расширяет спектр теоретических знаний и улучшает фонетические коммуникативные навыки.

Ключевые слова: интервью, диалог, просодия, вариативность, устная речь, коммуникация, стратегии общения

Для цитирования: Куликова К. С. Просодические особенности частично подготовленной речи американцев (на примере интервью) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 51–56. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_51

Original article

Prosodic Features of Partially Prepared Speech of Americans (on the example of interviews)

Xenia S. Kulikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

xenia_kulikova@inbox.ru

Abstract. Being partially prepared and partially spontaneous oral discourse, the interview gives ample opportunities for sound research of the characteristic prosodic features of dialogical speech. Analyzing the ways in which speakers employ phonetic units (both segmental and suprasegmental) and studying extralinguistic factors that determine the choice of phonetic means by interview participants and lead to phonetic variations helps expand theoretical knowledge and improve phonetic communication skills.

Keywords: interviews, dialogue, prosody, variability, oral speech, communication, communication strategies

For citation: Kulikova, X. S. (2022). Prosodic features of partially prepared speech of Americans (on the example of interviews). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 51–56. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_51

ВВЕДЕНИЕ

В качестве самого общего термина для обозначения определенного типа речи, который заключается в обмене репликами между собеседниками, используется термин «диалог». Именно диалог составляет основу для формирования речи в принципе, а также представляет собой главную разговорную функционально-стилистическую форму общенационального языка. Коммуникативная функция языка наиболее ярко проявляется именно в диалогической речи, поскольку диалог оформляется в непрерывное взаимное общение членов языкового коллектива не только в повседневных ситуациях, но и в различных средствах массовой информации. Логично заключить, что лингвистические составляющие диалогических высказываний прежде всего дают наиболее полное представление о характеристиках фонологической системы того или иного языка, а также о коммуникативных стратегиях, применяемых говорящими в рамках данной системы.

Необходимо отметить, что особенностью диалогического единства является отсутствие строгих границ между монологом и диалогом, о чем свидетельствует, в частности, включение в диалог монологических высказываний, которые превращаются в логически развернутые рассуждения и часто полемически обостряются, будучи адресованными собеседнику [Brown et al., 1973]. Поскольку интервью входит в число самых распространенных видов диалогической речи (принимая во внимание ее частично подготовленный характер в силу особенностей конкретных типов публичных интервью), исследование данного жанра является как богатой, так и увлекательной областью фонетики.

Основными факторами, от которых зависит фонетическая и просодическая вариативность речи, являются прежде всего цель общения и степень его формальности / неформальности. Помимо коммуникативной направленности, немаловажное значение имеет и эмоциональное отношение говорящего к ситуации в целом и к собеседнику, в частности; возраст, пол, род занятий и социальные роли интервьюера и интервьюируемого также должны учитываться. Вышеперечисленные характеристики, несомненно, влияют на «качество» интервью и определяют удачный или неудачный выбор просодических средств [Garrett, 1982]. Среди просодических особенностей устного говорения в жанре интервью, широко освещенных в научной литературе, выделяют интонационные изменения, а именно: особенности мелодических структур и паузации, смена темпа, колебания высоты голоса [Васильев, Катанская, 2017].

Жанр интервью считается одним из самых информативных и перспективных жанров англоязычной журналистики. Зарождение жанра интервью в Соединенных Штатах началось в 1859 году, а прототипами первых интервью были опубликованные в газетах стенограммы судебных заседаний. Аудиовизуальные интервью, появившиеся с развитием радио и телевидения, стали новым способом предоставления информации обществу, который приобрел социальную значимость, позволив сократить коммуникативную дистанцию между известными людьми и публикой, реализовать основные особенности процесса межличностного общения, а также (при наличии визуального ряда) сделать источником информации не только звучащее слово, но и невербальные средства общения (мимика, жесты, скорость реакции), и иногда окружение (интерьер комнаты, локации, пейзажи, другие люди в кадре и т. д.) [Garrett, 1982].

Говоря о собственно жанре интервью, в нем выделяют два основных стилистических подтипа – информационное интервью, направленное на получение информации, характер которой не имеет прямого отношения к личности интервьюируемого, и портретное интервью, целью которого является представление о личности интервьюируемого. В этом виде интервью интерес вызывает внутренний мир человека, его привычки, предпочтения, взгляды, манера речи и т. д. [Коньков, 2005]. Следовательно, акцент в данном случае делается на неординарности интервьюируемого, на создании яркого эмоционально-психологического портрета человека. Вопросы в таком интервью часто носят личный характер, интервьюер выступает в роли полноценного собеседника, и в подобных условиях речевые, в частности, фонетические привычки интервьюируемого раскрываются наилучшим образом и могут быть подвергнуты расширенному и тщательному звуковому анализу. Немаловажным является тот факт, что участие известного человека (например, деятеля в области науки, технологий, политики, искусства, шоу-бизнеса) в аудиовизуальном интервью вызывает общественный интерес, а также увеличивает количество потребителей, поклонников или потенциальных избирателей. Следовательно, просодические средства, которые говорящий использует для достижения своей коммуникативной цели и расширения влияния на аудиторию, оказываются весьма информативны. Также выбор говорящим просодических средств зависит от окружающей атмосферы, самочувствия и самоощущения, социальной роли, тематики беседы, отношения к собеседнику и других подобных факторов. Таким

образом, характер интервью определяется совокупным влиянием данных факторов, и в результате проявления каждого из них порождается высказывание определенной структуры и определенных фонологических характеристик. Здесь необходимо пояснить, что носители языка зачастую выбирают просодические средства неосознанно, тогда как людям, изучающим язык, приходится опираться на полученные ранее теоретические знания о правильных речевых средствах и стратегиях, применяемых в подобных случаях.

Однако несмотря на растущую популярность жанра интервью в самых различных областях и множество исследований, проведенных на данном языковом материале, изучению просодических особенностей интервью на материале американского варианта английского языка (являющегося распространенным и популярным) всё еще не уделяется должного внимания. Вместе с тем звуковой анализ подобного материала может существенно расширить знания о том, как просодические особенности соотносятся с критериями успешности речи, что, в свою очередь, будет крайне полезной информацией для англофонов, стремящихся улучшить свои навыки в области публичного говорения в рамках американской орфоэпической нормы.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для определения просодических особенностей, характеризующих диалогический дискурс в рамках портретного интервью (с целью дальнейшего применения полученных результатов, в частности, при обучении теоретической и практической фонетике американского варианта английского языка для улучшения артикуляционных и ораторских навыков обучающихся), был проведен эксперимент на основе литературной произносительной нормы США (General American, GA).

Для исследования публичной диалогической речи американцев, являющихся носителями орфоэпической нормы США, было отобрано 20 портретных интервью, каждое из которых длилось по 25 минут (для получения достаточно обширного материала для последующего звукового анализа) и впоследствии подверглось обработке новейшими компьютерными программами, а именно Praat, Rosegarden, Adobe Audition. Дикторами выступили 10 мужчин и 10 женщин (то есть сохранен гендерный баланс), проживающие в крупных городах США (Нью-Йорк, Бостон, Чикаго, Филадельфия, Детройт, Балтимор и Сиэтл) и получившие высшее образование на гуманитарных и прикладных

факультетах высших учебных заведений США. Возраст дикторов составляет от 35 до 45 лет. Дикторы имели представление об общей тематике предполагаемых бесед, однако конкретные вопросы им были заранее неизвестны, что позволило классифицировать полученные речевые отрывки как частично подготовленную речь. Интервью проводились в примерно одинаковых условиях – в интерьере наедине с интервьюером.

Принадлежность речи говорящих к литературной орфоэпической норме США определялась сотрудниками лаборатории фонетики и экспериментальной фонологии Университета Нью-Йорка и Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) в соответствии с классификацией фонетических особенностей General American, указанной в специализированной фонетической литературе [Васильев, Катанская, Лукина, 2017]. Незначительные фоновые шумы были отфильтрованы с помощью программного обеспечения для профессионального редактирования звукозаписей Adobe Audition. Для подсчета статистики был использован пакет Microsoft Office Excel.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Проведенный эксперимент позволил обнаружить интересные разграничения между просодическими особенностями успешных и неуспешных интервью. Внешними критериями успешности или неуспешности интервью служили мимика, жесты и поза диктора, а также манера речи (успешное интервью – диктор очевидно чувствовал себя комфортно, сидел в расслабленной позе, охотно и полно отвечал на вопросы, улыбался интервьюеру; неуспешное интервью – диктор не проникся симпатией к интервьюеру или остался недоволен направлением, которое приняла беседа, о чем свидетельствовала скованность позы и лаконичная манера разговора, а также уклонение от прямых ответов или перевод разговора на другую тему).

Как уже упоминалось, в научной литературе среди основных просодических особенностей интервью выделяют расстановку и виды пауз, колебания темпа речи, а также изменения в мелодической структуре высказывания. Анализ непосредственно исследуемых интервью показывает значительное количество пауз гезитации. Главной причиной таких пауз в речи является то, что человеку фактически нужно говорить и дышать одновременно, ведь речь всегда подразумевает вокализацию. Следует отметить, что к возникновению данного типа пауз могут привести и недостаточно развитые речевые навыки, однако этот фактор

исключался в данном исследовании, поскольку все дикторы обладали грамотной речью и умением сформулировать высказывание.

В речи дикторов наблюдались оба вида пауз хезитации – незаполненные (молчащие) и заполненные. Первый тип паузы возникает в речи чаще всего как индикатор необходимости обдумать дальнейшие высказывания или вспомнить определенную информацию. Второй тип паузы заполнен лексическими единицами, в случае с исследуемыми отрывками говорящие употребляли такие «заполнители», как коллокации типа *you know, I mean, you see, in fact* и т. д., междометия *well, erm, err, ahh, oh, umm* и т. д. Различия в распределении обоих видов пауз по гендерному фактору оказались менее значительными, чем различия в распределении обоих видов пауз по типам интервью (успешное / неуспешное) (см. табл. 1).

Кроме этого, звуковой анализ рассматривал такую важную просодическую черту интервью, как темп речи. Средняя скорость английской речи в личной беседе составляет 190 слов в минуту [Crystal, 2019]; умеренный темп разговора обеспечивает понимание и, как следствие, достижение цели коммуникации, а также свидетельствует о нормальном психологическом состоянии говорящего и его комфортном самоощущении [Goldman-Eisler, 1968]. В успешных интервью темп речи дикторов варьировался в пределах нормы (170–190 слов в минуту), тогда как в неуспешных интервью скорость говорения составляла около 220 слов в минуту, что указывает на нервное эмоциональное состояние дикторов, неуверенность в себе и дискомфортную атмосферу.

Существенной просодической характеристикой является тембр голоса. Низкий и глубокий голос обычно ассоциируется с силой и уверенностью, а также с категоричностью и проникновенностью, тогда как высокий резонансный голос может свидетельствовать о напряженном эмоциональном состоянии и способствует созданию

дискомфортной атмосферы во время интервью. У дикторов обоих полов во время удачных интервью регистрировался более низкий тембр голоса и меньше случаев использования высокого речевого регистра.

С точки зрения интонационных структур, в неуспешных интервью речь дикторов изобиловала ровными тонами; употребление ровных тонов создает впечатление, что говорящий испытывает затруднения в формулировании мыслей или же нежелание открыться собеседнику. Также в неуспешных интервью дикторы при оформлении высказываний использовали восходящую шкалу, завершающуюся высоким нисходящим падением, и употребляли нисходяще-восходящие тоны (американский вариант данной интонационной структуры – High Stress + Low Rise) в утвердительных предложениях, что свидетельствовало о неприязни и желании поправить собеседника. Регистрировалось также значительное количество восходяще-нисходящих тонов, что может говорить о равнодушии и закрытости, и в результате речь звучит апатичной [O'Connor, Arnold, 1973]. Наконец, в неуспешных интервью встречалось множество примеров так называемого *uptalk*, интонационного явления, которое одинаково резко критикуется в научных кругах и в СМИ Великобритании, США и Австралии как демонстрация неуверенности говорящего в высказывании, которая подрывает эффективность публичного разговора [Warren, 2016].

В успешных интервью дикторы использовали низкий восходящий тон, демонстрируя готовность продолжать диалог и проявляя сердечность по отношению к собеседнику. Также высказывания завершались высоким нисходящим тоном, а в вопросительных предложениях использовался нисходяще-восходящий тон, что сделало речь динамичной и красочной и показывало эмоциональную вовлеченность говорящего; использование высокого восходящего тона делало речь яркой и живой. Следует отметить, что низкий

Таблица 1

ПАУЗЫ ХЕЗИТАЦИИ В РЕЧИ ДИКТОРОВ

Тип паузы	Успешные интервью (мужчины), в %	Неуспешные интервью (мужчины), в %	Успешные интервью (женщины), в %	Неуспешные интервью (женщины), в %
Молчащая	68	21	65	19
Заполненная	32	79	35	81

Языкознание

Рис. 1. Распределение терминальных тонов в неуспешных интервью мужчин

Рис. 2. Распределение терминальных тонов в неуспешных интервью женщин

Рис. 3. Распределение терминальных тонов в успешных интервью мужчин

Рис. 4. Распределение терминальных тонов в успешных интервью женщин

нисходящий тон встречался в обоих типах интервью, что объясняется зависимостью его трактовки от ситуации и контекста – данный тон может звучать как сосредоточенно, спокойно и серьезно (в случае успешной коммуникации) или недружелюбно и раздраженно (в случае неуспешной коммуникации) (рис. 1–4).

Выводы

Рассмотрение просодических особенностей частично подготовленной речи позволяет прийти к заключению, что важными характеристиками американских публичных интервью, гарантирующими достижение цели общения, являются молчащие паузы (которыми, несомненно, не следует злоупотреблять), умеренный темп речи, располагающий аудиторию и облегчающий понимание, психологически комфортный тембр голоса, выбор оптимальной высоты голосового регистра и

правильных интонационных контуров, которые помогут говорящему выразить соответствующее эмоциональное отношение к интервьюеру, аудитории, теме беседы и т. д. и при желании способствовать созданию необходимой атмосферы.

Таким образом, результаты анализа просодических особенностей частично подготовленной речи в рамках американской орфоэпической нормы на примере жанра интервью представляются иллюстративными с точки зрения факторов, которые могут сделать интервью успешным или неуспешным. Знание этих факторов, приводящих к тем или иным просодическим вариациям в речи, поможет изучающим американский вариант английского языка существенно улучшить свои фонетические и коммуникативные навыки и повысить качество собственного публичного говорения с помощью приобретенного умения придать речи естественность, непринужденность и культурную аутентичность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Brown Ch. et al. Monologue to Dialogue: an Exploration of Interpersonal Communication. Hoboken: Prentice-Hall, 1973.
2. Garrett A. M. Interviewing: its principles and methods. Milwaukee: Families International Inc., 1982.
3. Васильев В. А., Катанская А. Р., Лукина Н. Д. Фонетика английского языка: Практический курс / под ред. Ж. Б. Верениновой. М.: Высшая школа, 2017.

4. Коньков В. И. Речевая структура газетных жанров. СПб.: СПбГУ, 2005.
5. Crystal D. The Cambridge encyclopedia of the English language. Bangor: University of Wales, 2019.
6. Goldman-Eisler F. Psycholinguistics: Experiments in spontaneous speech. London: Academic Press, 1968.
7. O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation of colloquial English. London: Longman, 1973.
8. Warren P. Uptalk: The Phenomenon of rising intonation. Cambridge: CUP, 2016.

REFERENCES

1. Brown, Ch. et al. (1973). Monologue to dialogue: an exploration of interpersonal communication. Hoboken: Prentice-Hall.
2. Garrett, A. M. Interviewing: its principles and methods. (1982). Milwaukee: Families International Inc.
3. Vasilyev, V. A., Katanskaya A. R., Lukina N. D. (2017). Fonetika angliyskogo yazyka: Prakticheskiy kurs = Phonetics of the English Language: A practical course, ed. by J. B. Vereninova. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
4. Konkov, V. I. (2005). Rechevaya struktura gazetnykh zhanrov = Speech structure of newspaper genres. St Petersburg: SPbGU. (In Russ.)
5. Crystal, D. (2019). The Cambridge encyclopedia of the English language. Bangor: University of Wales.
6. Goldman-Eisler F. (1968). Psycholinguistics: Experiments in spontaneous speech. London: Academic Press.
7. O'Connor, J. D., Arnold, G. F. (1973). Intonation of colloquial English. London: Longman.
8. Warren, P. (2016). Uptalk: The phenomenon of rising intonation. Cambridge: CUP.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куликова Ксения Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kulikova Xenia Sergeevna

PhD (Linguistics), Associate Professor of the Department of English Phonetics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 20.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 20.01.2022

Научная статья

УДК 80

DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_57

Сравнительная орфография испанских и португальских текстов в арабской графике

М. М. Мазняк¹, О. В. Тихонова²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹mmmazniak@mail.ru

²pajaro@mail.ru

Аннотация. Орфография арабопортугальских текстов значительно отличается от орфографии арабоиспанских, хотя есть и ряд общих черт. Арабографические тексты (алхамиадо и алжамии), как и тексты на арабском, читаются справа налево и следуют нормам орфографии арабского языка. В этих текстах нет заглавных букв. Обычно отсутствуют знаки пунктуации. В слоге не могут идти подряд два гласных или два согласных. Слово не может начинаться с гласного. Всё это привело к разработке строгих норм орфографии в алхамиадо и алжамии. Орфография арабоиспанских текстов более разработана, чем арабопортугальских.

Ключевые слова: алхамиадо, алжамии, арабоиспанские рукописи, арабопортугальские рукописи, арабографические тексты

Для цитирования: Мазняк М. М., Тихонова О. В. Сравнительная орфография испанских и португальских текстов в арабской графике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 57–64. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_57

Original article

Comparative Orthography of Spanish and Portuguese Texts in the Arabic Script

Maria M. Mazniak¹, Oksana V. Tikhonova²

^{1,2}St Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹mmmazniak@mail.ru

²pajaro@mail.ru

Abstract. The orthography of Arabic-Portuguese and Arabic-Spanish texts differs significantly, although there are a number of similarities. Arabographic texts (*alhamiado* and *aljamia*) like texts in Arabic generally follow the orthographic norms of the Arabic language. This led to the development of strict spelling norms in Alhamiado and Aljamia. In general the orthographic of the Arabic-Spanish texts is more developed than the Arabic-Portuguese ones.

Keywords: Aljamia, Aljamiado, Portuguese-Arabic manuscript, Spanish-Arabic manuscript, History of the Portuguese language

For citation: Mazniak, M. M., Tikhonova, O. V. (2022). Comparative orthography of Spanish and Portuguese texts in the Arabic script. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 57–64. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_57

إني رأيتك في نومي تعانقني كما تعانق الم الكاتب اللفا

Я видел во сне, что ты обнимаешь меня,
как лям у писца обнимает 'алиф¹

ВВЕДЕНИЕ

Испанское алхамиадо. В строгом смысле под термином *алхамиадо* понимают тексты на испанском языке в арабской графике [Frutos, 2014]. Такое толкование термина отражено во втором словарном значении слова *алхамиадо*: «записанный на алхамиа» [DLE: *aljamiado*], где слово *алхамиа* понимается во втором значении как «текст на испанском в арабской графике» [DLE: *aljamía*].

Португальская алжамиа. Португальское слово *aljamia* (*алжамиа*) восходит к XV веку, но как термин употребляется с XIX века под влиянием испанского термина *алхамиадо*. Термин *алжамиа* обозначает рукописные тексты на португальском языке в арабской графике [Patrick Harvey, 1986]: (< араб.-исп. *al'aġamiyya* < кл. араб. *a'ġamiyyah* «не-арабский, иностранный, чужой») *текст, в котором звуки неарабского языка воспроизводятся арабскими буквами* [DLP, 2001]. В терминологическом значении слово *алжамиа* окончательно закрепилось в португальском языке в 1940-е годы под влиянием трудов португальского историка-арабиста профессора Давида де Мелу Лопеша (1867–1942). Как видно из определения, понятия *алжамиа* и *алхамиадо* идентичны, поэтому в этой работе будет использоваться устоявшийся испанский термин с уточнением языка, к которому он относится, – *испанское алхамиадо* и *португальское алхамиадо*.

Арабoportугальские тексты не получили такого распространения, как арабоиспанские. В отличие от испанского алхамиадо, на котором написано много художественных и религиозных мусульманских книг [Martínez de Castilla Muñoz, 2014], на португальском алхамиадо известны только восемь документов, изданных Д. Лопешом [Drumond Braga, 2008; Lopes, 1897]. Такое незначительное количество памятников объясняется тем, что в них просто не было необходимости, в то время как явления алхамиадо у морсаравов и морисков было в большой степени обусловлено особенностями культурно-исторического развития.

ОРФОГРАФИЯ АРАБОИСПАНСКИХ И АРАБОПОРТУГАЛЬСКИХ ТЕКСТОВ

Тексты на португальском алхамиадо, как и тексты на алхамиадо морисков в целом следуют нормам орфографии арабского языка. Для немногочисленных текстов на португальском алхамиадо правила транслитерации на португальский были разработаны Д. Лопешом [Lopes, 1897].

В сравнительной таблице 1 представлены нормы транслитерации для испанского и португальского алхамиадо (в квадратных скобках указана транскрипция арабских фонем при общепринятой транслитерации арабских букв в латинской графике). Арабоиспанские соответствия даны согласно последней системе, опубликованной А. Матеосом Парамиио [Mateos Paramio, 2014, с. 251–252]; арабoportугальские – согласно системе Д. Лопеша (1897) [Lopes, 1897, с. xxvi, xxxvii] (табл. 1).

Таблица 1

НОРМЫ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ТЕКСТОВ НА АЛХАМИАДО²

В португальском алхамиадо (Lopes 1987)				В испанском алхамиадо (Paramio 2014)			
Порт.	Араб. буква	Назв.	Транскрипция	Исп.	Араб. буква	Назв.	Транскрипция
Согласные				Согласные			
b, p	ب	ба'	[b]	b	ب	ба'	[b]
				p*	بْ	ба' + ташдид	[bb]
c, q	ك	каф	[k]	c / qu	ك	каф	[k]
					ق	қаф	[q]

¹ Стихи неизвестного поэта.

² Звездочками в испанской части отмечены буквы, для которых в алхамиадо морисков были разработаны специальные символы.

Таблица 1 (продолжение)

В португальском алхамиадо (Lopes 1987)				В испанском алхамиадо (Paramio 2014)			
Порт.	Араб. буква	Назв.	Транскрипция	Исп.	Араб. буква	Назв.	Транскрипция
Согласные				Согласные			
ç	س	сйн	[s]	ç	س	сйн	[s]
	ص	сәд	[ʃ]				
-	-	-	-	ch	چ	джим + ташдид	[çç]
d	د	дәль	[d]	d	د	дәль	[d]
f, v	ف	фә'	[f]	f	ف	фә'	[f]
-	-	-	-	h	ه	хә'	[h]
g (=gu)	غ	гайн	[g]	g / gu	غ	гайн	[g]
j	ج	джим	[g]	j	ج	джим	[g]
l	ل	ля́м	[l]	l	ل	ля́м	[l]
-	-	-	-	ll*	لّ	ля́м + ташдид	[ll]
m	م	мй́м	[m]	m	م	мй́м	[m]
n	ن	нў́н	[n]	n	ن	нў́н	[n]
-	-	-	-	ñ*	نّ	нў́н + ташдид	[nn]
r	ر	ра́'	[r]	r	ر	ра́'	[r]
-	-	-	-	rr*	رّ	ра́' + ташдид	[rr]
s, x	ش	шй́н	[ʃ]	x/s	ش	шй́н	[ʃ]
t	ت	та́'	[t]	t	ت	та́'	[t]
	ظ	за́'	[z]				
-	-	-	-	w	و	ва́в	[w]
-	-	-	-	y	ي	йа́'	[y]
z	ز	за́й	[z]	z	ز	за́й	[z]

Магрибское письмо. Рукописи на португальском алхамиадо, как и на алхамиадо морисков и мосарабов, написаны *магрибским почерком* [Юшманов, 1985; Menéndez Pidal, 1902]. Часто при издании рукописей исследователи восстанавливают восточную орфографию. В отличие от других исследователей, Д. Лопеш сохраняет оригинальную орфографию в издании арабопортугальских документов [Lopes, 1897].

ПРАВИЛА ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ГЛАСНЫХ

Огласовка. В отличие от арабских текстов, тексты на алхамиадо морисков и на португальском алхамиадо всегда огласованы. В алхамиадо морисков огласовка более разработана, чем в португальском алхамиадо. В алхамиадо морисков

используются арабские символы *фатха* [a], *кясра* [i], *дамма* [u] для обозначения гласных (было также разработано особое сочетание для звука [e]). В португальском алхамиадо этими же символами обозначаются назальные гласные звуки (табл. 2).

Сукун. Для указания на отсутствие гласного в конце закрытого слога и в алхамиадо морисков, и в португальском алхамиадо, как и в арабском, используется *сукун*. Обычно в транслитерации сукун специально не обозначается.

Начальный гласный. Как и в арабском, в алхамиадо морисков и в португальском алхамиадо слово не может начинаться с гласного. Для огласовок *фатхи* [a], *кясры* [i] и *даммы* [u] в качестве «подставки» используется полусогласный *'алиф* [ʔ]. Для обозначения начального *e* в алхамиадо морисков в качестве подставки используется *хамза* (табл. 3).

Таблица 2

НОРМЫ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ТЕКСТОВ НА АЛХАМИАДО: ОГЛАСОВКА

В португальском алхамиадо (Lopes 1987)				В испанском алхамиадо (Paramio 2014)			
Порт.	Араб. буква	Назв.	Транслит.	Исп.	Араб. буква	Назв.	Транслит.
a, e	أ, -	фатха, +'алиф	[a]	a	إ, -	фатха, +'алиф	[a]
	ا						
i, e	إ, -	кясра, +'алиф	[i]	i	ي, -	кясра, +'алиф	[i]
	ى						
u, o, ou	أ, ؤ	дамма, +'алиф	[u]	u, o	أ, ؤ	дамма, +'алиф	[u]
	و						
-	°	сукун	-	-	°	сукун	-

Таблица 3

АЛХАМИАДО МОРИСКОВ: НАЧАЛЬНЫЙ ГЛАСНЫЙ

Алхамиадо	Транскрипция	Транслитерация	Испанский / португальский
أَغْوَا	[aǧu ^w a]	agu ^w a	agua
أَبَارَ أَنْدَارَ	[ap ^r en ^d er ^r ']	ap ^r ender	aprender
ءَانْتَارَا	[en ^t re]	entre	entre
كُونِ	[ku ^w al ^r ']	ku ^w al	cual

Таблица 4

АЛХАМИАДО: РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ГЛАСНЫЙ В НАЧАЛЕ СЛОГА

Алхамиадо	Транскрипция	Транслитерация	Испанский / португальский
بَرِمَارُ	[p ^r imeru]	p ^r imero	primero
بُؤَاشْتَرُ	[bu ^w eš ^t ru]	vu ^w ext ^r o	vuestro

АЛХАМИАДО: ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ БУКВ *йā* [y] и *вāv* [w] В ЗИЯНИЯХ

Алхамиадо	Транскрипция	Транслитерация	Испанский / португальский
بِيَان	[bi'enʻ]	bi'en	bien
بُؤاشْتُرُو	[bu*eš'tʻru]	vu*extʻro	vuestro

Разделительный гласный. Как и в арабских текстах, в алхамиадо морисков и в португальском алхамиадо в начале слога не могут использоваться два согласных подряд. В противном случае они разделяются гласным из этого же слога (табл. 4).

Дифтонги. Как в арабских, так и в текстах на алхамиадо не могут использоваться два гласных подряд. Поэтому в зияниях гласные разделяются полусогласными *йā* [y] и *вāv* [w]. В транслитерации дифтонга полусогласные обычно записываются надстрочными знаками. В алхамиадо морисков разработано постоянное обозначение дифтонгов: *ie* [i'e], *ue* [u'e] и др. Для передачи гиатов с *a* подставкой для *фатхи* [a] служит 'алиф [']. В португальском алхамиадо обозначение дифтонгов сложнее. Кроме полусогласных *йā* [y] и *вāv* [w], часто используется в качестве подставки хамза. В алхамиадо морисков хамза используется только в начале слова, для обозначения гласного *e* (табл. 5).

Носовые гласные в португальском алхамиадо. Носовые гласные-монофтонги, а также носовые дифтонги, представляют собой определенную трудность в португальском языке. Согласно исследованию Д. Лопеша, португальские носовые гласные в арабской графике передаются следующим образом: *mandei* [maday], здесь носовой гласный *a* стоит в безударной, более слабой, позиции и передается как неносовой гласный звук. Сочетания носового гласного, на который падает внутреннее ударение дифтонга, и полугласного *i* или *u*, на который частично распространяется назализация, образуют носовой дифтонг, состоящий из двух элементов, которые произносятся слитно в быстрой последовательности друг за другом [Мазняк, Николаева, 2013]: *capitāo* [kabitāwʻ], *acharem* [ašāray], *quem* [kayʻ]. В арабской графике дифтонг *āo*, находящийся в ударной позиции, передается близко к оригинальному произношению [āw], однако безударный носовой дифтонг *em* теряет свою назализацию при смене графики [ay]. Что касается последнего примера, приведенного Д. Лопешом, слово *quem*, состоящее из одного

слога с ударным носовым дифтонгом, также передается без назализации [kay] [Lopes, 1897].

ПРАВИЛА ТРАНСЛИТЕРАЦИИ СОГЛАСНЫХ

Ташидид. Чтобы компенсировать отсутствие в арабском некоторых «романских» звуков, в алхамиадо морисков были установлены комбинации букв со знаком *ташидид*, чтобы точно передать на письме звучащую речь. В португальском алхамиадо такая система не была разработана. Буква *бā* [b] передает португальские *b* и *p*. Буква *фā* [f] используется для передачи звуков, обозначаемых в португальском буквами *f* и *v*. В то время как в алхамиадо морисков эта арабская буква соответствует испанской *f*. Буквосочетания *nh* и *lh*, произносимые в португальском языке как мягкие, но при этом четкие *n* и *l* соответственно, передаются в арабской графике как *n* и *l*: *minha* [mina], *filhos* [fiylušʻ] (табл. 6).

Лигатура. В алхамиадо морисков и в португальском алхамиадо также встречается лигатура *лйāм-алиф*.

Слитное написание слов. В испанском алхамиадо и в португальском алхамиадо часто встречается слитное написание не только артикля с существительным, как в арабском, но и местоимения с глаголом, предлога с существительным и т. п.

Арабские буквы, нехарактерные для алхамиадо. В текстах на португальском алхамиадо, как и в текстах на алхамиадо морисков, некоторые арабские буквы используются очень редко или встречаются только в арабских словах (табл. 7).

Хотя Д. Лопеш исключил все перечисленные буквы из таблицы транслитерации для исследуемых документов, тем не менее все эти буквы, кроме *зāль* [d], редко, но встречаются. По наблюдению Д. Лопеша в текстах португальского алхамиадо встречаются некоторые из букв, нехарактерных для португальского алхамиадо: *çād* [s], *zā* [z], *mā* [t] [Lopes, 1897, с. xxxvii].

Таблица 6

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ В АЛХАМИАДО

Буквы арабского алфавита				Сочетания, разработанные в испанском алхамиадо			
Араб. буква	Назв.	Транскрипция	Pidal 1902	Араб. буква	Назв.	Транскрипция	Pidal 1902
ب	бā'	[b]	b	بْ	бā' + ташдид	[bb]	p
ج	джūм	[ǧ]	j	جْ	джūм + ташдид	[ǧǧ]	ch
ل	лйам	[l]	l	لْ	лйам + ташдид	[ll]	ll
ن	нūн	[n]	n	نْ	нūн + ташдид	[nn]	ñ
ر	рā'	[r]	r	رْ	рā' + ташдид	[rr]	rr

Таблица 7

АРАБСКИЕ БУКВЫ, НЕХАРАКТЕРНЫЕ ДЛЯ АЛХАМИАДО

Буквы, нехарактерные для алхамиадо морисков			Буквы, нехарактерные для португальского алхамиадо		
Араб. буква	Назв.	Транскрипция	Араб. буква	Назв.	Транскрипция
ص	сāд	[s]	-	-	-
ض	дāд	[d]	ض	дāд	[d]
ط	тā'	[t]	-	-	-
ظ	зā'	[z]	-	-	-
ع	'айн	[ʿ]	ع	'айн	[ʿ]
ث	сā'	[t]	ث	сā'	[t]
ح	хā'	[h]	ح	хā'	[h]
خ	хā'	[ħ]	خ	хā'	[ħ]
-	-	-	ذ	зāль	[d]
-	-	-	ه	хā'	[h]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Орфография текстов на португальском и на испанском алхамиадо существенно отличается, хотя есть и ряд общих черт. Тексты на алхамиадо, как и тексты на арабском, читаются справа налево и в целом следуют нормам орфографии арабского языка. В этих текстах нет заглавных букв. Обычно отсутствуют знаки пунктуации, хотя в отдельных рукописях встречаются точка (.), запятая (,) и вопросительный знак (?). В слове не может идти подряд два гласных или два согласных. Слово не может начинаться с гласного. Всё это привело к разработке строгих норм орфографии в испанском и португальском алхамиадо.

Орфография испанского алхамиадо более разработана, чем в португальском алхамиадо и в системе огласовки текстов, что связано

с особенностями португальской фонетики. Некоторые буквы, встречающиеся в испанском алхамиадо только в цитатах из Корана или в отдельных арабских словах, используются в португальском алхамиадо.

В то же время для обозначения испанских и португальских звуков, отсутствующих в арабском языке, был разработан ряд символов с применением знака *ташдид*. Эти символы должны были передавать звуки, обозначаемые латинскими буквами *rr*, *ñ*, *ll*, *ch*, а также *p* (в арабоиспанских). В арабопортугальской орфографии (в отличие от арабоиспанской) не различаются звуки, обозначаемые латинскими *b* и *p*, которые передаются арабской *bā'* [b], а также звуки, обозначаемые латинскими *f* и *v*, передаваемые арабской *phā'* [f].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Frutos M. A. La literatura aljamiada // Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural / coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014. P. 45–56.
2. DLE. Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/>
3. Patrick Harvey L. Aljamia Portuguesa Revisited // Portuguese Studies Review, 2, 1986. P. 1–14.
4. DLP. Dicionário da Língua Portuguesa Contemporânea da Academia das Ciências de Lisboa. Lisboa: Editorial Verbo, 2001.
5. Martínez de Castilla Muñoz N. El libro manuscrito entre los moriscos // Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural / coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014. P. 73–80.
6. Drumond Braga I. Do árabe e do aljamiado em Portugal // Anaquel de estudios árabes. Anejo I. Serie de monografías, 2008. P. 111–128.
7. Lopes D. Textos em aljamia portuguesa: documentos para a história do domínio português em Safim. Lisboa: Imp. Nacional, 1897.
8. Mateos Paramio A. Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural / coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE, 2014.
9. Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка. М.: Наука, 1985.
10. Menéndez Pidal R. Poema de Yúçuf. Madrid: Tip. de la Revista de archivos, 1902.
11. Мазняк М. М., Николаева Е. С. Вводный фонетический курс португальского языка с грамматическими комментариями. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та., 2013.

REFERENCES

1. Montaner Frutos A. (2014). La literatura aljamiada. Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural (pp. 45–56), coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE.
2. DLE. Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española. <https://dle.rae.es/> (date of access: 26.01.2019).
3. Patrick Harvey L. (1986). Aljamia Portuguesa Revisited. Portuguese Studies Review, 2, 1–14.
4. DLP (2001). Dicionário da Língua Portuguesa Contemporânea da Academia das Ciências de Lisboa. Lisboa: Editorial Verbo.
5. Martínez de Castilla Muñoz N. (2014). El libro manuscrito entre los moriscos. Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural, coord. por Alfredo Mateos Paramio (pp. 73–80). Madrid: SECC/BNE.
6. Drumond Braga I. (2008). Do árabe e do aljamiado em Portugal. Anaquel de estudios árabes (pp. 111–128). Anejo I. Serie de monografías.

7. Lopes, D. (1897). Textos em aljama portuguesa: documentos para a história do domínio português em Safim. Lisboa: Imp. Nacional.
8. Mateos Paramio A. (2014). Memoria de los Moriscos: Escritos y relatos de una diáspora cultural, coord. por Alfredo Mateos Paramio. Madrid: SECC/BNE.
9. Yushmanov, N. V. (1985). Grammatika literaturnogo arabskogo yazyka = The Grammar of the Literary Arabic Language. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Menéndez Pidal R. (1902). Poema de Yúçuf. Madrid: Tip. de la Revista de archivos.
11. Maznyak, M. M., Nikolaeva, E. S. (2013). Vvodnyj foneticheskij kurs portugal'skogo yazyka s grammaticeskimi kommentariyami = Introductory phonetic course of the Portuguese language with grammatical comments. St Petersburg: St Petersburg University Publishing house. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мазняк Мария Михайловна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры романской филологии филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Тихонова Оксана Викторовна

кандидат филологических наук,
ассистент кафедры романской филологии филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mazniak Maria Mikhailovna

PhD (Philology), Senior Lecturer at the Department of Romance Philology,
Philological Faculty, St Petersburg State University

Tikhonova Oksana Victorovna

PhD (Philology), Lecturer at the Department of Romance Philology,
Philological Faculty, St Petersburg State University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 20.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 20.01.2022

Пояснение как вид прагмасемантических отношений в системе английского дискурса

В. Л. Малахова

МГИМО МИД России, Москва, Россия
v.l.malakhova@inno.mgimo.ru

Аннотация. Целью работы является анализ функциональных (прагмасемантических) отношений пояснения и его подвидов (репрезентации, экспликации и реконструкции) в английском дискурсе. Автор обосновывает актуальность исследования функциональных отношений дискурса, основные характеристики пояснения, приводит примеры, иллюстрирующие его дискурсивные свойства. В качестве метода исследования используется дискурс-анализ. В ходе исследования установлена роль компонентов дискурса в формировании прагма-семантических отношений и создании целостности смысловой системы дискурса.

Ключевые слова: английский дискурс, функциональные отношения, прагмасемантические отношения, пояснение, репрезентация, экспликация, реконструкция

Для цитирования: Малахова В. Л. Пояснение как вид прагмасемантических отношений в системе английского дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 65–71. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_65

Original article

Explanation as a Type of Pragmasemantic Relations in English Discourse System

Victoria L. Malakhova

MGIMO University, Moscow, Russia
v.l.malakhova@inno.mgimo.ru

Abstract. The objective of the research is the analysis of functional (pragmasemantic) relations of explanation and its subtypes (representation, explication, and reconstruction) in English discourse. The author justifies the relevance of the study of discourse functional relations, describes the main characteristics of explanation, and illustrates them with examples. Discourse analysis is used as a research method. The study shows the role of discourse components in the formation of pragmasemantic relations and in creation of discourse sense space integrity.

Keywords: English discourse, functional relations, pragmasemantic relations, explanation, representation, explication, reconstruction

For citation: Malakhova, V. L. (2022). Explanation as a type of pragmasemantic relations in English discourse system. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 65–71. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_65

ВВЕДЕНИЕ

Являясь объектом исследования на протяжении довольно долгого периода времени, проблематика дискурса тем не менее не теряет своей актуальности. Лингвисты по-прежнему направляют фокус своего внимания на исследование множества проблем, связанных с дискурсом. Это обусловлено разнонаправленностью анализа дискурса и возможностью разностороннего его изучения.

Дискурс представляет собой способ передачи широкого значения посредством языковых средств, употребление которых определяется социальными условиями, тем, кто их использует и при каких обстоятельствах [Кашкин, 2005; Dijk, 1981; Naken, 2000]. Полноценной парадигмой изучения дискурса, на наш взгляд, является системно-функциональный анализ, о чем свидетельствуют многочисленные работы в этом направлении. Так, с помощью функционального анализа лингвисты изучают особенности дискурса как системы [Aleksandrova, 2017], структуру и функциональные свойства дискурса разного типа [Харьковская, 2009; Butler, 2003], специфику функционирования языковых явлений в зависимости от определенного дискурса [Ирисханова, 2016; Khramchenko, Radyuk, 2014], факторы, влияющие на формирование и понимание дискурса [Horn, Kecskes, 2013] и т. д.

Также большой интерес лингвисты проявляют в области исследования функциональных отношений дискурса. Функциональные отношения, или связи, английского дискурса представляют собой специфическую семантическую функцию, лежащую в основе корреляции высказываний в тексте и отражающую взаимосвязь между фактами и их свойствами в процессе порождения и восприятия текста [Dijk, 1981]. При таком взгляде на речевое произведение соотношение высказываний анализируется как сопоставление смысловых объемов пропозиций высказываний-компонентов дискурса. При этом мы опираемся на определение, данное Е. В. Пономаренко: «Объем суждения представляет собой совокупность объемов понятий и связей между ними, в комплексе составляющих суждение и отражающих признаки описываемого фрагмента действительности (реальной или конструируемой автором). То есть объем высказывания фактически показывает, насколько велик (или мал) тот фрагмент действительности, который данное высказывание охватывает своей(-ими) пропозицией(-ями)» [Пономаренко, 2015, с. 129]. Таким образом, функциональные отношения дискурса рассматриваются как взаимодействие суждений, выраженных в сопоставляемых высказываниях.

В нашем исследовании мы анализируем прагма-семантические отношения пояснения, его подвиды,

которые последовательно образуются между двумя (и более) высказываниями в дискурсе. Методом исследования является дискурс-анализ. Корпус выборки изученных примеров составляет 512 фрагментов английского художественного дискурса, который служит источником произведений речи, отражающих реальную речевую деятельность носителей английского языка.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОЯСНЕНИЯ

Пояснение представляет собой тип отношений английского дискурса, реализуемый между двумя высказываниями, первое из которых является базовым (поясняемым) суждением, а второе – его повторной номинацией (поясняющим), уточняющей и вносящей дополнительные смысловые компоненты в описание референтного факта или события [Обухова, 1990; Пономаренко, 1999; Русская грамматика, 1980; Торжок, 2015]. При этом следует иметь в виду, что «пояснение» как термин функциональной лингвистики не равнозначен «пояснению» в обычном бытовом понимании (когда любые компоненты текста, вносящие дополнительную информацию об описываемом факте или событии, воспринимаются как его пояснение). В нашем случае термин «пояснение» имеет четкие квалификационные признаки – обе пропозиции:

- относятся к одному и тому же факту;
- совпадают по объему описываемой ситуации;
- семантически коррелируют как поясняемое и поясняющее (восполняющее семантическую недостаточность первой номинации).

Например:

Gus was here earlier. He was here when I woke up
(*J. Green. The Fault in Our Stars*).

Из примера видно, что хотя новые семантические компоненты во втором предложении конкретизируют и более полно передают смысловое содержание базовой (первой) пропозиции, соотношение объемов коррелирующих суждений в целом не изменяется. При этом высказывания, идентичные по объемам пропозиций, всё же отличаются по содержательному потенциалу: поясняемый и поясняющий компоненты дискурса соотносятся как менее информативный и более информативный соответственно, и поэтому не предполагают полной эквивалентности. Это делает введение в контекст поясняющего компонента логичным, что, в свою очередь, позволяет представить ситуацию более

объемно. Именно за счет взаимодействия пропозиций поясняемого и поясняющего происходит формирование семантики пояснения.

Christina will be there at my interrogation. She will hear what I did to Will (*V. Roth. Insurgent*).

Повторная номинация события вносит дополнительные семантические компоненты, отсутствующие в первом высказывании, и таким образом раскрывает ситуацию более полно, что создает необходимые условия для правильного понимания сообщения реципиентом и продвижения к коммуникативной цели.

В исследованном нами языковом материале пояснительная связь выполняет функции:

- двойного именованного референта;
- выражения семантики объяснения / толкования / конкретизации;
- устранения коммуникативной недостаточности сообщения;
- эмоционального усиления.

Наряду с пояснением, реализуемым в конструктах свободного формата (когда пояснительные отношения вытекают из содержательно-смыслового, а не структурного соотношения компонентов) (1), следует отметить и более четко структурированные пояснительные номинации. Среди характерных средств выражения пояснительной функциональной связи можно назвать лексико-синтаксический параллелизм (2), расширительный повтор (3), парцелляцию (4), а также использование формальных маркеров в виде союзов, союзных речений и их эквивалентов *in other words, in fact, that is, namely* и т. п. (5):

- (1) I actually dream about it sometimes... Dream of being woken up by that peal of thunder and finding her gone (*A. Huxley. Brave New World*).
- (2) Someone had broken the lock on Fannie's door. Someone had wanted something. Someone had gone in to search (*R. Bradbury. Death is a Lonely Business*).
- (3) Don't you ever say that. Don't you ever say that Johnny isn't going to wake up (*S. King. The dead zone*).
- (4) Women made such swell friends. Awfully swell (*E. Hemingway. The Sun Also Rises*).
- (5) Therefore, the personal becomes secondary. That is, the personal is necessary only to the extent needed to make the relationships clear (*A. Rand. Atlas Shrugged*).

ТИПОЛОГИЯ ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

Предлагаемая нами типология пояснительных номинаций, разработанная на основе изученного иллюстративного материала, включает такие типы, как репрезентация, экспликация и реконструкция.

Репрезентация. Отношения репрезентации можно охарактеризовать как «собственно пояснительные» – ядро категории пояснения. Данный подтип отношений образуется равнообъемными пропозициями высказываний, являющимися семантически идентичными и описывающими один и тот же объект, факт, событие, ситуацию и т. д.

Идентичность высказываний обычно отражена не только в содержательном, но и в структурно-грамматическом аспекте – предложения в целом дублируют синтаксическую структуру друг друга, как, например:

It's not fair... It's just so goddamned unfair
(*J. Green. The Fault in Our Stars*).

В приведенном фрагменте коррелирующие высказывания идентичны как в содержательном, так и в структурном плане: выражение отрицания в первом предложении (*not fair*) соотносится с отрицанием во втором предложении (*unfair* – прилагательное утвердительное по форме, но с приставкой отрицательного значения, эквивалентной частице *no*).

Высказывания, связанные репрезентативной связью, иногда можно назвать синонимичными, поскольку при различном структурном оформлении коррелирующих пропозиций им присуще совпадение характерных признаков – общая тематика коммуникативного блока, общность участников коммуникативной ситуации, действия или состояния и т. д. Наличие этих признаков помогает квалифицировать семантическую связь как репрезентативную независимо от степени формальной «проявленности» пояснительного отношения в поверхностной структуре текста.

Итак, репрезентация является наиболее ярким и типичным выражением функциональных свойств и характеристик прагма-семантических отношений пояснения.

Экспликация. Функциональная связь экспликации раскрывает смысл компонентов, имплицитно присутствующих в семантической структуре базового высказывания, но не выраженных в его поверхностной структуре:

You're an expatriate. You've lost touch with the soil. Fake European standards have ruined you (*E. Hemingway. The Sun Also Rises*).

Как видим, появление новых коммуникативно значимых компонентов в поясняющем высказывании способствует устранению коммуникативной недостаточности и предупреждению возможного несогласия или недопонимания со стороны адресата.

Являясь подтипом отношений пояснения, экспликация сравнима по своим характеристикам с репрезентативной функциональной связью, поскольку она также дает толкование семантико-содержательному плану референтного суждения. Главная общность этих двух типов отношений состоит в двойном описании ситуации посредством пояснительных элементов, реализующих функцию разъяснения, толкования, углубления смысла пропозиций, которые в целом не меняют ее объем. Достаточно точно описывая смысловой компонент, общий для коррелирующих пропозиций, репрезентативная и экспликативная функциональные связи не направлены на пояснение его роли в дальнейшем развитии ситуации. Для этого необходим более широкий контекст.

При наличии определенных общих параметров эти два типа пояснительных отношений всё же не являются тождественными, так как при экспликации факт, событие, состояние и т. д., описываемые в базовой пропозиции, не дублируются во втором предложении (как при репрезентации), но раскрываются с других ракурсов, описывая разные аспекты общей ситуации, что делает ее описание более объемным. Например:

“It was a bad day for everyone, Henry.” “I’m still huffing and puffing” (*R. Bradbury. Death is a Lonely Business*).

Как видно из представленного примера, описывая один и тот же фрагмент действительности, пропозиции высказываний не являются идентичными. Базовое предложение, хотя и выражает личное отношение говорящего, представляет собой в большей степени констатацию факта, объективную оценку происходящего, тогда как второе предложение передает эмоциональное восприятие ситуации, что, с одной стороны, подтверждает резонанс высказанного мнения, с другой – придает ситуации новую модальность – выражение эмоционального эффекта от названного факта.

Усиление эмоциональности общей ситуации за счет пропозиции второго предложения наблюдаем и в следующем фрагменте:

Well, I used to hate those lessons she gave me. They were sheer boredom (*K. Ishiguro. A Pale View of Hills*).

Экспликация, таким образом, предполагает не столько повторную номинацию объекта мысли

(свойственную репрезентации), сколько освещение его в другом ракурсе и введение в более широкое дискурсивное пространство; важным при формировании данного типа связи является фокусирование внимания на необходимых, по мнению автора дискурса, дополнительных аспектах ситуации и подаче ее в еще одной смысловой проекции.

Отличительной особенностью рассматриваемых пояснительных пропозиций также является их структурное оформление. Для репрезентативной связи характерно сходство структурных параметров базового и пояснительного высказываний, тогда как при экспликации это не является необходимым. Сравним:

- (1) I don't want to divorce Effie. I don't want a divorce (*M. Spark. The Only Problem*).
- (2) I have done bad things. I can't take them back, and they are part of who I am (*V. Roth. Insurgent*).

В первом примере аналогичная грамматическая структура поясняемого и поясняющего четко указывает на тип пояснительной функциональной связи – репрезентативной. Во втором примере разноструктурный формат сопоставляемых предложений показывает, что между ними существует экспликативная пояснительная связь.

Заслуживают внимания случаи формирования экспликативных отношений посредством совершенных временных категорий глагола, за счет чего проявляется ретроспективная связь и углубляется смысл базового высказывания. Например:

A light burned in one tower window all night and all day. I had never seen it not on (*R. Bradbury. Death is a Lonely Business*).

Кроме того, благодаря функции уточнения и конкретизации семантических компонентов пропозиций экспликация приобретает характер оценочного комментария:

Never fear failure. Failure is your friend (*R. S. Sharma The Monk who Sold His Ferrari*).

Особый интерес представляют случаи, когда экспликативная связь репрезентирует информационно-смысловые компоненты пропозиций (на первый взгляд не связанные между собой) через смысловую лауну и логическую схему развития ситуации. Смысловая лауна представляет собой сектор пересечения объемов пропозиций, который остается в импликации:

Then, all of a sudden, I got this idea. I took out my wallet and started looking for this address a guy I met at a party last summer, that went to Princeton, gave me (*J. D. Salinger. The Catcher in the Rye*).

В приведенном примере коррелирующие высказывания выражают, казалось бы, разные пропозиции и аспекты общей ситуации. Однако предложения образуют логико-семантическое единство, поскольку пропозиция базового предложения раскрывается через описание осуществления разных действий во второй номинации. Существительное *idea* является точкой пересечения пропозиций взаимодействующих высказываний, поскольку включено в референт как первого (эксплицитно), так и второго (имплицитно) предложений.

Экпликация и репрезентация являются в некотором роде избыточными средствами формирования функциональных отношений дискурса [Пономаренко, 2015]. Однако это функционально оправданная избыточность, поскольку обуславливает взаимопонимание участников коммуникации при снижении когнитивных усилий с их стороны.

Реконструкция. Отношения реконструкции реализуются при перечислении (в поясняющем предложении) компонентов, характеристик, свойств и т. д., являющихся составными элементами общего суждения, факта, события (выраженного в поясняемом предложении). При формировании данного типа функциональной связи происходит раскрытие внутреннего содержания объекта коммуникации. Например:

There they were. Brett and Mike and Robert Cohn (*E. Hemingway. The Sun Also Rises*).

Как мы видим, при реконструкции происходит приращение дополнительной информации о событии, суждении и т. д., описываемом в базовом предложении, посредством перечисления персонажей, характеристик, действий и т. д.

Отношения реконструкции репрезентируют объект коммуникативной ситуации в виде иерархически организованной структуры. Подобное пояснение высказывания через выделение составляющих элементов базовой пропозиции способствует его восприятию реципиентом как целостной, структурно упорядоченной смысловой системы. Например:

All she could do then was to wait in the car, virtually naked, until some friendly housewife came by and offered her help. First, Mary Pym drove by, and although Anne waved to her, she did not seem to notice. Then Julia Weed raced by, rushing Francis

to the train, but she was going too fast to notice anything. Then Jack Burden, the village rake, who, without being signaled to or appealed to in any way, seemed drawn magnetically to the car (*J. Cheever. A Woman Without a Country*).

Раскрывая содержание общего суждения через обозначение входящих в него конститuentов, отношения реконструкции могут способствовать ретроспективному восстановлению общей ситуации.

I have three requirements... First, that you return the Dauntless leader you currently hold in captivity unharmed. Second, that you allow your compound to be searched by our soldiers so that we can extract the Divergent. And third, that you provide us with the names of those who were not injected with the simulation serum (*V. Roth. Insurgent*).

Как и в ранее представленных фрагментах, отношения реконструкции в данном дискурсе выстраиваются по традиционной схеме: в базовом высказывании описывается общая ситуация (суждение, факт), содержание которой раскрывается в следующих высказываниях, номинирующих входящие в нее составные компоненты. Однако данный пример отличается от предыдущих наличием имплицитной ретроспективной составляющей – события, предшествующие текущему разговору, которые достаточно просто эксплицитировать и понять, исходя из смыслового содержания предложений. И хотя компонент базовой пропозиции *requirements* представляет собой смысловой центр коррелирующих высказываний, реконструкция в данном случае раскрывает не только содержательно-смысловой аспект фрагмента, но и более широкую ситуацию – описывает события, произошедшие ранее.

Таким образом, отношения реконструкции реализуют пояснительное взаимодействие коррелирующих высказываний посредством раскрытия внутреннего содержания базовой пропозиции через номинацию ее главных свойств. В отличие от репрезентации и экспликации реконструкция не просто представляет общую ситуацию иначе, но расшифровывает смысловое наполнение базовой пропозиции, перечисляя составляющие ее компоненты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет заключить, что формирование функциональных отношений английского дискурса обуславливается смысловым и структурным взаимодействием компонентов

и частей дискурса, а также воздействием на него внешней среды (расширенного контекста коммуникативной ситуации, личных параметров участвующих коммуникантов, потенциала предоставляемых общей языковой системой речевых средств). Функциональное взаимодействие элементов дискурса определяет, в свою очередь, многообразие аспектов динамики дискурса в продвижении его смысловой системы к заданной коммуникативной цели. С этой точки зрения описание функциональных отношений пояснения в системе английского дискурса является актуальным и закономерным.

Рассмотренные на материале английского языка прагма-семантические отношения пояснения представляют собой интересный дискурсивный феномен с позиций системно-функциональной лингвистики. Пояснительная связь формируется при взаимодействии высказываний, имеющих общий

референт (факт, событие, ситуацию), выражаемый в относительно равнообъемных суждениях, первое из которых функционирует как поясняемое (базовое), а второе – как поясняющее, восполняющее смысловую недостаточность первого высказывания. Пояснительные отношения обеспечивают системное взаимодействие и функционирование компонентов в определенном контексте и тем самым обуславливают формирование целостности смысловой системы конкретного дискурса.

Анализ языкового материала позволил выявить и описать особенности отношений пояснения и их подтипов: репрезентации, экспликации и реконструкции.

Изучение прагмасемантических отношений, таким образом, способствует оптимальному и разностороннему исследованию природы функционального пространства дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашкин В. Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка. Тамбов: ТГУ, 2005. С. 337–353.
2. Dijk T. van. *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague; New York: Mouton, 1981.
3. Haken H. *Information and self-organization: A macroscopic approach to complex systems*. 2nd enlarged edition. Berlin: Springer-Verlag, 2000.
4. Aleksandrova O. V. On the problem of contemporary discourse in linguistics // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2017. Vol. 10. Issue 3. P. 298–302.
5. Харьковская А. А. Функциональная парадигма малоформатных англоязычных текстов // *Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство. Материалы международной лингвистической конференции; под ред. проф. Н. А. Илюхиной*. Самара: Самарский государственный университет; Самарский научный центр Российской академии наук, 2009. С. 14–19.
6. Butler C. S. *Structure and function: A guide to three major structural-functional theories: in 2 parts*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2003. Part 2. From clause to discourse and beyond.
7. Ирисханова О. К. Перекатегоризация в дискурсе как способ повышения новостного статуса события // *Когнитивные исследования языка*. 2016. № 24. С. 341–354.
8. Khramchenko D., Radyuk A. The synergy of modern business English discourse: Holistic approach to teaching unconventional business rhetoric // *Proceedings of INTED2014 Conference 10th-12th March 2014, Valencia, Spain*. 2014. P. 6779–6783.
9. Horn L., Kecskes I. Pragmatics, discourse, and cognition // *The language-cognition interface / ed. by A. Stephen, R. J. Moeschler, F. Reboul*. Geneva-Paris: Librairie Droz, 2013. P. 353–375.
10. Пономаренко Е. В. *Основания функциональной лингвосинергетики: учебное пособие ; спецкурс по специальности 10.02.04 (германские языки)*. Москва: МГИМО-Университет, 2015.
11. Обухова Е. Ю. *Уточнение в английском языке: функциональные и семантические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Киев, 1990.
12. Пономаренко Е. В. *Пояснение как языковая единица (к вопросу о функциональных связях дискурса): монография*. М.: МГИМО-Университет, 1999.
13. *Русская грамматика: в 2 т. / отв. ред. Н. Ю. Шведова*. М.: Наука, 1980. Т. II. Синтаксис.
14. Торжок А. Г. Прагматическая направленность пояснительной связи // *Современная коммуникативистика*. М.: ИНФРА-М, 2015. Т. 5. Вып. 3. С. 19–25.

REFERENCES

1. Kashkin, V. B. (2005). *Sopostavitel'nye issledovaniya diskursa = Comparative Discourse Studies. Conceptual space of language* (pp. 337–353). Tambov: Tambov State University. (In Russ.)

2. Dijk, T. van. (1981). *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague; New York: Mouton.
3. Haken, H. (2000). *Information and self-organization: A macroscopic approach to complex systems*. 2nd enlarged edition. Berlin: Springer-Verlag.
4. Aleksandrova, O. V. (2017). On the problem of contemporary discourse in linguistics. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 10(3), 298–302.
5. Kharkovskaya, A. A. (2009). Funkcional'naja paradigma maloformatnyh anglojazycznychnyh tekstov = The functional paradigm of minitexts in English. *Language – text – discourse: Tradition and innovation* (pp. 14–19). Samara: Samara State University; Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
6. Butler, C. S. (2003). *Structure and function: A guide to three major structural-functional theories*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin. Part 2. From clause to discourse and beyond.
7. Iriskhanova, O. K. (2016). Perekategorizacija v diskurse kak sposob povyshenija novostnogo statusa sobytija = Recategorizing news in discourse: How to make the events newsworthy. *Cognitive language studies*, 24, 341–354. (In Russ.)
8. Khramchenko, D., Radyuk, A. (2014). The synergy of modern business English discourse: Holistic approach to teaching unconventional business rhetoric (pp. 6779–6783). *Proceedings of INTED2014 Conference 10th-12th March 2014, Valencia, Spain*.
9. Horn, L., Kecskes, I. (2013). Pragmatics, discourse, and cognition. In A. Stephen, R.J. Moeschler, F. Reboul (eds.), *The language-cognition interface* (pp. 353–375). Geneva-Paris: Librairie Droz.
10. Ponomarenko, E. V. (2015). *Osnovaniya funkcional'noj lingvosinergetiki: uchebnoe posobie = Foundations of functional linguosynergetics: a textbook*. Moscow: MGIMO-University. (In Russ.)
11. Obukhova, E. Yu. (1990). *Utochnenie v anglijskom jazyke: funkcional'nye i semanticheskie aspekty = Clarification in English: functional and semantic aspects: abstract of PhD in Philology*. Kiev. (In Russ.)
12. Ponomarenko, E. V. (1999). *Pojasnenie kak jazykovaja edinica (k voprosu o funkcional'nyh svjazjah diskursa) = Explanation as a linguistic unit (to the question of the functional connections of discourse): monograph*. Moscow: MGIMO-University. (In Russ.)
13. Shvedova, N. Yu. (Eds.). (1980). *Russkaja grammatika. T. II. Sintaksis = Russian grammar. Vol. II. Syntax*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
14. Torzhok, A. G. (2015). *Pragmaticheskaja napravlenost' pojasnitel'noj svyazi = Pragmatic orientation of explanatory communication*. *Modern communication*, 5 (3), 19–25. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малахова Виктория Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 4
факультета международного бизнеса и делового администрирования
Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Malakhova Victoria Leonidovna

PhD (Philology), associate professor, assistant professor of English Language Department #4,
School of International Management and Business Administration, MGIMO University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 20.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 20.01.2022

Научная статья
УДК-81'32
DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_72

О некоторых способах смягчения категоричности в португальских художественных и газетно-публицистических текстах

К. К. Нечаева¹, З. Б. Долгих²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹nechaeva.ksk@mail.ru

²z.dolgikh@linguanet.ru

Аннотация. В статье анализируются возможности языковой системы с точки зрения оказания воздействия на адресата. В реальной коммуникации у говорящего может возникнуть необходимость проявить тактичность и осторожность к позиции собеседника, снять бескомпромиссность утверждений. Нередко подобные тактики латентно оказывают более существенное воздействие на сознание собеседника, нежели директивные установки. В статье анализируются некоторые средства португальского языка, обеспечивающие описываемые процессы.

Ключевые слова: категоричность, смягчение, хеджинг, операторы, градуаторы, достаточная степень, признак

Для цитирования: Нечаева К. К., Долгих З. Б. О некоторых способах смягчения категоричности в португальских художественных и газетно-публицистических текстах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 72–77. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_72

Original article

Some Ways of Mitigation of Categoricalness in Portuguese Fiction and Newspaper-Journalistic Texts

Ksenia K. Nechaeva¹, Zoya B. Dolgikh²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹nechaeva.ksk@mail.ru

²z.dolgikh@linguanet.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the capabilities of the language system from the point of view of influencing the addressee. In real communication, the speaker often needs to show tact and caution to the position of the interlocutor, willingness to remove intransigence of statements. Latently such tactics often make a more significant effect on the consciousness of the interlocutor than directive and direct attitudes. The article analyzes some of the means of the Portuguese language that provide the described processes.

Keywords: categoricalness, mitigation, hedging, operators, graduators, sufficient degree, feature

For citation: Nechaeva, K. K., Dolgikh, Z. B. (2022). Some ways of mitigation of categoricalness in Portuguese fiction and newspaper-journalistic texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 72–77. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_72

ВВЕДЕНИЕ

О толковании языковых единиц, обеспечивающих смягчение категоричности высказывания в тексте, лингвистами было сказано немало. К примеру, такие наречия, как *довольно*, *достаточно*, *порядком*, *вполне*, по сути, включают в себя некий модальный компонент, помогающий говорящему избежать абсолютной трактовки признака, события или явления, воздержаться от утверждения однозначности того или иного суждения.

Согласно дискурсивным исследованиям последних десятилетий, подобное явление может обозначаться термином «hedging», который происходит от английского глагола *to hedge* и означает «страховать», «застраховаться». В юридическом дискурсе широко употребляются выражения *хеджировать риски* и *хеджирование рисков* в значении «минимизировать последствия» и «минимизация последствий / ущерба» соответственно.

В лингвистике хеджинг представляет собой прием речевой осторожности, позволяющий без использования привычных средств вербализации оказывать скрытое и опосредованное воздействие на сознание реципиента [Мезенина, 1991].

ГРАДУАТОРЫ ДОСТАТОЧНОЙ СТЕПЕНИ КАК СРЕДСТВО СМЯГЧЕНИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ В ПОРТУГАЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ

Анализ случаев использования единиц, реализующих смягчение акцентов, сглаживающих и смягчающих суждения в португальском языке, соотносится с применением операционального подхода к исследованию явления градуирования [Долгих, 2020]. Данный подход фиксирует вероятностное наличие определенного признака и его способность модифицироваться относительно умозрительной нейтральной точки отсчета, или нормы, на аксиологической шкале градуирования.

В рамках данной концепции все единицы, обуславливающие движение признака вверх или вниз относительно нуля, могут быть сгруппированы между собой на основании общих семантико-прагматических характеристик и представляют собой переходящие одна в другую площадки, или зоны единиц, вдоль шкалы градуирования (см. рис. 1).

В статье мы хотели бы уделить особое внимание португальским операторам градуирования достаточной степени, которые образуют весьма узкую группу, включающую в себя такие наречия, как: *relativamente* – *относительно*, *bastante* – *достаточно*, *assaz* – *порядком* и др.

Любопытны особенности семантики рассматриваемых единиц. Перечисленные нами наречия фиксируют относительно высокое проявление признака и соотносятся с нормой, а не с нулем признака. С этим связана их высокая сочетаемость с прилагательными, включающими компонент «выше / ниже нормы»:

Ná preços *bastante baixos* em Lisboa¹. – В Лиссабоне можно встретить и достаточно низкие цены².

Ele está em lugar *bastante inferior* na lista³. – Он находится на существенно более низкой позиции (букв. 'довольно низшей').

Показательно, что такие операторы ограничены с точки зрения возможных употреблений с прилагательными, включающими семантический компонент высокой интенсивности, поэтому сочетания типа: *bastante fantástico* – *довольно фантастический* или *bastante enorme* – *довольно огромный* встречаются в языке окказионально.

¹ URL: <https://www.noticiasaoiminuto.com/economia/856258/easyjet-lanca-campanha-com-voos-mais-baratos-a-partir-de-portugal>

² Зд. и далее перевод наш. – К. Н., З. Д.

³ URL: <https://politica.estadao.com.br/blogs/fausto-macedo/camara-de-praia-grande-desmente-dado-do-tce-e-diz-que-cortou-um-terco-dos-comissionados/>

Рис. 1. Шкала градуирования

В то же время в наречиях *bastante* и *assaz* необходимо отметить модальный компонент смягчения категоричности, который может быть истолкован как «воздерживаюсь сказать очень» [Червенкова, 1975, с. 108–109] и, как уже было сказано, помогает говорящему избежать абсолютной трактовки высказывания.

Иначе говоря, модальный компонент данной группы операторов позволяет говорящему не столько количественно определять признак, сколько добиваться перлокутивного эффекта и выражать собственную оценку. Степень проявления модального компонента смягчения категоричности варьируется в зависимости от общей семантики высказывания. Наиболее очевиден он в ситуациях, где субъективность и относительность градуирования обусловлены наличием предикатов суждения:

Quanto a o ambiente achei bastante mais consistente e harmonioso.¹ – Что касается атмосферы, мне она показалась гораздо более последовательной и гармоничной.

De qualquer modo, *pareceu-me curioso como ela dizia aquilo*: mais por coqueteira que por real convicção (Rui Zink. *A espera*). – Так или иначе, мне показалось любопытным то, как она говорила это: больше с кокетством, нежели с полной убежденностью.

В наименьшей степени этот модальный компонент актуализируется в моделях градуирования, которые соотносятся с окказиональной нормой, когда делается акцент не близости признака к норме, а его соответствие ей:

Não temos ordenado *bastante para pagar multas* ao Estado.² – У нас нет зарплаты, которая была бы достаточной для выплаты государству штрафа.

С точки зрения демонстрации относительно-сти характера градуирования и нормы как таковой весьма показательны примеры употребления португальского оператора *relativamente* – *весьма, относительно, порядком*, отражающие особенности его семантики:

Em geral, julho será um mês *relativamente instável*.³ – В целом погода в июне будет относительно переменной.

¹ URL: <https://ptanime.com/cardcaptor-sakura-clear-card-hen-primeiras-impressoes/>

² URL: <https://diariodominho.sapo.pt/2019/06/28/as-fardas-e-os-fardados/>

³ URL: <https://www.tempo.pt/noticias/previsao/verao-2019-que-tempo-fara-em-portugal-este-ano.html>

O mesmo acontece com livros históricos, *especialmente os que se focam em eventos relativamente recentes*.⁴ – То же происходит с историческими книгами, особенно с теми, которые делают акцент на относительно недавних событиях.

Tom explicou-me logo que aquilo era um fenómeno meteorológico *relativamente normal* (Rui Zink. *A espera*). – Том тут же объяснил мне, что это было вполне / относительно нормальное погодное явление.

ОСНОВНЫЕ ТАКТИКИ, РЕАЛИЗУЕМЫЕ ОПЕРАТОРАМИ ДОСТАТОЧНОЙ СТЕПЕНИ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Получается, что рассматриваемые в статье операторы градуирования достаточной степени представляют собой элементы текста, которые позволяют осуществить уточнение сообщаемой информации и выступают в качестве единиц, способствующих модификации восприятия реципиентом реальной действительности. Градуаторы такого типа привносят в сообщение нечеткость, неясность, размытость и реализуют тактику вуалирования / затушевывания избыточной, лишней или ненужной говорящему информации. По сути, благодаря использованию этих единиц, в португальском тексте происходит смещение акцентов и фокуса градуирования с одних дискурсивных значений на другие, что является эффективным способом привлечения внимания читателя к определенным фрагментам публикации или художественного текста.

В художественных текстах это зачастую происходит в эмоциональные моменты повествования и, как правило, вся ситуация несет в себе двойной смысл или некий подтекст. Например:

Especialmente amistoso ele aceitava as nossas visitas, *as minhas sobretudo*, com um visível prazer – mas não disfarçada melancolia (Rui Zink. *A espera*). – Он принимал нас (прежде всего меня) особенно дружелюбно, с очевидным удовольствием и нескрываемой при этом меланхолией.

Sabia que não havia correio, pois ela só ficara de escrever se houvesse algo *especialmente importante*. E sabia que, caso houvesse, seria a primeira coisa que eu lhe diria (Rui Zink. *A espera*). – Он знал, что почты от нее не было, ведь она писала, только если было что-то особенно важное. И знал, что если бы письмо и было, я бы первым делом ему об этом сказал.

⁴ URL: <https://jornaleconomico.sapo.pt/noticias/do-pedido-tardio-a-saida-limpa-o-resgate-visto-pelos-ministros-460522>

Одной из функций операторов данной группы является нейтрализация эффекта от сказанного. Такие единицы, как *possivelmente*, *provavelmente*, *aparentemente*, *praticamente*, *propriamente* (возможно, наверное, понятно, в целом, очевидно, по сути, скорее), добавляют неопределенность высказыванию или суждению и в каком-то смысле даже порождают возможность свободной интерпретации текста. Неудивительно, что операторы такого плана некоторыми исследователями рассматриваются как «показатели неуверенности».

С помощью градуаторов достаточной степени в португальских художественных и газетно-публицистических текстах реализуется тактика создания предположения, что, как правило, происходит на основе утверждения:

- 1) очевидной достоверности, которая обычно никак не маркируется в тексте;
- 2) сомнительной достоверности, регистрирующей неуверенность:

Possivelmente ficaram naquele hotel. – Вероятно, они остановились в том отеле.

Para o bem e para o mal, ele é o único que *não resulta diretamente* dos partidos políticos.¹ – Хорошо это или плохо, он единственный, кто не является непосредственным продуктом политических партий.

- 3) акцентируемой достоверности:

É *mesmo* um perito (*Rui Zink. A espera*). – Он действительно эксперт.

Isto *não é propriamente* a minha área (*Rui Zink. A espera*). – Это прямо-таки совершенно не моя область.

Oferta que é enviada *diretamente ao Papa Francisco*.² – Предложение было направлено непосредственно папе Франциску.

Преуменьшение или преувеличение значений в рассматриваемых типах текста позволяют коммуникантам осознанно и намеренно снижать категоричность суждения, осуществляя уход от абсолютной трактовки, дистанцироваться и абстрагироваться:

¹ URL: <http://www.jornalopcao.com.br/reportagens/primeiras-eleicoes-de-peso-pos-trump-mostram-quadro-em-que-nao-ha-claros-favoritos-90434/>

² URL: <https://notisul.com.br/geral/148675/>

obolo-de-sao-pedro-data-e-comemorada-neste-fim-de-semana

O movimento de pessoas e veículos é *bastante intenso*.³ – Движение людей и машин достаточно интенсивное.

Em geral o trabalho em si é *bastante forte*.⁴ – В целом, сама по себе работа достаточно сильная.

При этом тактика преуменьшения и / или преувеличения, реализуемая с помощью единиц, указанных в примерах, затрагивает содержание всей пропозиции, отражая вполне однозначное отношение говорящего к сказанному:

O responsável realça o papel dos arquitetos como embaixadores deste produto usado em revestimentos e isolamentos, principalmente em projetos lá fora. “Cerca de 95 % da nossa produção é para exportação. Estamos presentes em *praticamente todo o mundo*”, especifica⁵. – Официальный представитель подчеркивает роль архитекторов в успешном продвижении этого продукта, используемого в качестве декоративных и изолирующих покрытий, особенно в проектах за рубежом. «Около 95 % нашей продукции идет на экспорт. Мы присутствуем практически во всем мире», – заявил он.

Citadini disse estar atento com a crise fiscal e financeira pela qual o país, e *sobretudo os municípios* estão passando.⁶ – Ситадини заявил, что прекрасно осведомлен о проблемах в сфере налогообложения и финансовом кризисе, который переживает страна, а точнее / особенно (прежде всего) ее муниципалитеты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, как показывают примеры, в португальском языке операторы достаточной степени указывают на близость признака к норме или на его соответствие окказиональной норме. По сути, они видоизменяют (градуируют) признак относительно нормы, которая, в свою очередь, может быть ситуативно обусловлена. Специфика семантики градуаторов этой группы связана с нейтрализацией признака и смягчением категоричности,

³ URL: <https://diariodonordeste.verdesmares.com.br/negocios/poder-de-compra-do-bairro-pirambu-cresce-37-2-em-dois-anos-1.2102843>

⁴ URL: <https://www.tsf.pt/sociedade/peniche-nao-e-uma-cadeia-de-gente-anonima-10823797.html>

⁵ URL: <https://visao.sapo.pt/imobiliario/2019-06-30-portugal-o-pais-mais-quente-e-onde-temos-mais-frio-dentro-de-casa-os-edificios-verdes-podem-ser-a-solucao/>

⁶ URL: <https://www.sigamais.com/noticias/cidades/liderancas-de-23-municipios-participam-do-ciclo-de-debates-do-tribunal-de-contas-em-adamantina/>

что в зависимости от типа высказывания в разной степени может проявиться в тексте.

Основной функцией, выполняемой рассматриваемыми единицами, является дефокусирование смыслов, помогающее снять ответственность за предъявление истинности суждения [Марюхин, 2010]. Описываемые в статье единицы используются в речи в виде преграды, обеспечивают своеобразное «ограничение и затемнение высказываний или утверждений»

с целью сокращения риска, связанного со сказанным и недопущением восприятия сказанного как неоспоримой истины [Wales, 1989]. В португальском языке необходимость использования подобных градуирующих средств в художественных и газетно-публицистических текстах обусловлена различными прагматическими и коммуникативными факторами, личными мотивами, а также рядом этикетных или социальных ограничений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мезенина М. В. Градуальность в парадигматике лексики немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
2. Долгих З. Б. Операциональные средства и способы градуирования значений (на материале португальского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
3. Червенкова И. В. Общие адвербиальные показатели меры признака (в современном русском литературном языке): дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
4. Марюхин А. П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
5. Wales L. A dictionary of stylistics. New-York: Longman, 1989.

REFERENCES

1. Mezenina, M. V. (1991). Gradual'nost' v paradigmatiche leksiki nemeckogo yazyka = Gradality in the paradigmatic vocabulary of the German language: thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Dolgikh, Z. B. (2020). Operacional'nye sredstva i sposoby graduirovaniya znachenij (na materiale portugal'skogo yazyka) = Operational means and methods of graduation of meanings (based on the material of the Portuguese language): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Chervenкова, I. V. (1975). Obshchie adverbial'nye pokazateli mery priznaka (v sovremennom russskom literaturnom yazyke) = General adverbial indicators of the measure of a trait (in modern Russian literary language). Moscow. (In Russ.)
4. Maryuhin, A. P. (2010). Nepryamaya kommunikaciya v nauchnom diskurse (na materiale russkogo, anglijskogo, nemeckogo yazykov) = Indirect communication in scientific discourse (on the material of Russian, English, German). Moscow. (In Russ.)
5. Wales, L. (1989) A dictionary of stylistics. New-York: Longman.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нечаева Ксения Кирилловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры португальского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Долгих Зоя Борисовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры португальского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nechaeva Ksenia Kirillovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of the Portuguese Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Dolgikh Zoya Borisovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of the Portuguese Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 25.12.2021

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 25.12.2021

Научная статья
УДК 811.134.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_78

Лингвопрагматическая характеристика испанского дипломатического дискурса (на материале испанских дипломатических донесений второй половины XVIII века)

О. В. Нешкес

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Nesh_86@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются лингвопрагматические и стилистические характеристики испанского дипломатического дискурса второй половины XVIII в. на примере жанра дипломатических донесений. Показаны задачи и стратегии дипломатической коммуникации, репрезентирующие ход и состояние российско-испанских отношений в рассматриваемую историческую эпоху. Статья написана с применением междисциплинарного подхода, методов сопоставительного, лингвопрагматического и стилистического анализа. Результаты исследования могут представлять интерес для специалистов общественно-гуманитарных направлений.

Ключевые слова: историко-дипломатический дискурс, дипломатические донесения, лингвопрагматика, стилистика, Россия, Испания

Для цитирования: Нешкес О. В. Лингвопрагматическая характеристика испанского дипломатического дискурса (на материале испанских дипломатических донесений второй половины XVIII века) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 78–83. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_78

Original article

Linguopragmatic Characteristics of the Spanish Diplomatic Discourse (on the material of the Spanish diplomatic reports of the second half of the 18th century)

Olga V. Neshkes

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Nesh_86@mail.ru

Abstract. The article discusses the linguopragmatic and stylistic characteristics of the Spanish diplomatic discourse of the second half of the 18th century with the help of the genre of diplomatic reports. The aims and strategies of diplomatic communication that represent the state of Russian-Spanish relations in that period are shown. The article has been assembled on the basis of the interdisciplinary approach, including methods of comparative, linguopragmatic and stylistic analysis. The results of the study may be of interest to specialists in social and humanitarian areas.

Keywords: historical diplomatic discourse, diplomatic reports, linguopragmatics, stylistics, Russia, Spain

For citation: Neshkes, O. V. (2022). Linguopragmatic characteristics of the Spanish diplomatic discourse (on the material of the Spanish diplomatic reports of the second half of the 18th century). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 78–83. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_78

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время изучение различных аспектов институциональных форм дискурса всё более приобретает междисциплинарный характер. Дипломатический дискурс стал объектом научного исследования многих отечественных и зарубежных ученых (В. И. Карасик, Ю. С. Степанов, В. Е. Чернявская, Т. А. Волкова, Е. В. Метелица, А. С. Кожетева, Трабелси Хайфа, О. Г. Егорова, Н. А. Емельянова, Germana D'Acquisto, Junfeng Zhang и др.). Работы лингвистов посвящены изучению языковых средств современной дипломатии. Однако дипломатический дискурс XVIII века в современной лингвистике, в частности испанистике, оставался до недавнего времени мало исследованным. Исторические документы дипломатического свойства традиционно вовлекались в научный оборот для исторического или переводческого анализа, при этом актуальным и перспективным представляется проведение комплексного лингвистического и экстралингвистического исследования историко-дипломатического дискурса. Изучение языковых средств дипломатического нарратива прошедшей эпохи позволит рассмотреть дополнительные «границы» межгосударственных отношений.

Материалом нашего исследования послужила внутренняя дипломатическая корреспонденция 1761–1792 годов: документы на испанском языке, состоящие из донесений испанских посланников в России. Эти документы репрезентируют характер российско-испанских отношений в ходе освоения Северной Америки обеими империями. Как отмечает А. Ю. Петров, именно вторая половина XVIII века стала важным этапом в истории российско-испанских отношений на севере Тихого океана. Стремление двух империй утвердиться на новых территориях привело к географическим открытиям, закреплению Испании в Калифорнии и основанию российских колоний на Аляске и Алеутских островах [Петров и др., 2020].

Целью нашего исследования стало выявление специфических черт испанского дипломатического дискурса второй половины XVIII века, типовых свойств и стратегий внутренней дипломатической коммуникации, лингвопрагматических и лингвостилистических особенностей дипломатических донесений.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСПАНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОНЕСЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Понятие «дискурс» может рассматриваться как процесс (с учетом воздействия экстралингвистических

и коммуникативно-ситуативных факторов) и как результат в виде фиксированного текста, таким образом воплощая в себе характер завершенности, связности и целостности.

Фиксированным текстом является дипломатическая переписка, которая выполняет функцию письменного дипломатического дискурса. Это совокупность различных видов официальной корреспонденции и документации дипломатического характера.

С позиций лингвопрагматики дискурс можно представить как интеракционную деятельность, участники которой осуществляют обмен информацией, оказывают воздействие друг на друга, используя различные коммуникативные стратегии. По мнению И. П. Сусова, прагматический подход к анализу дискурса определяется как «область лингвистических исследований, имеющих своим объектом отношения между единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий / пишущий и слушающий / читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, а также связанные с актом общения цели и ожидания» [Сусов, 1986, с. 3].

Дипломатический дискурс представляет собой один из видов институционального дискурса, специфика которого обусловлена сферой дипломатического общения и международных отношений [Кожетева, 2012].

Задачами дипломатической коммуникации, как полагают исследователи, являются защита национальных интересов, осуществление внешнеполитической деятельности государства, предотвращение вооруженного конфликта, укрепление мира [Вебер, 2004], а также обеспечение безопасности государства, поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными партнерами [Кожетева, 2012].

Как отмечает Т. А. Волкова, исследование дискурса следует проводить с позиций: цель, хронология, тематика, участники дискурса, авторство текста и его адресность, соотношение исследуемых текстов в рамках нарратива. Комплексное изучение дипломатической коммуникации предполагает анализ ее типовых свойств, функций и стратегий [Волкова, 2007].

По мнению В. Яппаровой, среди отличительных признаков дипломатического дискурса можно выделить специфических участников, особые цели коммуникации и использование устойчивых языковых средств, свойственных лишь языку дипломатии [Яппарова, 2016].

Внутренняя дипломатическая документация принадлежит к непубличной форме дипломатического дискурса. Характерной чертой исследуемых нами дипломатических посланий является то, что адресантом и адресатом сообщений выступают представители одного и того же государства.

Рассматриваемые дипломатические донесения испанских посланников в России носят описательный характер, они повествуют о событиях в Российской империи и ее колониях на Аляске и Алеутских островах во второй половине XVIII века [Петров и др., 2020]. План настоящего времени занимает основное место в жанре донесения, поскольку первоочередным и прагматически обоснованным представляется информирование адресата об актуальных событиях и текущем состоянии дел. Как подчеркивает в своей работе Эрикета Вила Вилар, в XVIII веке «незаселенные американские земли, входившие в состав Испанской империи, были целью колонизации многих стран ... Неудивительно, что, как только русские убедились в возможности добраться до Америки, они приложили все усилия, чтобы реализовать свои планы» (основать колонии – прим. О. В. Нешкец)¹ [Vilar, 1966, с. 35]. Об этом же свидетельствуют исследуемые нами донесения.

Muy Señor mío. Para que S. M. esté plenamente informado de las expediciones Marítimas de los Rusos dirigidas al descubrimiento de la América, y emprendidas por el Mar Pacifico desde las costas orientales de sus Dominios en el Asia <...> espero formar durante mi permanencia en esta Corte una relación de todo lo concerniente a este asunto (*зд. и далее текст приводится в оригинальной орфографии исторического документа*)². – Ваше Высокопревосходительство, с тем, чтобы Вы были должным образом информированы о морских экспедициях русских, нацеленных на исследование Америки и осуществляемых по Тихому океану от восточных берегов их владений в Азии. <...> Я за время своего присутствия при данном дворе составляю отчет обо всем, что имеет отношение к этому вопросу [Петров и др., 2020, с. 73].

Одной из основных характеристик донесений является также дискурсивность и интертекстуальность (как пересказ и комментирующая ссылка на

претекст), выражающиеся в референции к предшествующим письмам или событиям.

A su llegada aquí me Comunicó el señor Durand una Copia de una orden dada por este Gobierno en 1 de septiembre de 1769³. – По прибытии господин Дюран 11 передал мне копию приказа, изданного российским правительством 1 сентября 1769 года [там же, с. 83].

La primera expedición fue en el año de 1725: el Czar Pedro el Grande la encargó a un oficial de su Marina, Dinamarques de Nación, llamado Bering (Informe, 1761). – Первая экспедиция, на которую царь Петр Великий отрядил офицера своего флота по фамилии Беринг, датчанина по происхождению, началась в 1725 году [там же, с. 74].

Как отмечает Л. М. Терентий, в системе ценностей дипломатического дискурса, а именно его непубличной формы, особое место занимает категория истинности / ложности [Терентий, 2016]. По словам В. И. Попова, дипломатические отношения основываются на том, что вы сообщаете партнеру достоверную информацию [Попов, 2003].

Категории персуазивности и информативности, присущие текстам дипломатической документации, реализованы через имплицитно и эксплицитно выраженные логико-семантические структуры, образующие аргументативные связи причины и цели высказываний. По замечанию А. В. Голоднова, содержащиеся в структуре текста языковые маркеры персуазивности выступают наряду с тематическим содержанием текста и определенными экстралингвистическими параметрами в качестве индикаторов персуазивного намерения адресанта [Голоднов, 2008].

В следующем примере продемонстрирована техника персуазивности, благодаря которой испанский посланник в России убеждает государственного секретаря Испании в том, что русские экспедиции к Тихому океану могут представлять угрозу для интересов Испании и ее американских колоний. Высказывание о намерении посланника провести тайные изыскания (*procure con maña y disimulo...*) имплицитно вербализируют значимость информации о русских экспедициях (*si se han repetido tales expediciones...*). Логическим завершением фразы является утверждение о важности

¹ Перевод наш. – О. Н.

² Informe sobre los Descubrimientos de los Rusos en las Costas de la América en las expediciones hechas en el Mar Pacifico desde Kamtschatka, 7 de Octubre de 1761. España. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo General de Indias, Estado 86 B. 100 (Доклад об открытиях на берегах Америки, совершенных русскими в Тихом океане в ходе экспедиций с Камчатки, 7 октября 1761 г.). *Далее Informe, 1761.*

³ Informe del enviado español a Rusia, conde Lacy al secretario de Estado del gobierno español, el marqués de Grimaldi, sobre el desarrollo de la costa californiana por parte de los rusos, 11/22 octubre 1772. España. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100 (Донесение испанского посланника в России графа Ласи, направленное государственному секретарю правительства Испании маркизу де Гримальди об освоении русскими калифорнийского побережья, 11/22 октября 1772 г.). *Далее Informe, 1772.*

воспрепятствовать новым экспедициям (...*importa mucho que los impidamos*).

...*procure* con maña y *disimulo* saber si se han repetido tales expediciones: qual ha sido su éxito o si te ha abandonado esta idea, cuíos progresos *importa mucho que los impidamos* (Informe, 1772). – ...я буду в высшей степени стараться *разведать тайно*, предпринимались ли вновь эти экспедиции, какой успех они имели, не отказались ли русские от них впоследствии, – *для нас весьма важно им воспрепятствовать* [Петров и др., 2020, с. 83].

Дипломатические донесения имеют довольно фиксированную с точки зрения формы структуру. Особое внимание уделяется обращению и заключительной формуле прощания, которые формируют этикет. Эти клише изменялись незначительно, поскольку получателями являлись высокопоставленные государственные чиновники или сам король: *Excelentísimo Señor – Ваше Высокопревосходительство; Mui señor mío – милостивый государь; Dios guarde a V. E. muchos anos como deseo – Храни Господь Ваше Сиятельство долгие годы*. При этом, сами посланники были представителями знатных семей и обладали титулами. Например, маркиз де Альмодовар происходил из древнего испанского рода: семья Альмодовара и была одной из самых богатых и влиятельных в Кордове [Ермолаев, 2006].

В текстах донесений обязательно указывались дата – число, месяц и год создания, а затем и дата получения документа адресатом, что дополнительно свидетельствует об институциональности и потенциальной диалогичности данного дискурса.

Прагматическая установка, репрезентированная в документах, отвечает целям обеспечения безопасности своего государства, осуществлению сотрудничества с Россией.

В донесениях обнаруживается *идея потенциального конфликта и угрозы*.

Pongo todas estas noticias en la inteligencia de V. C. bajo la seguridad de ser mui positivo el establecimiento de los Rusos en los sesenta y quatro grados y que aqui no dudan que es en la California: todo lo qual se dignara V. C. pasar a noticia del Rey N. S. (Nuestro Señor) para que se tomen las providencias que mas convengan al bien de su real servicio¹. – Эти

¹ Informe del enviado español a Rusia, conde Lacy, al secretario de Estado del gobierno español, marqués de Grimaldi, sobre los descubrimientos rusos en América. España, 8/19 de Marzo de 1773. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo General de Indias, Estado 86 B. 100 (Донесение испанского посланника в России графа Ласи государственному секретарю правительства Испании маркизу де Гримальди о русских открытиях в Америке, 8/19 марта 1773 г.).

известия я сообщаю Вашему Высокопревосходительству по причине того, что поселение русских, по всей вероятности, находится на шестьдесят четвертой параллели и здесь ни у кого нет сомнения, что это – Калифорния. Прошу Ваше Высокопревосходительство довести это до сведения Его Королевского Величества, дабы были приняты все меры, наиболее целесообразные его королевскому служению [Петров и др., 2020, с. 90].

Власти Испании опасались российского вторжения на территорию Новой Испании, что побудило их впоследствии снарядить разведывательные экспедиции.

Идея сотрудничества выражена в одном из донесений 1792 года испанского консула в России, где он отмечает необходимость взаимовыгодного и плодотворного взаимодействия.

...no puede menos de comprenderse que las ha destinado la Providencia *para comunicarse mutuamente los beneficios y ventajas, que trae el Comercio a la humana sociedad, sin que la envidia y la emulación* puedan ponerle cotos, a vista de lo que exhige de una, y otra el zelo de su propia conservación y prosperidad². – ...нашим странам определена честь сообща *разделять выгоду и пользу, которую торговля приносит человеческому обществу, не позволяя зависти и соперничеству нарушить сие*, с тем чтобы обе стороны прилагали наибольшие усилия на ее сохранение и процветание [там же, с. 191].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дипломатические донесения, относящиеся к внутренней непубличной форме дипломатического дискурса, отражают цели дипломатической коммуникации эпохи XVIII века, заключающиеся в защите государственных, в частности территориальных интересов, а также в поиске взаимовыгодного торгового сотрудничества.

В ходе нашего исследования удалось показать, что дипломатический дискурс имеет свои отличительные особенности, выражающиеся в специфических участниках и свойственных именно этому типу дискурса языковых средств: формул речи и клише.

Принимая во внимание прагматические установки дипломатического дискурса, выбор стратегически важных лингвистических средств

² Nota del Cónsul español en Rusia Antonio de Colombi sobre el comercio con Rusia. España, 1792. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo Histórico Nacional, Estado 4691 (Докладная записка испанского консула в России Антонио де Коломби о торговле с Россией, 1792 г.).

выражения интенции участников коммуникации проявляется в стратегиях и тактиках персуазивности и информативности.

Непубличная форма дипломатического дискурса, наблюдаемая в текстах внутренней дипломатической переписки, характеризуется высокой степенью закрытости, при этом характер отношений адресанта и адресата определяет стремление к максимальной точности, одним из ключевых ценностных компонентов для этого вида дискурсивных практик является истинность и отсутствие преднамеренной дезинформации.

Оценка происходящих событий, выражаемая испанскими посланниками в России, имеет

завуалированный имплицитный характер, что обусловлено ситуативным контекстом, жанрово-стилистическими особенностями дипломатических донесений и прагматическими факторами дипломатической коммуникации.

Исследование лингвопрагматических характеристик жанра дипломатического донесения является шагом на пути дальнейших изысканий в области лингвистического анализа. По нашему мнению, также представляются перспективными дальнейшие междисциплинарные исследования историко-дипломатического дискурса с точки зрения разработки проблем языкового и культурно-исторического наследия России и Испании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петров А. Ю. и др. Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов): монография в документах / сост. под общ. ред. А. Ю. Петрова; ред.-сост. В. Н. Косторниченко; авт.: А. Ю. Петров, В. Н. Косторниченко, А. А. Альварес Солер, Э. В. Вилар, О. В. Нешкес; пер с исп. О. В. Нешкес, А. В. Иволгин, Д. С. Шмарёв. Рязань: Издательство Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, 2020.
2. Сусов И. П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы: сб. науч. трудов. Калинин: Издательство Калининского государственного университета, 1986. С. 7–11.
3. Кожетева А. С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса: на материале вербальных нот: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012.
4. Вебер Е. А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе: дис. канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
5. Волкова Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007.
6. Яппарова В. Н. Дипломатический дискурс как объект междисциплинарного исследования // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 165–170.
7. Vilar V. E. Los rusos en América. Sevilla: Escuela de Estudios Hispano-Americanos, 1966.
8. Терентий Л. М. Интенциональная структура дипломатического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016.
9. Попов В. И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: Курс лекций. 2-е изд., доп. М.: Международные отношения, 2003.
10. Голоднов А. В. Персуазивная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. Вып. 4–2 (18). С. 113–125.
11. Ермолаев А. А. Испанские дипломаты в России в XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 3. С. 132–135.

REFERENCES

1. Petrov, A. Yu. (ed.) et. al (2020). Rossiya i Ispaniya na severo-zapade Ameriki vo vtoroj polovine XVIII veka (po materialam ispanskih arhivov): monografiya v dokumentah = Russia and Spain in the Northwest of America in the second half of the 18th century (on materials from Spanish archives): monograph in documents; compiler, under general editorship of A. Yu. Petrov; compiling editor V. N. Kostornichenko; authors: A. Yu. Petrov, V. N. Kostornichenko, A. A. Alvarez Soler, E. V. Vilar, O. V. Neshkes; transl. from Spanish. O. V. Neshkes, A. V. Ivolgin, D. S. Shmarev. Ryazan: Ryazan State University named after S. A. Yesenin Publishing house. (In Russ.)
2. Susov, I. P. (1986). Pragmaticheskaya struktura vyskazyvaniya = The pragmatic structure of the utterance. Yazykovoe obshchenie i ego edinicy (pp. 7–11): collected scientific papers. Kalinin: Kalinin State University. (In Russ.)

3. Kozheteva, A. S. (2012). Lingvopragmaticheskie harakteristiki diplomaticheskogo diskursa: na materiale verbal'nyh not. = Linguopragmatic characteristics of diplomatic discourse: based on the material of verbal notes: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Veber, E. A. (2004). Opyt lingvisticheskogo issledovaniya kognitivnogo dissonansa v anglijskom diplomaticheskom diskurse = Experience of linguistic research of cognitive dissonance in English Diplomatic Discourse: PhD thesis in Philology. Irkutsk. (In Russ.)
5. Volkova, T. A. (2007). Diplomaticheskij diskurs v aspekte strategichnosti perevoda i kommunikacii (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov) = Diplomatic discourse in the aspect of strategic translation and communication (based on the material of English and Russian): abstract of PhD in Philology. Tyumen. (In Russ.)
6. Yapparova, V. N. (2016). Diplomatic discourse as an object of interdisciplinary research. *Philology and Culture*, 2(44), 165–170. (In Russ.)
7. Vilar, V. E. (1966). *Los rusos en Amèrica*. Sevilla: Escuela de Estudios Hispano-Americanos.
8. Terentij, L. M. (2016). Intencional'naya struktura diplomaticheskogo diskursa = The intentional structure of diplomatic discourse: Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Popov, V. I. (2003). *Sovremennaya diplomatiya: teoriya i praktika*. Diplomatiya – nauka i iskusstvo = Modern diplomacy: theory and practice. Diplomacy is a science and art: Course of lectures. 2nd ed., expanded. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
10. Golodnov, A. V. (2008). Persuazivnaya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskom metadiskurse = The persuasive strategy of the text formation in a rhetorical meta-discourse. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 4-2(18), 113–125. (In Russ.)
11. Ermolaev, A. A. (2006). Ispanskie diplomaty v Rossii v XVIII v. = Spanish diplomats in Russia in the 18th century. *Vestnik of St. Petersburg University*, 2(3), 132–135. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нешкес Ольга Владимировна

аспирант кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Neshkes Olga Vladimirovna

Post-graduate student, Department of the Spanish Language and Translation, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 25.12.2021

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 25.12.2021

Научная статья
УДК 81.34
DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_84

Просодические характеристики английского языка как лингва франка (на материале диалогической речи)

А. В. Олейник

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
oleynikanna.v@gmail.com

Аннотация. Данное экспериментально-фонетическое исследование предлагает методику анализа взаимодействия собеседников в диалогическом единстве на английском языке между носителями немецкого и итальянского языков. В ходе электронно-акустического анализа разговора были собраны данные по длительности фонации речи и среднему значению ЧОТ (в Гц) на трех временных срезах. Полученные результаты интерпретируются с точки зрения конвергенции и дивергенции собеседников.

Ключевые слова: английский как лингва франка, евроанглийский, неносители английского языка, просодия, среднее значение ЧОТ (в Гц), длительность фонации, аккомодация, диалогическая речь

Для цитирования: Олейник А. В. Просодические характеристики английского языка как лингва франка (на материале диалогической речи) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 84–90. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_84

Original article

Prosodic Features of English as a Lingua Franca (in dialogical speech)

Anna V. Oleynik

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
oleynikanna.v@gmail.com

Abstract. Current research contributes to the studies of English as a Lingua Franca. It centers on the interaction among non-native speakers of English in Europe. The article suggests a possible way of analyzing a spontaneous dialogical speech between native speakers of German and Italian. The results of the study present F₀ variation (Hz) and phonation time measured throughout the talk. The experiment reveals various convergence and divergence strategies of the speakers.

Keywords: English as a Lingua Franca (ELF), Euro-English, non-native speakers, prosody, F₀ (Hz), phonation time, accommodation, dialogical speech

For citation: Oleynik, A. V. (2022). Prosodic features of English as a lingua franca (in dialogical speech). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 84–90. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_84

ВВЕДЕНИЕ

Распространение английского языка в глобальном масштабе необратимо влечет за собой изменение его роли в современном мире. Сейчас английский занимает ведущее место языка международного общения. В частности, за ним закрепляется статус лингва франка. Возникает всё больше вариантов и разновидностей английского языка, которые со временем приобретают собственные черты – особый акцент (фонетическое выражение), синтаксические и лексические особенности, а также предполагают характерную прагматику общения.

Теоретические предпосылки к изучению английского языка как лингва франка основаны как на работах отечественных авторов: С. К. Гураль, М. А. Демина, Ю. В. Карташевская, Т. В. Медведева, К. А. Мележик, Е. А. Найман, В. М. Смокотин и др., так и зарубежных – Дж. Дженкинс, Б. Зайдлхофер, Б. Качру, А. Киркпатрик, Д. Кристал, М. Модино и др., и описаны ранее [Олейник, 2019; Олейник, Медведева, 2020].

В статье исследуется использование английского языка как средства общения в Европе, которая является наиболее подверженной языковым модификациям в контексте глобального распространения английского языка [Modiano, 2006]. На данный момент обособление *евроанглийского* (*Euro-English*) как автономно развивающегося варианта признается рядом исследователей, в частности, Дж. Дженкинс, М. Модино и Б. Зайдлхофер [Jenkins, Modiano, Seidlhofer, 2001].

Поскольку взаимодействие на языке-посреднике предполагает качественно другой подход к процессу коммуникации, на первый план выступает исследование *аккомодации* коммуникантов. Феномен «подстройки под собеседника» рассматривается в ряде работ зарубежных и российских лингвистов: Д. Кристал, Дж. Дженкинс, Т. И. Шевченко, М. А. Демина, Ю. В. Карташевская и др.

Процесс аккомодации затрагивает общение как среди носителей, так и неносителей языка и проявляется в стратегиях *конвергенции* (*convergence*) или *дивергенции* (*divergence*). В том случае, если собеседники следуют стратегии конвергенции, они подстраивают свою речь под речь собеседника. Если никаких мотивированных изменений собственной речи в пользу собеседника не наблюдается, можно считать, что происходит процесс дивергенции [Giles, Powesland, 1979].

Таким образом, целью данного исследования выступает анализ аккомодации собеседников по параметрам сверхсегментного уровня и последующей интерпретации полученных данных с точки зрения ролевых отношений в диалоге. Данный подход мотивирован комплексным изучением

процесса коммуникации и согласуется с методикой, предложенной А. В. Горбылевой для анализа просодических характеристик спонтанной диалогической речи [Горбылева, 2020]. Для достижения обозначенной цели, выполняются следующие задачи:

- 1) измерить длительность фонации говорящих (в секундах);
- 2) измерить показатель средней ЧОТ (в Гц) в пределах интонационных фраз;
- 3) определить степень конвергенции говорящих по длительности фонации и средней ЧОТ (в Гц);
- 4) проанализировать упомянутые выше показатели с точки зрения ролевых отношений в диалоге.

Для измерения показателей были выбраны три временных среза: начало, середина и конец разговора. Данный подход обусловлен тем, что к концу процесса коммуникации может происходить нивелирование различий по просодическим показателям [Шевченко, Галочкина, 2016].

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье приводится анализ диалога между носителем немецкого языка (*далее* информант 1) и носителем итальянского языка (*далее* информант 2) на английском языке из корпуса ViMELF¹, составленного в 2018 году в Трирском университете прикладных наук (Германия). Оба информанта – молодые женщины, относящиеся к одной возрастной группе. Общая продолжительность беседы составляет 41 минуту.

В ходе электронно-акустического анализа с использованием программы PRAAT (версия 6.1.03) для каждого временного интервала были получены средние значения ЧОТ (в Гц) в пределах интонационных фраз, также была измерена продолжительность фонации речи каждого информанта. Полученные данные систематизированы посредством программы статистической обработки данных *jamovi* с последующим выделением минимального, максимального и среднего значения средней ЧОТ, ее медианы и моды. В качестве основного показателя была выбрана *медиана* как величина, демонстрирующая наибольшую устойчивость к статистическим отклонениям (выбросам).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Длительность фонации. В начале разговора распределение времени фонации практически

¹ ViMELF. 2018. Corpus of Video-Mediated English as a Lingua Franca Conversations. Birkenfeld: Trier University of Applied Sciences. Version 1.0. The CASE project [umwelt-campus.de/case].

одинаковое: 45 % приходится на информанта 1 и 55 % на информанта 2. Разница в 10% не воспринимается слушателем как значительный перевес в пользу второго говорящего. В то время как в середине беседы преобладание реплик информанта 1 (68 %) над информантом 2 (32 %) уже невозможно не заметить. Преобладающая длительность фонации у информанта 1 выражается как в большем количестве реплик, так и в их значительной продолжительности. Лидирующая роль первого говорящего по данному показателю сохраняется и в конце беседы. Несмотря на то, что разрыв в длительности фонации немного сокращается (64 %

против 36%), информант 2 так и остается в роли ведомого участника коммуникации. Полученные данные представлены в секундах, а также в процентном соотношении в таблице 1 и на рисунке 1.

Среднее значение ЧОТ (в Гц). Наибольшая конвергенция говорящих на уровне высоты тона (перцептивный коррелят ЧОТ) наблюдается в начале разговора. Средний показатель ЧОТ для информанта 1, составляет 225 Гц, а для информанта 2 – 255 Гц. Помимо медианы в таблице 2 для сравнения приведены среднее значение ЧОТ, мода, а также ее минимальная и максимальная величины.

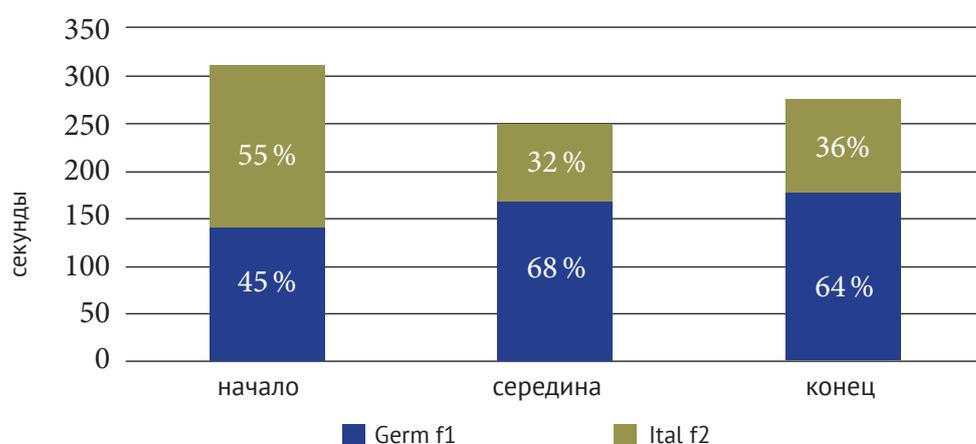

Рис. 1. Соотношение фонации в начале, середине и конце разговора в процентах

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ ФОНАЦИИ В НАЧАЛЕ, СЕРЕДИНЕ И КОНЦЕ РАЗГОВОРА В СЕКУНДАХ

Говорящий	Начало	Середина	Конец
Germ f1	142	172	178
Ital f2	174	80	101

Таблица 2

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЧОТ В НАЧАЛЕ РАЗГОВОРА (в Гц)

Показатели	Germ f1	Ital f2
Среднее	230	257
Медиана	225	255
Мода	221	240
Мин. значение	137	141
Макс. значение	333	401

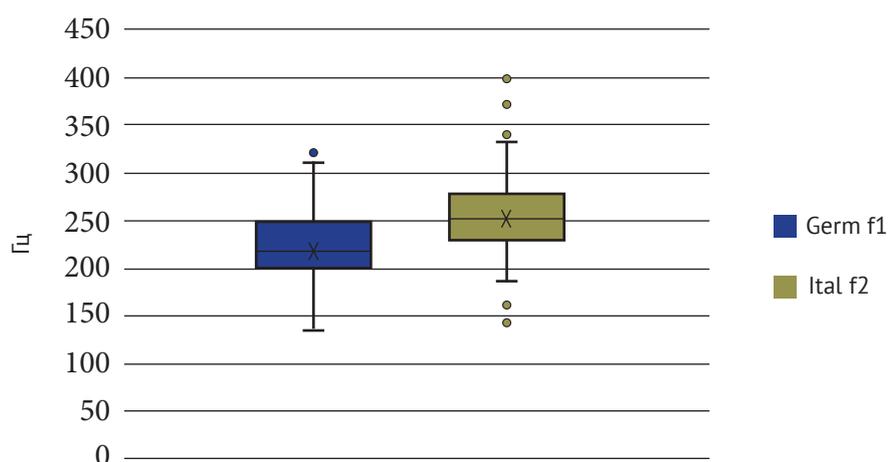

Рис. 2. Средние значения ЧОТ (в Гц) в начале разговора

Рисунок 2 более наглядно демонстрирует соотношение средних значений ЧОТ на выбранном временном отрезке.

При более подробном анализе первого временного интервала прослеживается частая смена реплик небольшой продолжительности. В течение первых трех минут коммуникативные роли распределены практически равномерно, что подтверждается данными о длительности фонации (45% и 55%). Говорящие еще не приступили к обсуждению заявленной темы разговора, и характер их беседы на данном этапе можно описать с помощью английского термина «small talk» (подробнее см.: Демина, Карташевская, 2016; Демина, Карташевская, 2017) как неформальное фатическое общение. Наблюдается большое количество «перебивов» и наложений реплик (*overlapping*). Кроме того, оба собеседника оказывают коммуникативную поддержку друг другу с помощью коротких вставных комментариев (наиболее частотные: *uh huh* и *yeah*). Следует отметить, что информант 1 демонстрирует более сформированные навыки поддержания беседы, проявляющиеся в частых коротких вставных комментариях. Речь первого говорящего

выразительна, богата по лексическому составу, в то время как манера говорения информанта 2 скорее монотонна и значительно уступает в беглости.

Лидирующая роль закрепляется за информантом 1 на протяжении второго временного интервала (середины разговора). Говорящий не только инициирует большинство коммуникативных ходов, активно поддерживает ход беседы с помощью коротких комментариев (всего 24 реплики: *uh huh, yeah* и *okay*), но и выражает свою точку зрения в более развернутой форме. Интересно, что со стороны информанта 2 довольно редки вставные комментарии (всего 8 реплик *mh* и *yeah*), говорящий не использует паузы между высказываниями партнера и ожидает полного окончания коммуникативного хода собеседника (порой длительностью в 1,5 минуты), чтобы продемонстрировать свою заинтересованность. Представляется, что подобные различия в стиле ведения и поддержания разговора могут коррелировать с дивергенцией говорящих на уровне высоты тона.

Как представлено в таблице 3, средние показатели ЧОТ у информанта 1 понижаются до 216 Гц, а у информанта 2, наоборот, возрастают до 276 Гц.

Таблица 3

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЧОТ В СЕРЕДИНЕ РАЗГОВОРА (в Гц)

Показатели	Germ f1	Ital f2
Среднее	223	286
Медиана	216	276
Мода	214	264
Мин. значение	136	199
Макс. значение	391	460

Таким образом, сближения собеседников по выбранному показателю не происходит. Помимо упомянутой выше причины (различные коммуникативные стратегии говорящих) можно сделать вывод о том, что как только характер беседы отклоняется от формата «small talk» в сторону обмена мнениями по конкретным вопросам, говорящие склонны демонстрировать свою идентичность, нежели адаптацию к партнеру по общению. Дивергенция собеседников в середине разговора отражена на рисунке 3.

Распределение коммуникативных ролей (лидер – информант 1, ведомый – информант 2) и коммуникативный стиль говорящих остаются неизменными вплоть до конца беседы. Последний временной интервал не демонстрирует большего сближения в показателях средней ЧОТ. Наблюдается расхождение коммуникантов по этому параметру по сравнению с началом разговора: 230 Гц у информанта 1 и 279 Гц у информанта 2, что представлено в таблице 4.

Изменения среднего показателя ЧОТ в конце разговора также проиллюстрированы на рисунке 4. Следует отметить, что конец разговора характеризуется переходом обратно к формату «small talk», однако, в сравнении с началом беседы, заметно сокращается количество «перебивов» в пользу вставных комментариев у обеих говорящих. Возникает ощущение, что коммуниканты адаптировались к друг другу, что отражается в более плавном течении разговора.

Таким образом, анализ среднего значения ЧОТ в начале, середине и конце разговора показал как тенденцию к конвергенции собеседников (начало), их дивергенции (середина), так и промежуточный результат, тяготеющий к дивергенции (конец). Интересно, что средний показатель ЧОТ у информанта 1 колеблется: понижается на среднем временном интервале и резко возрастает в конце беседы. В то же время у информанта 2 прослеживается тенденция к плавному повышению высоты тона на протяжении всей коммуникации, что наглядно продемонстрировано на рисунке 5.

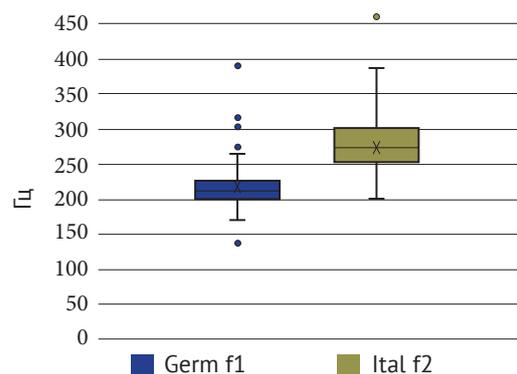

Рис. 3. Средние значения ЧОТ (в Гц) в середине разговора

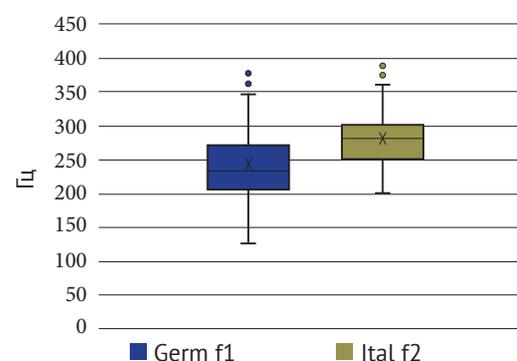

Рис. 4. Средние значения ЧОТ в конце разговора (в Гц)

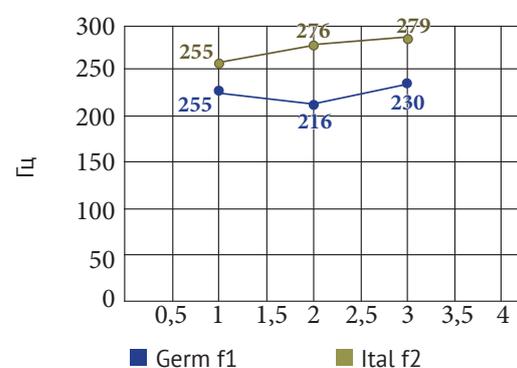

Рис. 5. Средние значения ЧОТ (в Гц) в течение разговора (медиана)

Таблица 4

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЧОТ В КОНЦЕ РАЗГОВОРА (в Гц)

Показатели	Germ f1	Ital f2
Среднее	239	280
Медиана	230	279
Мода	193	251
Мин. значение	130	200
Макс. значение	379	381

Выводы

В статье была предложена методика анализа просодической вариативности диалогической речи у носителей английского языка. Частным примером коммуникации стала беседа между молодыми носителями немецкого и итальянского языков общей продолжительностью в 41 минуту. Диалог подвергся электронно-акустическому анализу на трех временных срезах (начало, середина и конец) по двум параметрам: длительность фонации (в секундах) и средний показатель ЧОТ (в Гц).

По итогам электронно-акустического анализа была выявлена тенденция к корреляции между темпоральным параметром сверхсегментного уровня (длительность фонации) и динамикой изменяющихся высотных показателей (средняя ЧОТ (в Гц)). Участники коммуникации продемонстрировали стратегии конвергенции (в начале общения) и дивергенции (в середине и конце диалога) по высоте тона. К середине диалога распределение коммуникативных ролей (лидер – ведомый) менялось, и лидирующая позиция закрепляется за информантом 1 до конца беседы. Также в разговоре наблюдались различия в коммуникативных стратегиях между говорящими. Более того, можно было проследить определенную корреляцию

между длительностью фонации и средним значением ЧОТ, а именно:

- 1) конвергенция по высоте тона наблюдается во временном срезе, где соотношение фонации наиболее гармонично (45 % и 55 %);
- 2) наибольшее расхождение в среднем показателе ЧОТ соотносится с наибольшей разницей в длительности фонации (68 % и 32 %);
- 3) определенное сближение собеседников по показателю средней ЧОТ совпадает с нивелированием разрыва в фонации в конечном временном интервале (64 % и 36 %).

Одними из возможных факторов, приводящих к дивергенции говорящих, выступают различия в коммуникативных стратегиях собеседников и переход от «small talk» к непосредственно-предметному обмену мнениями по заданным темам.

Данный подход к изучению взаимодействия собеседников на сверхсегментном уровне синтезирует предыдущие исследования в области гендерно обусловленной специфики диалогического общения и английского языка как лингва франка. Результаты, полученные в рамках текущего анализа, будут дополнены экспериментально-фонетическими данными других диалогов в выбранном корпусе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Олейник А. В. Английский язык как средство межкультурного общения: историческая ретроспектива и современные особенности (фонетический аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 5 (821). С. 110–123.
2. Олейник А. В., Медведева Т. В. Современные подходы к изучению английского языка как лингва франка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 1 (830). С. 144–153.
3. Modiano M. Euro-Englishes // The Handbook of World Englishes / ed. by Braj B. Kachru, Yamuna Kachru, Cecil L. Nelson. 2006. P. 223–239.
4. Jenkins J., Modiano M., Seidlhofer B. Euro-English // English Today. 2001. Vol. null. P. 13–19.
5. Giles H., Powesland P. Accommodation Theory // Sociolinguistics: A reader and coursebook / N. Coupland & A. Jaworski (eds.). London: MacMillan, 1997. P. 232–239.
6. Горбылева А. В. Методы анализа спонтанной диалогической речи (просодический аспект взаимодействия) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 1 (830). С. 51–66.
7. Шевченко Т. И., Галочкина И. Е. Навстречу согласию: фонетическая адаптация собеседников // Фонетическая полифония звучащей речи. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Языкознание. 2016. Вып. 1 (740). С. 185–203.
8. Демина М. А., Карташевская Ю. В. Фонетические средства реализации «small talk» в британском социокультурном контексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета / Фонетическая культура устной речи: традиции и инновации. 2016. Вып. 20 (759). С. 74–96.
9. Демина М. А., Карташевская Ю. В. Гендерно маркированные модели просодической согласованности коммуникантов в small talk // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 5 (776). С. 9–31.

REFERENCES

1. Olejnik, A. V. (2019). A historical retrospective and modern features of English as a means of intercultural communication (the phonetic aspect). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(821), 110–123. (In Russ.)
2. Olejnik, A. V., Medvedeva, T. V. (2020). Modern trends in the English language as lingua franca studies. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(830), 144–153. (In Russ.)
3. Modiano, M. (2006). Euro-Englishes. In Braj B. Kachru, Yamuna Kachru, Cecil L. Nelson (eds.), *The Handbook of World Englishes* (pp. 223–239).
4. Jenkins, J., Modiano, M., Seidlhofer, B. (2001). Euro-English. *English Today*, 1, 13–19.
5. Giles, H., Powesland, P. (1997). *Accommodation theory. Sociolinguistics: a Reader and coursebook*. L.: MacMillan.
6. Gorbyleva, A. V. (2020). Methods of spontaneous dialogue analysis (prosodic aspect of interaction). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(830), 51–66. (In Russ.)
7. Shevchenko, T. I., Galochkina, I. E. (2016). Ensuring convergence: phonetic adaptation of partners in dialogue. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 1(740), 185–203. (In Russ.)
8. Demina, M. A., Kartashevskaya, YU. V. (2016). Phonetic means of “small talk” realization in British sociocultural context. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 20(759), 74–96. (In Russ.)
9. Demina, M. A., Kartashevskaya, Yu. V. (2017). Gender-marked patterns of prosodic attunement in small talk. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(776), 9–31. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Олейник Анна Вячеславовна

старший преподаватель кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olejnik Anna Vyacheslavovna

Senior Lecturer at the Department of English Phonetics, Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 25.12.2021

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 25.12.2021

Научная статья

УДК 81'34

DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_91

Страны периода третьей диаспоры: современные произносительные черты английского языка в азиатском регионе

Е. Ю. Романова

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Russia catrom@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается фонетическая и фонологическая система основных английских диалектов Юго-Восточной и Южной Азии. Автор описывает этапы распространения английского языка на территории изучаемых регионов, определяет современный статус английского языка и предлагает обзор основных произносительных характеристик диалектов. Заключение построено на сравнительном анализе азиатских диалектов английского языка и на их сопоставлении с британской произносительной нормой.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, Южная Азия, фонология, слияние звуков, эпентеза, отсутствие редукции гласных, редукция консонантных кластеров, отсутствие аспирации, слогосчитающий ритм, нисходящий тон

Для цитирования: Романова Е. Ю. Страны периода третьей диаспоры: современные произносительные черты английского языка в азиатском регионе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 91–98. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_91

Original article

The Countries of the Third Diaspora Period: Contemporary English Pronunciation Features in Asian Region

Ekaterina Y. Romanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

catrom@rambler.ru

Abstract. The article deals with the phonetic and phonological systems of the basic English dialects in Southeast and South Asia. The author starts with reflecting the major steps of the English expansion in the regions under study, defines the modern status of the English language and outlines specific pronunciation features (sounds, syllabification, word stress placement, rhythm, speech melody). In conclusion Asian dialects of English are compared to each other and to the British pronunciation standard.

Keywords: Southeast Asia, South Asia, phonology, sound merger, epenthesis, lack of vowel reduction, consonant cluster reduction, lack of aspiration, syllable-timed rhythm, falling tone

For citation: Romanova, E. Yu. (2022). The countries of the third diaspora period: contemporary English pronunciation features in Asian region. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 91–98. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_91

ВВЕДЕНИЕ

В историческом контексте мировая экспансия английского языка охватывает четыре временных периода, в современной литературе получивших название *диаспоры* [The Handbook of World Englishes, 2020]. *Первая диаспора* возникла в V веке, когда английский язык начал развиваться из диалектов германских племен и позднее вытеснил кельтский язык, активно используемый на территории современной Англии и юго-восточной Шотландии. Отсчет *второй диаспоры* начинается в XVII веке и связан со становлением Великобритании колониальной державой и распространением английского языка в завоеванных странах. Согласно концепции концентрических кругов Б. Качру, страны периода второй диаспоры образуют внутренний круг (США, Австралия, Новая Зеландия, страны Карибского бассейна). *Третья диаспора* ознаменовалась распространением английского языка на территории Азии и Африки в качестве лингва франка, что совпадает с внешним концентрическим кругом Б. Качру (страны Южной и Юго-Восточной Азии, Африки). *Четвертая диаспора* – это период всемирной глобализации английского языка, охватывающий страны расширяющегося круга (Южная Америка, Европа, Россия, Восточная Азия и Китай).

Современные темпы глобализации и технического прогресса ведут к укреплению взаимосвязей внутри мирового сообщества, и страны Южной и Юго-Восточной Азии не являются исключением, что способствует усилению значимости английского языка в данном регионе как средства межкультурного общения и достижения профессиональных высот в международном бизнесе.

В статье предлагается краткая историческая и социополитическая характеристика английских диалектов в странах Юго-Восточной Азии (Камбоджа, Таиланд, Вьетнам) и Южной Азии, а также рассматривается их фонетическая специфика. Следует отметить, что экспериментальные данные по изучению фонетической составляющей азиатских диалектов очень малочисленны и сводятся, в основном, к описанию сегментного уровня языка. Также практически отсутствуют исследования языковой политики азиатских стран, связей английского языка с исконными языками данных регионов и места английского языка в образовательном процессе и в жизни населения.

СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Английский язык в Камбодже

Языковая ситуация в Камбодже характеризуется относительной однородностью, 90 % населения –

кхмеры. В 1989 году французский и английский языки вытеснили вьетнамский и русский, приобретя статус основных иностранных языков Камбоджи. Начиная с 1993 года английский язык стал активно преподаваться в университетах страны и еще больше укрепил свои позиции, несмотря на параллельное усиление значимости китайского языка [Kirkpatrick, 2010; Moore, Bounchan, 2010].

Фонетическая характеристика диалекта

Экспериментальные исследования английского диалекта Камбоджи ограничиваются, главным образом, описанием *согласных* звуков. Так, фонетисты отмечают, что для жителей Камбоджи одним из самых сложных моментов при изучении английского языка является реализация звонкого зубно-фрикативного [ð] и глухого заальвеолярного фрикативного [ʒ], которые часто произносятся ими как [d] и [s] соответственно. Еще одной специфической чертой на уровне продуцирования согласных является добавление или опущение согласных звуков /s/, /f/ и /p/ в финальном положении в слове: *perhaps* реализуется как *perhap*, *help* – как *hel*, *always* – *alway*, *wife* – *wi*, а *many* – как *manys*.

Анализ *супraseгментных* характеристик речи показал, что основные расхождения между английским диалектом Камбоджи и британской произносительной нормой проявляются в специфических интонационных моделях, обусловленных влиянием исконных языков региона, а также в смещении лексического ударения: *mes'sage* [Moore, Bounchan, 2010].

Английский язык в Таиланде

Появление английского языка в Таиланде связано с правлением короля Монгкута (Рама IV, 1851–1868), ставшего первым правителем, осуществлявшим межкультурную коммуникацию без переводчика. Интересен и тот факт, что Таиланд является единственным азиатским государством, сохранившим свою независимость от британской колонизации и от насильственного внедрения английского языка. Тем не менее в наше время роль английского языка, способствующего экономическому и технологическому развитию Таиланда, всё больше возрастает; наравне с языком мандарин, английский язык изучается в школах как основной иностранный язык, хотя преподавание по-прежнему ведется на тайском языке. Экзамен по английскому языку является обязательным для поступления в государственные вузы страны [Kirkpatrick, 2010].

Фонетическая характеристика диалекта

Сегментные черты. В тайском языке количество гласных звуков превышает количество британских гласных звуков; тем не менее восприятие и реализация некоторых британских гласных вызывает сложности у носителей тайского диалекта английского языка [Trakulkasemsuk, 2012]. Так, британские напряженные и ненапряженные гласные различаются исключительно исходя из их длительности. Ряд авторов указывает на монофтонгизацию дифтонга /eɪ/ и на приближение его к звуку /e/ в словах типа *tail, hate* [Low, 2020].

Британские *согласные* звуки (/tʃ/, /dʒ/, /θ/, /ð/, /ʃ/, /ʒ/), представляющие сложность для носителей тайского диалекта английского языка, обычно заменяются ими на тайские эквиваленты. Например, /tʃ/, /ʃ/ и /ʒ/ реализуются как тайский звук /tʃʰ/; /dʒ/ напоминает /tʃ/; /θ/ имеет варианты произнесения /t/, /tʰ/ или /s/ (в начальной позиции чаще как /t/); /ð/ продуцируется как /d/. Еще одной специфической характеристикой согласных является переход звуков /v/ в /w/, а /z/ в /s/: *vest = west, rice = rise*. Исследователи отмечают также оглушение звонких согласных в конце слова: /v/ реализуется как /f/, /z/ – как /s/ [Kruatrachue, 1960].

Супraseгментные черты. Согласно данным акустических исследований, тайский вариант английского языка характеризуется наличием *тактосчитающего ритма*, что сближает его с британским произносительным стандартом. Анализ особенностей постановки *лексического ударения* выявляет тенденцию к переносу ударения на последний слог в слове. К специфическим *интонационным моделям* изучаемого диалекта лингвисты относят частое использование восходящего тона при постановке общего или специального вопроса, а также в утверждениях [Sarmah, Gogoi, Wiltshire, 2009].

Английский язык во Вьетнаме

Английский язык привнесли в страну американцы во время Вьетнамской войны. Однако после окончания войны, начиная с 1975 года и в период правления Хо Ши Мина, английский язык рассматривался как язык врага и был запрещен. Лишь в 1986 году запрет на него был снят, а экономические реформы и начало всемирной глобализации стали причиной быстрых темпов изучения английского языка населением страны. Сегодня английский язык имеет статус основного иностранного языка Вьетнама, который является обязательным предметом для 90% детей, начиная с третьего

класса начальной школы. Усилению значимости английского языка во Вьетнаме способствует и его главенствующая роль в работе Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [Le, O'Harrow, 2007].

Фонетическая характеристика диалекта

К основным особенностям *сегментного* уровня вьетнамского английского исследователи относят реализацию сложных для носителей азиатских языков английских согласных /ʃ/, /ʒ/, /tʃ/ и /dʒ/. Так, глухой заальвеолярный фрикативный /ʃ/ вьетнамцы произносят как глухой альвеолярный фрикативный /s/: *she* [si:]; звонкий заальвеолярный фрикативный /ʒ/ реализуется как звонкий альвеолярный фрикативный /z/: *pleasure* ['plezə]. Поскольку в системе вьетнамских согласных отсутствуют аффрикаты, ожидаемо, что и в английской речи вьетнамцы испытывают определенные сложности при их продуцировании. Соответственно, английская глухая аффриката /tʃ/ в словах *cheese, chair, future* реализуется как вьетнамский взрывной согласный /c/, а ее звонкий эквивалент /dʒ/ – как /z/ или /s/: *judge* [zʌz] [Duong, 2009].

СТРАНЫ ЮЖНОЙ АЗИИ

Распространение английского языка в странах Южной Азии охватывает длительный период времени, и история его появления в каждой стране своя. Первоначально знакомству с английским языком Южная Азия обязана британской колонизации, а в дальнейшем – научному и техническому прогрессу. Так, Бангладеш, Индия, Пакистан и Шри-Ланка в разное время являлись британскими колониями, в то время как Афганистан, Бутан и Непал сумели сохранить независимость, а Мальдивы – приобрести статус «протектората» британского правительства.

Современная модель южно-азиатского варианта английского языка в значительной мере отличается от диалекта 1947 года, когда колониальный период закончился и страна разделилась на Индию и Пакистан, состоящие из 560 суверенных штатов разного статуса. В 1972 году в результате конфликта произошло отделение ныне независимого государства Бангладеш.

Сегодня Южная Азия представляет собой единство восьми суверенных государств: Афганистан, Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Бутан и Мальдивы, связующим звеном между которыми является английский язык, выполняющий

образовательную, социальную и коммуникативную функции и воспринимаемый жителями как язык власти, межкультурной коммуникации и профессионального роста [Kachru, 1997; Hickey, 2004]. О значимости южно-азиатского английского языка в современном мире свидетельствуют следующие данные: Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Непал, Пакистан и Шри-Ланка являются членами Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК; South Asian Association for Regional Cooperation, SAARC), где официальным языком считается английский. По площади страны СААРК занимают 12 % Азиатского континента, что составляет более 3,6 % общей поверхности суши, и насчитывают 40,9 % азиатского населения и 24,3 % населения всей планеты.

Несмотря на кажущуюся лингвистическую разрозненность Южно-Азиатского региона, местный английский диалект характеризуется рядом общих языковых, в том числе и фонетических, черт. На территории Южной Азии господствуют четыре основных языковых семьи: индоарийская (родная для большей части населения), дравидийская, тибето-бирманская и мунда, географическая близость которых в совокупности с постоянным контактом между типологически разными языками, такими как дравидийский и индоарийский, обеспечивают лингвистическую конвергенцию, которой также способствуют общая культура и традиции азиатских народов, политическая история и общий субстрат санскрита, персидского и позже английского языков [Abidi, Gargesh, 2008]. Таким образом, современный южно-азиатский диалект английского языка представляет собой результат лингвистической конвергенции типологически разных языков. Однако в то же время его сложно назвать однородным, исследователи отмечают высокую степень вариативности самого диалекта в зависимости от уровня владения говорящего английским языком, места проживания и этнического происхождения говорящего, а также степени влияния доминантного языка в регионе.

Следует отметить, что носители восточных языков обеспечили южно-азиатскому английскому уникальную и даже экзотическую окраску. Одной из причин его лингвистического своеобразия можно считать тот факт, что английский язык для большей части населения является иностранным, и, соответственно, степень владения им сильно варьируется. Кроме того, английский язык изучается исходя из социолингвистического, образовательного и прагматического контекста Южно-Азиатского региона, который имеет свою специфику в каждой стране. В большинстве случаев английский язык изучают по аналогии с классическим

языками, опираясь на письменный язык, а не на устную речь. В результате в южно-азиатском английском нередко присутствует орфографическое произношение (продуцирование двойных согласных в словах типа *innate*, *illegal*, *oppressive*; реализация безударных гласных /ə, ɪ, ʊ/ в префиксах и суффиксах в полной форме).

Фонетическая характеристика южно-азиатских диалектов

Сегментные черты. Основные ветви южно-азиатского диалекта английского языка в Индии и Пакистане насчитывают 19 гласных звуков: 13 монофтонгов /i, ɪ, u, ʊ, e, ɛ, ʌ, ə, o:, ɔ:, æ, a:/ и 6 дифтонгов /ai, au, eə, (j)uə, ɔi, iə/. Система согласных южно-азиатского английского состоит из губно-губных /m, p, b/, губно-зубных /f, v/, зубных /t, d/, альвеолярных /n, s, z, l, r/, палатально-альвеолярных /ʃ, ʒ/, палатальных /j, tʃ, dʒ/, велярных /ŋ, k, g/, ретрофлексных /t̪, d̪, ŋ/ и глоттального /h/ [Mahboob, Ahmar, 2008; Rahman, 2014].

Согласные. Одной из отличительных черт южно-азиатской разновидности английского языка в сравнении с британской произносительной нормой лингвисты считают отсутствие аспирации начальных глухих взрывных согласных (*pin*, *kin* вместо *p^hin*, *k^hin*), поскольку аспирация взрывных звуков является дистинктивным признаком во многих южно-азиатских языках-субстратах (в хинди, урду: *pal* 'moment' – *p^hal* 'fruit'). Кроме того, звуки /t/ и /d/ произносятся как зубные и ретрофлексные: *aunty* [a:nt̪i:], *band* [bænd̪]. Следует отметить, что степень ретрофлексии увеличивается в дравидийском английском (Индия, Пакистан, Шри-Ланка). Зубные фрикативные согласные /θ/ и /ð/ реализуются как взрывные /t^h/ и /d/ в словах типа *thin* [t^hɪn] и *then* [den] соответственно. В южной Индии альвеолярный взрывной /t/ часто заменяет звук /θ/: *thought* [tɔ:t̪]. Фрикативные звуки /s/ и /z/ в целом совпадают с британскими эквивалентами, однако им свойственна региональная вариативность. Так, в Бенгалии /s/ трансформируется в /ʃ/, а /z/ – в /dʒ/: *sip* [ʃɪp], *prize* [praɪdʒ]. Губно-зубной /f/ часто реализуется как /p^h/: *freeze* [p^hri:dʒ]. В некоторых регионах отсутствует разница в произнесении палатально-альвеолярных /ʃ/ и /ʒ/, губных /v/ и /w/ (*power* [pa:vəɹ] – [pa:wəɹ]), а также носовых /n/ и /ŋ/. Произношение согласного /z/ может меняться в зависимости от региона: в некоторых частях континента данный звук реализуется как /z/, в языке маратхи – как /dʒ/, в кашмирском и панджаби – как /j/: *pleasure* [plezə] – [pleɟzə] – [plejə]. В южной

Индии в целях благозвучия происходит замена звука /h/ на /j/ или /w/, которые также могут добавляться к слову самостоятельно: *hill* [jil], *had* [jəd], *livelihood* [laivliwud], *every* [jeveri], *only* [wonli]. Сонант /l/ всегда имеет мягкий оттенок звучания, /r/ произносится как «дрожащий» и сохраняется в положении после гласного: *car* [ka:r], *cart* [ka:rt], однако интрузивного /r/ в южно-азиатском диалекте английского языка нет.

Фонологические характеристики южно-азиатского произношения включают упрощение консонантных кластеров *sp-*, *st-*, *sk-*, *sl-* в начале слова посредством эпентезы. Так, в восточном Уттар-Прадеше и Бихаре в подобных случаях появляется вставной /l/, в Пенджаби (включая Пакистан) и Харьяне – нейтральный гласный /ə/, что способствует появлению дополнительного слога в слове: *speech* [ɪspi:tʃ], *school* [ɪsku:l] (Шри-Ланка) и [səpi:tʃ], [səku:l] (северная часть Индии и Пакистан). Тем не менее носители некоторых южно-азиатских языков, например пушту, сохраняют исходные консонантные кластеры в английской речи [Rahman, 2014]. В речи жителей северо-восточной части Индии финальные консонантные кластеры упрощаются за счет выпадения последнего согласного звука: *act* [ek], *fruits* [frut] [Kachru, 1994; Gargesh, 2020].

Гласные. Система южно-азиатских английских гласных в меньшей степени отличается от британских, чем система согласных, однако в ней присутствует региональная вариативность. Большинство носителей южно-азиатских языков монофтонгизируют британские дифтонги в английской речи. Носители дравидийских языков добавляют скольжение в виде звуков /j/ и /w/ к начальному гласному высокого подъема: *yem*, *ye*, *yel*, *yel*, *bi* – ‘M.A.L.L.B.’, *wopen* – ‘open’. Кроме того, в южно-азиатском английском диалекте отсутствует деление на сильные и слабые формы гласных и, как следствие, отсутствует редукция безударных гласных. В индийском английском, например, гласные в дифтонгах звучат кратко и перед глухими согласными их длительность не сокращается. В Андхра-Прадеше носители языка телугу трансформируют дифтонги /eə/ и /və/ в сочетания /e:r/ и /u:r/ (*there* / *fair*, *poor*). В английском носителей панджаби стираются различия в произнесении /ɛ/ и /æ/, /ɑ:/ и /ɒ/ [Kachru, 1994; Gargesh, 2020].

Слогоделение. На уровне слогаделения в южно-азиатском диалекте английского языка отмечается вариативность в использовании силлабических /n/ и /l/, при произнесении которых может добавляться нейтральный гласный – /ən/, /əl/: *button* [ˈbʌtən], *apples* [ˈæpəls]. Согласные в суффиксах часто озвончаются: например, в *asked*

[a:skd] конечный звук произносится как /d/ вместо /t/. Сложности восприятия южно-азиатского английского диалекта способствует и элизия слогов в многосложных словах: *government* [ˈgɒrnmənt], *university* [juˈnɪvɜːsɪti] [Kachru, 1994].

Супрасегментные черты: *ритм, ударение, интонация.* По мнению исследователей, особенно мелодики и ударения в южно-азиатском варианте английского языка определены влиянием языков-субстратов [Gargesh, 2020]. В целом для изучаемого диалекта характерно наличие слогосчитающего ритма, что отличает его от британского стандарта с тактосчитающей ритмической организацией, однако индийский английский, например, обладает специфической моделью ритма и не вписывается в существующую классификацию его типов. В южно-азиатском английском большую роль играет соотношение между ударением и относительной тяжестью слога в слове. Так, все односложные слова являются ударными. В двусложных словах основное ударение падает на предпоследний слог, если следующий за ним слог не является тяжелым (не соответствует модели Г:С или ГСС), в ином случае ударение переносится на тяжелый слог. В цепочке двух тяжелых слогов подряд ударение сохраняет свое положение на предпоследнем слоге. В многосложных словах ударение также падает на предпоследний слог, если он тяжелый; в других случаях ударение переходит на предшествующий ему слог: *degree* [ˈdiɡri:], *gymnast* [dʒɪmˈnɑːst], *modesty* [moˈdɛsti], *terrific* [ˈterɪfɪk] [Singh, Gargesh, 1996]. Исходя из описанной тенденции, в южно-азиатском диалекте часто отсутствует разница в постановке ударения в различных частях речи одного и того же слова. Так, имя существительное и глагол могут иметь одну и ту же модель ударения: *permit* [ˈpɜːmɪt], *protest* [prəˈtɛst]. Как было упомянуто выше, в южно-азиатском английском нет редукции гласных, поэтому грамматические формы и служебные слова даже в сокращенном виде произносятся ударно. По данным сравнительного анализа ударения, ритма и интонации речи 20 жителей Индии, говорящих на пяти индоарийских и трех дравидийских языках, а также пяти носителей английского языка были сделаны следующие выводы: постановка словесного ударения в индийском английском на 70% совпадает с нормами британского произношения, основные расхождения были выявлены в словах с префиксами *re-*, *de-*, *dis-*, *com-* и с суффиксами *-self*, *-ity*, *-ic*, *-ical* [Kachru, 1994].

На уровне просодических особенностей южно-азиатской английской речи следует отметить произвольное и часто нелогичное членение фразы на смысловые группы с последующим

выделением слишком большого количества слов в качестве ударных и специфическое местоположение терминального тона, что особенно четко прослеживается в индийском английском и не соответствует нормам британского произношения. Частотность употребления просодических моделей, отличающих южно-азиатский английский диалект от британского произносительного стандарта, зависит от словесного ударения и высотных характеристик речи. Так, в индийском английском отмечается тенденция к произнесению ударных слогов с нисходящим тоном, что частично компенсирует отсутствие повышенной интенсивности на ударных слогах. Следующий за ударным слог обычно произносится с подъемом, даже если это последний безударный слог в утвердительном высказывании. Терминальный тон способствует удлинению соответствующего слога; как правило, это происходит за счет орфографического произношения, например, удвоения конечного согласного с последующим переходом к восходящему безударному слогу зашкалы [Kachru, 1994].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из представленного материала по описанию фонетического строя английского языка в регионах Южной и Юго-Восточной Азии, можно сделать вывод о том, что в целом фонетическая

система исследуемых диалектов имеет большую степень схожести с британской произносительной нормой, хотя наблюдается и ряд расхождений, во многом обусловленных влиянием многочисленных коренных языков-субстратов и своеобразным подходом к изучению английского языка в восточных странах. Так, к характерным особенностям азиатских английских диалектов можно отнести следующие:

- изменения в произношении сложных для жителей Азии британских зубных и заальвеолярных фрикативных согласных, а также аффрикат /θ-ð, ʃ-ʒ, tʃ-ɟʒ/;
- слияние звуков /v-w, s-z, n-ŋ/;
- отсутствие аспирации;
- упрощение финальных консонантных кластеров;
- монофтонгизация британских дифтонгов;
- отсутствие редукции гласных;
- эпентеза;
- элизия слогов в многосложных словах;
- случаи переноса словесного ударения в зависимости от тяжести слога;
- преобладание тактосчитающего ритма;
- произвольное членение фразы на смысловые группы;
- специфическое местоположение терминального тона с обязательным падением в конце.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. The handbook of World Englishes / ed. by C. L. Nelson, Z. G. Proshina, D. R. Davis. 2nd edition. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2020.
2. Kirkpatrick A. English as a lingua franca in ASEAN: a multilingual model. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2010.
3. Moore S. H., Bounchan S. English in Cambodia: Changes and challenges // World Englishes. 2010. № 29 (1). P. 114–126.
4. Trakulkasemsuk W. Thai English // English in Southeast Asia: features, policy and language in use / ed. by E. L. Low, H. Azirah. Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 101–111.
5. Low E. L. English in Southeast Asia // The Handbook of World Englishes / ed. by C. L. Nelson, Z. G. Proshina, D. R. Davis. 2nd edition. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2020. P. 135–158.
6. Kruatrachue F. Thai and English: A comparative study of phonology for pedagogical applications. PhD Dissertation. Bloomington: Indiana University, 1960.
7. Sarmah P., Gogoi D. V., Wiltshire C. Thai English: rhythm and vowels // English World-Wide. 2009. № 30 (2). P. 196–217.
8. Le M. H., O'Harrow S. Vietnam // Language and National Identity in Asia / ed. by A. Simpson. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 415–441.
9. Duong Thi Nu. Mistake or Vietnamese English // VNU Journal of Science. Foreign Languages. 2009. № 25. P. 41–50.
10. Kachru B. B. English as an Asian Language // English is an Asian language: the Philippine context. Proceedings of the Conference Held in Manila on 2–3 August, 1996 / ed. by M. L. Bautista. Australia, North Ryde, NSW: Macquarie Library, 1997. P. 1–23.
11. Hickey R. South Asian Englishes // Legacies of Colonial English / ed. by R. Hickey. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 536–559.

12. Abidi S. A., Gargesh R. Persian in South Asia // *Language in South Asia* / ed. by B. B. Kachru, Y. Kachru, S. N. Sridhar. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 103–120.
13. Mahboob A., Ahmar N. H. Pakistani English: phonology // *Varieties of English* / ed. by R. Mesthrie. Vol. 4: Africa, South and Southeast Asia. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. P. 244–258.
14. Rahman T. Pakistani English. 2nd edition. Islamabad: National Institute of Pakistan Studies, Quaid-i-Azam University, 2014.
15. Kachru B. B. English in South Asia // Burchfield R. *The Cambridge History of the English Language: English in Britain and Overseas: Origins and Development*. Vol. V. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 497–553.
16. Gargesh R. South Asian Englishes // *The Handbook of World Englishes* / ed. by C. L. Nelson, Z. G. Proshina, D. R. Davis. 2nd edition. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2020. P. 105–134.
17. Singh A., Gargesh R. Some aspects of syllable structure and word-accent in Hindi // *Perspectives on Language and Society: Papers in memory of Prof. Srivastava* / ed. by Sh. K. Verma, D. Singh. Vol. 2. Delhi: Kalinga Publications, 1996. P. 274–288.

REFERENCES

1. Nelson, C. L., Proshina, Z. G., Davis, D. R. (eds.), (2020). *The Handbook of World Englishes*. 2nd edition. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
2. Kirkpatrick, A. (2010). *English as a Lingua Franca in ASEAN: a multilingual model*. Hong Kong: Hong Kong University Press.
3. Moore, S. H., Bounchan, S. (2010). English in Cambodia: Changes and Challenges. *World Englishes*, 29(1), 114–126.
4. Trakulkasemsuk, W. (2012). Thai English. In E. L. Low, H. Azirah (eds.), *English in Southeast Asia: features, policy and language in use* (pp. 101–111). Amsterdam: John Benjamins.
5. Low, E. L. (2020). English in Southeast Asia. In C. L. Nelson, Z. G. Proshina, D. R. Davis (eds.), *The handbook of World Englishes* (pp. 135–158). 2nd edition. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
6. Kruatrachue, F. (1960). *Thai and English: A comparative study of phonology for pedagogical applications*: PhD Dissertation. Bloomington: Indiana University.
7. Sarmah, P., Gogoi, D. V., Wiltshire, C. (2009). Thai English: rhythm and vowels. *English World-Wide*, 30(2), 196–217.
8. Le, M. H., O'Harrow, S. (2007). Vietnam. In A. Simpson (ed.), *Language and National Identity in Asia* (pp. 415–441). Oxford: Oxford University Press.
9. Duong, Thi Nu. (2009). Mistake or Vietnamese English. *VNU Journal of Science. Foreign Languages*, 25, 41–50.
10. Kachru, B. B. (1997). English as an Asian Language. In M. L. Bautista (ed.), *English is an Asian Language: the Philippine context* (pp. 1–23). Proceedings of the Conference Held in Manila on 2–3 August, 1996. Australia, North Ryde, NSW: Macquarie Library.
11. Hickey, R. (2004). South Asian Englishes. In R. Hickey (ed.), *Legacies of Colonial English* (pp. 536–559). Cambridge: Cambridge University Press.
12. Abidi, S. A., Gargesh, R. (2008). Persian in South Asia. In B. B. Kachru, Y. Kachru, S. N. Sridhar (eds.), *Language in South Asia* (pp. 103–120). Cambridge: Cambridge University Press.
13. Mahboob, A., Ahmar, N. H. (2008). Pakistani English: phonology. In R. Mesthrie (ed.), *Varieties of English* (vol. 4: Africa, South and Southeast Asia, pp. 244–258). Berlin: Mouton de Gruyter.
14. Rahman, T. (2014). *Pakistani English*. 2nd edition. Islamabad: National Institute of Pakistan Studies, Quaid-i-Azam University.
15. Kachru, B. B. (1994). English in South Asia. In R. Burchfield, *The Cambridge history of the English language: English in Britain and Overseas: origins and development* (vol. V, pp. 497–553). Cambridge: Cambridge University Press.
16. Gargesh, R. (2020). South Asian Englishes. In C. L. Nelson, Z. G. Proshina, D. R. Davis (eds.), *The handbook of World Englishes* (pp. 105–134). 2nd edition. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
17. Singh, A., Gargesh, R. (1996). Some aspects of syllable structure and word-accent in Hindi. In Sh. K. Verma, D. Singh (eds.), *Perspectives on language and society* (vol. 2, pp. 274–288): *Papers in memory of Prof. Srivastava*. Delhi: Kalinga Publications.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Романова Екатерина Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Romanova Ekaterina Yurievna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of English Phonetics, English Language Faculty,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021	The article was submitted 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021	approved after reviewing 20.12.2021
принята к публикации 25.12.2021	accepted for publication 25.12.2021

Особенности явления коммуникативного программирования и его реализация на разных уровнях англоязычного дискурса

В. Л. Соколова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sokolova_mglu@mail.ru

Аннотация. В основу статьи положено предположение автора о наличии механизма коммуникативного программирования, который устанавливает коммуникативные ожидания реципиента; выявляются психолого-концептуальные основания этого механизма, рассматривается явление коммуникативного программирования на различных уровнях англоязычного дискурса; отмечаются некоторые характерные особенности коммуникативного программирования и выдвигаются предположения относительно практической ценности понимания механизмов рассматриваемого явления.

Ключевые слова: коммуникативное программирование, дискурсивное программирование, вероятностное прогнозирование, антиципации, уровни дискурса, англоязычный дискурс

Для цитирования: Соколова В. Л. Особенности явления коммуникативного программирования и его реализация на разных уровнях англоязычного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 99–106. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_99

Original article

Specifics of the Phenomenon of Communicative Programming and Its Implementation on Different Levels of English Language Discourse

Vera L. Sokolova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sokolova_mglu@mail.ru

Abstract. The present article is based on its author's premise about the mechanism of communicative programming which sets the communicative anticipations of the discourse recipient. The research further identifies the psychological and conceptual foundations of this mechanism while considering the phenomenon of communicative programming on different discursive levels, pinpoints some distinctive features of communicative programming and provides assumptions about the practical application of the principles of communicative programming.

Keywords: communicative programming, discursive programming, probabilistic forecasting, anticipations, discursive levels, English language discourse

For citation: Sokolova, V. L. (2022). Specifics of the phenomenon of communicative programming and its implementation on different levels of English language discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 99–106. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_99

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем обратиться к терминологическим аспектам данного исследования, зададимся вопросами: «Почему, если оратор говорит *Ladies and ...* большинство из нас, еще недослушав его, мысленно дополняют высказывание словом *gentlemen*? И почему, даже, если мы плохо слышим собеседника по телефону, стоит ему произнести *To be or...*, мы с высокой долей вероятности можем сказать, что он процитировал известный шекспировский монолог Гамлета?» Многие из нас ответят на этот вопрос, ссылаясь на способность человека к вероятностному прогнозированию, и будут правы. Этой психологической способности предвосхищать события на основе уже имеющейся информации посвящены работы в области психологии (И. А. Зимняя, А. Н. Леонтьев и др.), теории перевода (Л. Виссон, Р. Сеттон и др.), педагогики (Н. С. Харламова, С. А. Кубрицкая и др.).

В настоящем исследовании тем не менее речь пойдет не о вероятностном прогнозировании как свойстве человеческой психики, а о тех дискурсивных элементах, которые, как мы полагаем, помогают нам предвидеть дальнейшее развитие коммуникации – «программируют» ее на различных уровнях дискурса, и для более глубокого освещения вопроса, будут рассмотрены его психологические и концептуальные основания. Полагаем, что это явление может быть названо и дискурсивным программированием, однако в данной работе будет использоваться термин «коммуникативное программирование».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ

Для выявления психологических оснований коммуникативного программирования обратимся к понятию «антиципация» как способности предвосхищать события на основании уже имеющейся у нас информации. В психологии обычно пользуются определением антиципации Б. Ф. Ломова, который понимает ее как «способность <...> действовать и принимать те или иные решения с определенным временно-пространственным упреждением» [Ломов, Сурков, 1980, с. 197].

Для нашего исследования важнейшим свойством антиципаций является то, что, по наблюдениям отечественных и зарубежных ученых, антиципация является фактически основой для процесса восприятия [Neisser, 1975; Зимняя, 2001], которое невозможно без предвосхищения последующих изменений окружающего мира.

Представляется, что антиципации возникают у реципиента в результате процессов коммуникативного программирования. Это приводит нас к вопросу о концептуальных основаниях коммуникативного программирования.

Полагаем, что прежде всего коммуникативное программирование осуществляется благодаря концептуальной фреймовой структуре элементов дискурса. При этом мы придерживаемся того понимания фрейма, которое представлено в работах американского лингвиста Марвина Минского, в соответствии с которым фрейм определяется как минимально необходимая совокупность признаков, позволяющая идентифицировать явление или объект [Minsky, 1975]. В то же время фрейм рассматривается как многоуровневая, организованная иерархически структура, включающая в себя элементы, именуемые слотами (или терминалами), которые могут представлять собой подфреймы и входить в более крупный фрейм [Демьянков, 1996].

В качестве примера рассмотрим в действии механизмы коммуникативного программирования на примере англоязычной шутки:

Just burned 2,000 calories. That's the last time I leave brownies in the oven while I nap. – Только что сжег 2 тыс. калорий. В последний раз оставляю в духовке кексы, когда ложусь поспать днем (<https://inews.co.uk/light-relief/jokes/best-pun-based-jokes-170096>).

Данная шутка начинается с фразы, что рассказчик сжег 2 тыс. калорий. Какой фрейм может актуализоваться у слушателя первым делом? Вполне вероятно, что это фрейм СПОРТИВНАЯ ТРЕНИРОВКА, который содержит терминал «сжигание калорий». Однако дальнейший контекст показывает нам, что первоначальное предположение о коммуникативном программировании этого высказывания было неверным и что на самом деле терминал «сжигание калорий» принадлежит другому фрейму – СЖИГАНИЕ ЕДЫ В ДУХОВКЕ. Подобного рода намеренно вводящее в заблуждение коммуникативное программирование может вызвать эмоциональную реакцию у реципиента, что и является прагматической целью шутки.

Рассмотренный выше пример, на наш взгляд, наглядно демонстрирует случай реализации коммуникативного программирования, когда фрейм актуализуется по его терминалу, одновременно показывая нам, что коммуникативное программирование высказывания может вводить реципиента в заблуждение с целью вызывать у него эмоциональный отклик.

Примечательно, что, по нашим наблюдениям, такое коммуникативное программирование может

быть осуществлено на самых разных дискурсивных уровнях: лексическом, грамматическом, синтагматическом, фонетическом, просодическом, контекстуальном, экстралингвистическом. Именно случаи реализации коммуникативного программирования на разных дискурсивных уровнях и будут рассмотрены подробнее в следующей части данной статьи.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ УРОВНЯХ

Говоря о реализации коммуникативного программирования на том или ином уровне, мы рассматриваем прежде всего дискурсивный элемент осуществляющий коммуникативное программирование (лексему, грамматическую конструкцию и т. п.), однако при выделении того или иного уровня коммуникации к его названию практически всегда можно добавить компонент *коммуникативный: лексико-коммуникативный уровень, грамматико-коммуникативный уровень* и т. п.

Лексический уровень (или *лексико-коммуникативный уровень*). Как следует из его названия, программирование на этом дискурсивном уровне осуществляется лексическими единицами. Точнее их семантикой, актуализующей определенную фреймовую структуру. К этой группе мы отнесли лексические единицы, выражающие *оценку* или *обобщение*.

Рассмотрим *оценочные* лексические единицы как средство коммуникативного программирования. Например, высказывание о том, что *The book was interesting* (*Книга была интересной*) актуализует фрейм INTERESTING BOOK с возможными терминалами (подфреймами): *exciting plot, appealing characters* и т. п., программируя коммуникацию на актуализацию именно этих подфреймов. Если же заданная программа не реализуется и, например, далее говорится, что *It was really boring* (*Она была действительно скучной*), коммуникативный диссонанс в данном случае создает иронический эффект и оказывает на реципиента эмоциональное воздействие.

К *обобщающим* высказываниям, программирующим дискурс на лексическом, точнее лексико-коммуникативном, уровне можно, с одной стороны, отнести высказывания, содержащие гиперонимы, с другой – систематизирующие последующую информацию. К первому случаю отнесем такие высказывания, как *I bought a piece of furniture yesterday* (*Вчера я купил предмет мебели*), где актуализуемый фрейм FURNITURE программирует коммуникацию на реализацию одного из

его терминалов (конкретных предметов мебели), а ко второму – такие высказывания, как: *There are two / three / four / five, etc. reasons for it...* (*Этому две / три / четыре / пять и т. п. причин.*), когда коммуникация программируется (и наши коммуникативные ожидания соответственно устанавливаются) на определенное количество факторов, причин и т. п., на восприятие которых и программируются коммуникативные антиципации реципиента.

Как видим, на лексическом уровне дискурса, коммуникативное программирование может быть как информативным (*firstly, secondly...*), так и эмоциональным (*a terrible thing happened*).

Грамматический уровень коммуникативного программирования предполагает установление у реципиента антиципаций с помощью стандартизированных грамматических форм или конструкций. Полагаем, что в наибольшей степени это проявляется в языках с фиксированным порядком слов (например, в английском).

Например, в вопросе после вспомогательного глагола и подлежащего (*Do you...?*), как правило, ожидается смысловой глагол (*like, love, want, read* и т. д.), а предложение, которое начинается с *There is / I have / I bought*, скорее всего, продолжится вводом новой информации через существительное в единственном или множественном числе, которому может предшествовать еще и прилагательное и неопределенный артикль: *There is a beautiful vase on the table.* (*На столе красивая ваза.*) Полагаем, что в приведенном примере мы имеем дело с коммуникативным программированием разной силы: например, коммуникативное программирование конструкций *There is / There are*, указывающее на объект или объекты (в данном случае это существительное *vase*) – наиболее сильное (можем назвать его коммуникативным программированием первого порядка), затем следует наличие характеристики (прилагательного), описывающей этот объект или объекты, в данном случае это прилагательное *beautiful* (коммуникативное программирование второго порядка, поскольку наличие характеристики возможно для существительных как единственного, так и множественного числа), а затем – наличие неопределенного артикля *a* (коммуникативное программирование третьего порядка, поскольку использование неопределенного артикля возможно только перед исчисляемыми существительными в единственном числе).

Наблюдения показывают, что разная степень выраженности коммуникативного программирования характерна не только для грамматического уровня, хотя данный вопрос и не является основной целью настоящего исследования.

Frequency breakdown of lexical items for position "node" (25 types and 72 tokens)				
<	<<	>>	>	Frequency breakdown of tags only
No.	Lexical items	No. of occurrences		Percent
1	fizzy drinks	20		27.78%
2	fizzy pop	9		12.5%
3	fizzy drink	7		9.72%
4	fizzy lemonade	5		6.94%

Рис. 1. Данные Британского национального корпуса

Помимо перечисленных выше грамматических явлений, по нашим наблюдениям, коммуникативные антиципации реципиента устанавливают также однородные члены предложения и параллельные конструкции, которые предполагают аналогичные грамматические структуры.

Так же, как и в случае с лексическим уровнем коммуникативного программирования, на грамматическом уровне можно отметить случаи «грамматико-коммуникативного программирования», когда коммуникативные антиципации обуславливаются не только грамматической конструкцией, но и коммуникативной функцией высказывания, например, при вопросно-ответном диалоге: вопрос «программирует» ответ и как грамматическое, и как коммуникативное явление.

Синтагматический уровень коммуникативного программирования устанавливает у реципиента антиципации с помощью как устойчивых, так частотных сочетаний лексических единиц.

Например, некоторые идиоматические выражения нередко сокращаются только до своих начальных слов, поскольку их достаточно, чтобы активировать у реципиента «программу» идиоматического выражения: сначала его вербальное выражение, а потом его переносное значение. Например, идиоматическое выражение *Speak of the devil and he will appear* (*Заговори о черте, и он появится*) часто сокращается до его начального фрагмента *Speak (or talk) of the devil*, в котором имплицитно запрограммировано не только окончание идиоматического выражения (*and he will appear*), но и его переносное значение (*появление предмета разговора во время беседы о нем*), устанавливающие у реципиента соответствующие коммуникативные антиципации.

Высокая степень коммуникативного программирования в устойчивых сочетаниях подтверждается также и результатами других исследований, где доказывалось, что даже при замене некоторых элементов устойчивых идиоматических выражений (например, если заменить *She reached for the stars* на *She grasped for the stars* (*Она добилась успеха*, букв.: «Она тянулась за звездами») сами идиоматические выражения остаются узнаваемыми [Smolka, Eulitz, 2019].

Что касается словосочетаний, то степень коммуникативного программирования, задаваемая их компонентами, находит свое отражение в частотности их употребления.

Например, степень коммуникативного программирования в сочетании *fizzy drink(s)* в пять раз выше, чем в сочетании *fizzy lemonade*, что следует из данных Британского национального корпуса (British National Corpus)¹, показывающих, что вероятность употребления сочетания *fizzy drink(s)* в пять раз выше, чем сочетания *fizzy lemonade*: 27,78 % (*fizzy drinks*) + 9,72 % (*fizzy drink*) = **37,5 % vs 6,94 %** (*fizzy lemonade*) (см. рис. 1).

Как следует из приведенного примера, для синтагматического уровня коммуникативного программирования также характерна разная степень интенсивности.

Следует отметить, что особенности коммуникативного программирования на синтагматическом уровне могут использоваться не только в процессе восприятия устойчивых высказываний и частотных сочетаний, но и в ходе психологических исследований, оценивающих психоэмоциональный статус испытуемого (так называемый Sentence Completion Method – Метод завершения предложений) [Hjelle, Ziegler, 1992].

Следующий уровень коммуникативного программирования, подлежащий рассмотрению – **фонетический**. Внутри него мы рассматриваем три подуровня установления коммуникативных антиципаций: на уровне звука (фонетический звуковой уровень), на уровне структуры и звука (структурно-звуковой) и просодии (просодический).

Фонетический звуковой подуровень коммуникативного программирования, как следует из его названия, связан с «программирующей» функцией согласных и гласных звуков. Наиболее репрезентативный и известный большинству изучающих английский язык пример связан с вариативностью неопределенного артикля *a / an*. «Программирующая» функция этого артикля состоит в том, что использование *a* устанавливает коммуникативные ожидания реципиента на актуализацию согласного звука. При этом, сочетаясь с грамматическим

¹ URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> British National Corpus

коммуникативным программированием, артикль *a* «программирует» прилагательное либо существительное, начинающееся с согласного звука (*a book* – книга; *a good book* – хорошая книга). Аналогичным образом, использование *an* программирует коммуникацию на реализацию начального гласного звука в последующей лексической единице (прилагательном или существительном), как, например, в *an apple* – яблоко или в *an interesting book* – интересная книга.

Из фонетических исследований и практических курсов фонетики (например, [Веренинова, 2016]) следуют и другие случаи установления коммуникативных антиципаций на звуковом подуровне. Например, слабый, взрывной, неаспирированный звук /t/ на конце слова может указывать на то, что за ним следуют не ассимилированные /r/, /w/, /j/ либо ударный гласный на стыке слов: *what_ wagon*; *what_ water*; *don't_ really*; *but_ Ronald*; *but_ yesterday*; *what_ else* [Веренинова, 2016].

Следующий подуровень коммуникативного программирования – **фонетический структурно-звуковой** наглядно проявляется в структурированных стихотворных формах, например, в жанре лимерик, где между собой рифмуются, с одной стороны, первая, вторая и пятая строки, написанные трехстопным анапестом, а с другой – третья и четвертая строки, написанные двустопным анапестом. Подобного рода организацию стихотворной формы можно рассматривать как фреймовую структуру, программирующую дискурс лимерика, устанавливающую коммуникативные антиципации определенной ритмической структуры и звукового облика лексических единиц. В приведенном ниже примере лимерика программирующие структурно-звуковые единицы лимерика выделены полужирным шрифтом с подчеркиванием, а программируемые – полужирным шрифтом без подчеркивания:

There was a young lady named **Bright**
who traveled much faster than **light**.
She set out one **day**
in a relative **way**,
and came back the previous **night**¹.

Фонетический просодический подуровень коммуникативного программирования устанавливает коммуникативные антиципации на основании просодического рисунка начальных элементов высказывания. Исходя из наблюдений Ж. Б. Верениновой, можно сделать вывод, что на просодическом

¹ URL: <http://www.thehypertexts.com/The%20Best%20Limericks%20of%20All%20Time.htm> The Best Limericks of All Time A Brief History of the Limerick, with Definitions and Examples

подуровне наибольшим «программирующим» потенциалом обладают два тона – нисходящий тон с начальным повышением (*fall with an initial rise*) и нисходяще-восходящий тон (*fall-rise*) [Веренинова, 2016].

Нисходящий тон с начальным повышением был впервые идентифицирован отечественным фонетистом Жанной Борисовной Верениновой в 1984 году, которая не только выделила его в звучащей английской речи, но и подчеркнула его важность для англоязычной коммуникации. В самом деле, в ряде случаев нисходящий тон с начальным повышением может сигнализировать наличие противопоставления или логического продолжения высказывания. Например, нисходящий тон с начальным повышением, предшествующий лексической единице *most* в начале фразы *Most of the students got good marks...* (*Большинство учащихся получили хорошие оценки...*), устанавливает коммуникативные ожидания реципиента на такое продолжение фразы, как *but some of them got excellent ones* (*но некоторые из них получили отличные [оценки]*).

Нисходяще-восходящий тон также устанавливает коммуникативные антиципации реципиента, например, нисходяще-восходящим тоном будет маркировано слово *bad* в синтагме: *It's not bad...* (*Это неплохо...*), при этом будут устанавливаться коммуникативные антиципации противопоставления *...but there are a few things to be corrected* (*но нужно исправить кое-что...*).

Еще один уровень коммуникативного программирования, подлежащий рассмотрению – **контекстуальный**. В этом случае коммуникативное программирование осуществляется на уровне контекста, т. е. может быть изначально задано лексической единицей, а впоследствии подтверждено или не подтверждено дальнейшим контекстом.

Полагаем, что особое место на контекстуальном уровне коммуникативного программирования занимает стилистический прием *аллюзии*. Здесь коммуникативное программирование осуществляется не столько через фреймы, актуализуемые их семантической структурой, сколько через фреймы того коммуникативного контекста, к которому они «отсылают» реципиента. В качестве примеров здесь можно назвать аллюзии на детские стишки (*nursery rhymes*) и детские игры в названиях целого ряда произведений королевы детектива Агаты Кристи («*And Then There Were None*», «*A Pocket Full of Rye*», «*Hickory Dickory Dock*», «*One, Two, Buckle My Shoe*», «*Five Little Pigs*», «*Four and Twenty Blackbirds*», «*Sing a Song of Sixpence*» и др.), которые, актуализуя фрейм соответствующего стишка или игры, программируют

Рис. 2. Государственное открытие Британского парламента в 2021 г.

Рис. 3. Кронклоун Борис Джонсон

коммуникативные ожидания читателя на определенное содержание всей детективной истории.

Таким образом, контекстуальное коммуникативное программирование всегда вовлекает в себя несколько лексических единиц, которые взаимодействуют друг с другом как часть одного или нескольких фреймов.

Поскольку понятие дискурса выходит за рамки вербальной коммуникации, при рассмотрении реализации коммуникативного программирования невозможно игнорировать **экстралингвистический** уровень, в рамках которого наиболее релевантными для коммуникативного программирования представляются **невербальный** и **полимодалный** подуровни.

На **невербальном** подуровне коммуникативное программирование осуществляется либо как компонент реальной коммуникации, либо как описание этого компонента в письменном дискурсе. Например, невербальный компонент «he frowned», как реализованный в коммуникации, так и упомянутый в комментарии, являясь терминалом фреймов DISCONTENT или MISUNDERSTANDING, способствует актуализации этих фреймов у реципиента.

Полимодалный подуровень коммуникации включает в себя такие графические элементы, как иллюстрации, фотографии, видеоряд, которые также могут способствовать коммуникативному программированию дискурса. По нашим наблюдениям, на полимодалном уровне антиципации могут устанавливаться как относительно содержания дискурса, предваряемого фотографией или видеорядом, так и относительно отношения к сообщаемой информации.

Коммуникативное программирование относительно содержания дискурса осуществляется на полимодалном уровне, когда графический компонент (фотография или видеоряд) актуализуют соответствующий фрейм. Например,

когда изображение фрагмента церемонии открытия британского парламента (см. рис. 2) реализует фрейм THE STATE OPENING OF PARLIAMENT, устанавливая таким образом коммуникативные ожидания аудитории относительно последующей вербальной информации (*The BBC. 12.05.2021*).

Что касается коммуникативного программирования отношения к сообщаемой информации, то в этом случае информативная часть полимодалного компонента уходит на второй план, по сравнению с обращением к эмоциональной сфере реципиента, формированием у него отношения к сопровождаемому полимодалным компонентом материалу.

Например, изображение британского премьер-министра Бориса Джонсона в виде клоуна (рис. 3.) в интернет-издании британской газеты «The Guardian» (*The Guardian. 18.03.2021*) актуализует фрейм CLOWNING применительно к поведению данного британского политика с его терминалами «intentional laughing off important issues», «acting like a clown», которые, обращаясь к эмоциональной сфере читателя, устанавливают его критическое отношение к действиям британского премьера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование выдвигает и обосновывает положение о роли явления коммуникативного программирования в организации дискурса, одновременно выявляя его психологические и концептуальные основания. В ходе анализа роли явления коммуникативного программирования в дискурсивной организации рассматриваются особенности его реализации на различных уровнях дискурса: лексическом, грамматическом, синтагматическом, фонетическом, просодическом, контекстуальном, экстралингвистическом.

Выявлено, что:

- 1) коммуникативное программирование может одновременно осуществляться на нескольких дискурсивных уровнях;
- 2) коммуникативное программирование может быть разным по интенсивности, что обусловлено дискурсивными элементами, его инициирующими;
- 3) по своей направленности коммуникативное программирование может быть информативным, эмоциональным и информативно-эмоциональным.

Полагаем, что проведенные в исследовании наблюдения позволяют нам сделать выводы о том, что правильное распознавание явления коммуникативного программирования позволяет реципиенту, с одной стороны, предвидеть дальнейшее развитие дискурса, таким образом облегчая понимание как устной, так и письменной коммуникации, с другой стороны, помогают в идентификации намеренно вводящего в заблуждение коммуникативного программирования, которое может лежать в основе механизма шутки, что, в свою очередь, облегчает процесс межкультурной коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.
2. Neisser U. G. Perceiving, Anticipating, and Imagining // Perception & Cognition: Issues in the Foundations of Psychology, 1975. Vol. 9. P. 89–105.
3. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. Воронеж: НПО Модэк, 2001.
4. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision. New York: McGraw-Hill, 1975. P. 211–277.
5. Демьянков В. З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 187–189.
6. Smolka E., Eulitz C. Can you reach for the planets or grasp at the stars? – Modified noun, verb, or preposition constituents in idiom processing // Workshop on Psycholinguistic and Computational Perspectives on Non-Compositional Meaning in Phrases. Tübingen. Germany, 2019. URL: doi.org/10.31234/osf.io/3sve4
7. Hjelte L., Ziegler D. Personality theories: basic assumptions, research, and applications. 3th ed. McGraw-Hill College, 1992.
8. Веренинова Ж. Б. Фонетическая база английского языка в сопоставлении с фонетической базой русского языка. 5-е изд. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016.

REFERENCES

1. Lomov, B. F., Surkov, E. N. (1980). Anticipatsiya v structure deyatelnosti = Anticipation in speech activity structure. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Neisser, U. G. (1975). Perceiving, anticipating, and imagining. Perception & cognition: Issues in the foundations of psychology, 9, 89–105.
3. Zimnya, I. A. (2001). Lingvopsichologiya rechevoy deyatelnosti = Linguopsychology of speech activity. Voronezh: MODEK. (In Russ.)
4. Minsky, M. A (1975). Framework for Representing Knowledge. The psychology of computer vision (pp. 211–277). New York: McGraw-Hill.
5. Demiankov, V. Z. (1996). Freim = Frame. In E. S. Kubryakova (ed.), Kratki slovar' kognitivnykh terminov (pp. 187–189). Moscow State University Publishers. (In Russ.)
6. Smolka, E., Eulitz, C. (2019). Can you reach for the planets or grasp at the stars? – Modified noun, verb, or preposition constituents in idiom processing. Workshop on Psycholinguistic and computational perspectives on non-compositional meaning in phrases. Tübingen. Germany. doi.org/10.31234/osf.io/3sve4
7. Hjelte, L., Ziegler, D. (1992). Personality theories: basic assumptions, research, and applications, 3rd ed. McGraw-Hill College.
8. Vereninova, Zh. B. (2016). Foneticheskaya baza angliiskogo jazyka v sopostavlenii s foneticheskoi bazoi russkogo jazyka = English phonetic basis compared to Russian phonetic basis. 5th ed. Moscow: Moscow State Linguistic University Publishers. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Вера Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolova Vera Leonidovna

PhD (Philology), Assistant Professor, Department of English Stylistics, Faculty of English,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021	The article was submitted 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021	approved after reviewing 20.12.2021
принята к публикации 25.12.2021	accepted for publication 25.12.2021

Научная статья

УДК 811.11

DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_107

Фонологические особенности в системе вокализма швейцарского варианта немецкого языка

Г. А. Соколова¹, Д. А. Зимарин², Э. Б. Яковлева³

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹ga.sokolova@mail.ru

²live25@yandex.ru

³Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, ИНИОН РАН, Москва, Россия, jakovlevaemma@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка сопоставить специфику системы гласных швейцарского национального варианта немецкого языка с особенностями системы гласных в германском произносительном стандарте, а также описать характерные черты системы вокализма в швейцарско-немецком диалекте. Проводится сравнение систем гласных звуков в швейцарском национальном варианте немецкого языка и в швейцарско-немецком диалекте. Методом сравнительного анализа исследуются системы вокализма в рассматриваемых языках, устанавливаются сходства и различия между ними.

Ключевые слова: немецкий язык, германский произносительный стандарт, швейцарский национальный вариант, швейцарско-немецкий диалект, гласный звук, вокализм

Для цитирования: Соколова Г. А., Зимарин Д. А., Яковлева Э. Б. Фонологические особенности в системе вокализма швейцарского варианта немецкого языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 107–112. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_107

Original article

Phonological Features in the Vocal System of the Swiss Variant of the German Language

Galina A. Sokolova¹, Dmitry A. Zimarin², Emma B. Jakovleva³

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹ga.sokolova@mail.ru

²live25@yandex.ru

³Bauman Moscow State Technical University, INION, Moscow, Russia, jakovlevaemma@mail.ru

Abstract. The article attempts to compare the peculiarities of the vocal system in the Swiss national variant with the specificity of the vocal system in the German pronunciation standard, it also describes some characteristic features of the vocal system in the Swiss-German dialect. The article also compares the vocal systems in the Swiss national variant of the German language and in the Swiss-German dialect. Using the method of comparative analysis allows to examine the vocal systems of the studied languages, to establish similarities and differences in them.

Keywords: German, German pronunciation standard, Swiss national variant, Swiss-German dialect, vowel, vocal system

For citation: Sokolova, G. A., Zimarin, D. A., Jakovleva, E. B. (2022). Phonological features in the vocal system of the Swiss variant of the German language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 107–112. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_107

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, немецкий язык является национальным государственным языком ФРГ, а также одним из четырех официальных языков Швейцарии, где он используется наряду с французским, итальянским и ретороманским, распределяющимися по разным ареалам. Немецкий язык в его швейцарском варианте представлен также в княжестве Лихтенштейн [Языки мира: Германские языки. Кельтские языки, 2000].

На современном этапе развития немецкий язык представляет систему, состоящую из нескольких форм существования языка, понимаемых как его функциональные подсистемы: литературного языка, многочисленных диалектов и разговорных форм [Rues, 2014].

Немецкий язык является плюрицентрическим, или полицентрическим, языком, существующим не только на территории Германии, как было сказано выше, но и в форме национальных вариантов с присущими им специфическими национальными чертами на территории Австрии, Швейцарии и других немецкоязычных стран. Национальные варианты немецкого языка обладают своими произносительными нормами, отличающимися различной степенью вариативности от немецкого языка, распространенного на территории Германии [Krech, 2009]. Вариативность стандартных языковых вариантов проявляется на разных языковых уровнях. В фокусе рассмотрения в данной статье находится фонетический уровень.

ВАРИАНТ, ВАРИАТИВНОСТЬ, ДИАЛЕКТ

Говоря о Швейцарском национальном варианте немецкого языка, стоит остановиться на некоторых определениях. Так, У. Аммон трактует понятие «языковой вариант» как компонент системы, обладающий вариативностью.

Языковая вариативность представляет собой разновидность языка, некую его подсистему. Она может быть описана как самостоятельная языковая система, обладающая определенными вариантами, которые и определяют ее специфические черты [Ammon, 1995].

Вариативность стандартных произносительных норм национальных вариантов немецкого языка кодифицирована в орфоэпических словарях, закреплена в грамматиках и других справочных материалах.

Однако стоит заметить, что существуют языковые вариативности, не закреплённые в словарях, так называемые нестандартизированные произносительные нормы, распространённые

на территории немецкоязычных стран и претендующие на получение статуса нормированного произношения.

Как было сказано выше, диалект представляет собой одну из форм существования языка. Следует отметить, что в отличие от Германии и Австрии, где использование диалекта определяет социальный статус говорящего, в Швейцарии диалект является выражением демократической традиции.

Это обусловлено политическим контекстом особенно после Второй мировой войны: Швейцария хотела дистанцироваться от Германии [Götttert, 2011].

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ШВЕЙЦАРИИ

Рассматривая языковую ситуацию в Швейцарии, следует сказать, что произносительная норма национального варианта немецкого языка в этой стране, так называемый швейцарский национальный вариант немецкого языка, представляет вариативность немецкого языка со своей спецификой, является кодифицированной нормой литературного языка и используется чаще всего в школе в письменной форме, в официальных ситуациях общения. На территории современной Швейцарии повсеместно распространены так называемые алеманнские диалекты, которые образуют швейцарско-немецкий диалект (Schwytzerdütsch) [Krech, 2009].

Диалект можно рассматривать как подсистему конкретного языка, распространённую на определенной территории, в конкретном регионе. Швейцарско-немецкий диалект распространён в немецкоязычных кантонах страны и является средством повседневного общения жителей этих регионов без каких-либо социально-демографических ограничений, вследствие чего он считается национальным языком страны [Языки мира: Германские языки. Кельтские языки, 2000].

Региональный спектр использования швейцарско-немецкого диалекта на территории современной Швейцарии достаточно широк: он охватывает политические учреждения, телевизионный и радиоэфир и т. п. Швейцарский немецкий используется даже на некоторых занятиях в школе, таких как спорт, рисование, музыка. В немецкоязычной Швейцарии – это язык повседневного устного общения, родной язык для немецкоговорящих швейцарцев.

В Швейцарии возникла уникальная языковая ситуация, которая может быть охарактеризована как диглоссия, когда на одном языковом пространстве существуют две разновидности конкретного

языка: стандартизированный литературный язык и нестандартизированный диалект. Интересно заметить, что в немецкоязычных кантонах Швейцарии используется либо швейцарский национальный вариант, либо диалект. Как отмечают исследователи, не существует «переходных» форм, разговорных языков, которые бы служили «мостиком» между диалектом и стандартизированным произношением [Siebenhaar, Wyler, 1997].

ШВЕЙЦАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Фокусируя внимание на швейцарском национальном варианте немецкого языка, мы можем разобрать частные случаи фонологических особенностей гласных звуков в сопоставлении с системой вокализма немецкого языка в Германии с целью выявить общие и отличительные черты.

Существенной отличительной чертой между немецким языком в Германии и швейцарским национальным вариантом является произношение гласных звуков в начале слога или слова с твердым приступом. В немецком языке реализация твердого приступа обязательна для всех гласных звуков в начальной позиции, например, в словах *oben* – *сверху*, *Oase* – *оазис* [Wiese, 2011].

В швейцарском национальном варианте немецкого языка гласные звуки, стоящие в начале слога или в начале слова, произносятся без твердого приступа, например, в словах *acht* – *восемь*, *aufopfern* – *жертвовать собой* твердый приступ не реализуется [Krech, 2009].

Рассматривая такой фонологический признак гласных звуков, как качество произношения, напряженность произношения, можно обнаружить некоторые сходства между германским стандартом-эталоном и швейцарским вариантом. Так, в швейцарском литературном языке долгие гласные в словах *Biene* – *пчела*, *Beere* – *ягода*, *schön* – *красивый* произносятся как закрытые гласные. Следует избегать реализации чрезмерно открытого долгого гласного звука [æ:] в таких словах, как, например, *Bär* – *медведь*. Краткие гласные звуки в словах *Tisch* – *стол*, *Bett* – *кровать*, *küssen* – *целовать*, *Hund* – *собака* должны произноситься как открытые гласные звуки. Необходимо избегать реализации чрезмерно открытого краткого гласного звука [æ] в таких словах, как *hätte ich* – *я бы* [Hove, 2012].

Фокусируя внимание на долготе гласных звуков, стоит отметить, что для швейцарского национального варианта немецкого языка и для

немецкого языка в Германии характерна реализация долгих гласных звуков в таких словах, как *nie* – *никогда*, *Tuch* – *ткань, платок*, *süß* – *сладкий*, *Tee* – *чай*, *Not* – *необходимость* [Krech, 2009].

Говоря про краткость гласных звуков, стоит указать на тот факт, что в современном швейцарском литературном языке обнаруживаются примеры, которые иллюстрируют употребление кратких гласных звуков в таких словах, как *düster* – *мрачный*, *Städte* – *города*, *Jagd* – *охота*, в которых в германском произносительном стандарте употребляются долгие гласные звуки.

И наоборот, некоторые слова с краткими гласными звуками в германском стандарте произносятся в швейцарском варианте немецкого языка с долгим гласным звуком, например, *Hochzeit* – *свадьба*, *Amboss* – *наковальня*, *brachte* – *принес*, *Rache* – *мечть*, *vierzehn* – *четырнадцать*, *vierzig* – *сорок*, *dachte* – *думал*, *brachte* – *принес*, *Rost* – *ржавчина* [Hove, 2012].

Краткие гласные звуки в словах *will* – *хочу*, *Müll* – *мусор*, *Holz* – *дерево* могут быть реализованы в швейцарском национальном варианте немецкого языка как напряженно, так и ненапряженно. В германском стандарте приведенные в качестве примеров слова должны произноситься только ненапряженно.

Говоря про краткое и долгое произношение гласных звуков, стоит заметить, что в швейцарском национальном варианте немецкого языка допускается реализация долгого гласного звука в тех словах, в которых в германском стандарте должен произноситься краткий гласный звук, например, *Gedächtnis* – *память*, *Nachbar* – *сосед*, *Rum* – *ром*, *Viertel* – *четверть, квартал*, *vierzehn* – *четырнадцать*, *ging* – *пошел*, *hing* – *висел* [Krech, 2009].

В германском стандартном произношении в некоторых словах прослеживается общая закономерность употребления долгого гласного звука перед звуком [ʏ], например, *erst* – *первый*, *Harz* – *Гарц*, *Herd* – *очаг, плита*, *Pferd* – *лошадь*, *werden* – *становиться*, *wert* – *ценный*. Для швейцарского национального варианта немецкого языка характерно использование кратких гласных звуков.

В произношении дифтонгов в швейцарском варианте наблюдается вариативность: дифтонг [ɔə] допускается произносить с кратким открытым гласным [ɪ] в качестве второго компонента, рекомендуется избегать чрезмерно долгой реализации первого компонента дифтонга, например, в таких словах, как *Häuser* – *дома*, *heute* – *сегодня* [Ammon, 1995].

Однако, рассматривая акустические особенности реализации дифтонгов, прослеживается общая

черта: первый компонент дифтонга стационарный, это означает, что его акустические свойства остаются относительно постоянными в течение всего времени артикуляции дифтонга. Второй компонент дифтонга реализуется как скользящий звук, акустические свойства которого достаточно быстро изменяются. Происходит сужение дифтонгов, которые звучат более закрыто по сравнению с германским стандартом [Altmann, Ziegenhain, 2010].

На примере произношения редуцированного гласного среднего ряда и среднего подъема [э] также прослеживается вариативность в швейцарском национальном варианте. В германском стандарте на конце слов, а также в приставках *be-*, *ge-* должен произноситься редуцированный гласный [э] [Rausch, Rausch, 1998]. В швейцарском национальном варианте имеет место реализация полуоткрытого гласного среднего подъема [ɛ], например, *bekommen* – *получать*, *Geschenk* – *подарок*. Использование данного звука также прослеживается в словах в тех позициях, в которых в германском произносительном стандарте редуцированный гласный звук [э] должен выпадать, например, *Atem* – *дыхание*, *tachen* – *делать*, *Esel* – *осел*.

Важно сказать, что в заимствованиях из французского языка наблюдается элизия редуцированного гласного звука [э] в производных словах с суффиксами *-age*, *-euse*, например, *Garage* – *гараж*, *Coiffeuse* – *парикмахер* [Ammon, 1995].

В словах иностранного происхождения буква у передается как звук [ɪ], а не как звук [y], характерный для германского стандарта, например: *Gymnasium* – *гимназия*, *Ägypten* – *Египет*, *Asyl* – *убежище*, *Physik* – *физика*.

ШВЕЙЦАРСКО-НЕМЕЦКИЙ ДИАЛЕКТ: ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Как известно, наряду со швабским и верхнерейнским диалектами швейцарско-немецкий диалект входит в состав алеманнского диалекта, который принадлежит к южнонемецким диалектам. В швейцарско-немецком диалекте выделяют несколько диалектных разновидностей:

- 1) нижнеалеманнскую разновидность,
- 2) верхнеалеманнскую разновидность,
- 3) горноалеманнскую разновидность.

Как отмечают исследователи, верхнеалеманнская разновидность швейцарско-немецкого диалекта распространена на большей части территории немецкоязычной Швейцарии.

Говоря о фонологических особенностях системы гласных звуков в швейцарско-немецком

диалекте, следует подчеркнуть, что для него характерно наличие долгих открытых гласных звуков, например, в словах: *rèèd* – *речь* (нем. *Rede*); *riis* – *великан* (нем. *Riese*); *spiil* – *игра* (нем. *Spiel*); *wiin* – *вино* (нем. *Wein*); *tüür* – *сухой* (нем. *Dürr*); *pùürscht* – *парень* (нем. *Bursche*); *stròöss* – *улица* (нем. *Straße*) [Языки мира ... 2000].

На примере произношения дифтонгов можно проследить отсутствие дифтонгизации узких долгих гласных звуков /ɪ/, /ü/, /ĩ/ в швейцарско-немецком диалекте. Это находит подтверждение в таких словах, как *līb* – *тело* (нем. *Leib*); *hūs* – *дом* (нем. *Haus*) – *hūser* – *дома* (нем. *Häuser*); *lüt* – *люди* (нем. *Leute*). В современном нормированном немецком языке в Швейцарии узкие долгие гласные звуки произносятся как дифтонги *ei*, *au*, *eu*, например, *Zait* – *время* (гер. ст. *Zeit*); *Bauch* – *живот* (гер. ст. *Bauch*); *Zoüg* – *вещь* (гер. ст. *Zeug*). В швейцарско-немецком диалекте употребляются монофтонги, как в словах: *Ziit*, *Buuch*, *Ziüüg* или *Füür* (гер. ст. *Feuer*); *Uf Widerluege* (гер. ст. *Auf Wiedersehen*) [Siebenhaar, Wyler, 1997].

В швейцарско-немецком диалекте остались в употреблении архаичные узкие дифтонги /ie/, /ue/, /üe/, которые можно проследить на примере таких слов, как: *lieb* – *милый* (гер. ст. *lieb* реализуется с узким долгим гласным звуком /i:/); *ruef* – *репутация* (гер. ст. *Ruf* произносится с узким долгим гласным звуком /u:/); *guet* – *хороший* (гер. ст. *gut* произносится с узким долгим гласным звуком /u:/); *trüeb* – *тусклый, пасмурный* (гер. ст. *trüb* реализуется с узким долгим гласным звуком /y:/); *Brüeder(e)* – *братья* (гер. ст. *Brüder* реализуется с узким долгим гласным звуком /y:/). В швейцарском национальном варианте немецкого языка находят употребление следующие формы слов: *liib*, *ruuf*, *guut*, *trüüb*, *Brüüder*.

Как отмечают исследователи, устная форма швейцарско-немецкого диалекта по своему звуковому составу и интонационному оформлению фонетических единиц речи близка к немецкому языку Средневековья [Siebenhaar, Wyler, 1997].

В системе гласных звуков швейцарско-немецкого диалекта сохранились краткие гласные звуки, которые употреблялись в средневехненемецком языке и которые в современном германском стандарте превратились в долгие гласные звуки, например, в словах: *bohren* – *сверлить*, *Gläser* – *очки, стаканы*, *Laden* – *загрузка, магазин*, *Ofen* – *печь*, *sagen* – *говорить*, *sieben* – *семь*, *Stube* – *изба, комната*.

При сопоставлении систем гласных звуков в швейцарском национальном варианте немецкого языка и в швейцарско-немецком диалекте обнаруживается много различий. Например, количество дифтонгов больше в швейцарско-немецком диалекте, в котором также используются звуки,

отсутствующие в нормированном швейцарском произношении. Так, швейцарский национальный вариант немецкого языка насчитывает 7 кратких гласных звуков, 8 долгих гласных звуков, 3 дифтонга. Разные диалектные системы швейцарско-немецкого диалекта насчитывают различное количество фонем. Для разновидности швейцарско-немецкого диалекта в городе Цюрихе (Züritütsch) характерно наличие 13 кратких гласных звуков, 13 долгих гласных звуков, 9 дифтонгов. В разновидности швейцарско-немецкого диалекта в городе Берне (Bärndütsch) обнаруживается 11 кратких гласных звуков, 11 долгих гласных звуков, 7 дифтонгов. Таким образом, фонологические системы разновидностей швейцарско-немецкого диалекта могут включать в свой состав разное количество фонем [Siebenhaar, Wyler, 1997].

В нормированном швейцарском произношении все краткие гласные открытые, а все долгие гласные закрытые, например, *Riss* – трещина, *цель* – *Riese* – великан. В швейцарско-немецком диалекте краткие гласные звуки могут быть закрытыми, а долгие гласные звуки открытыми, например, *gigele* (нем. *kichern* – хихикать) произносится с кратким закрытым звуком /ɪ/.

Как отмечалось выше, в швейцарском национальном варианте немецкого языка необходимо стараться не употреблять слишком открытый долгий гласный звук [æ:], который часто встречается в швейцарско-немецком диалекте, например, в слове *Wätter* – погода [Siebenhaar, Wyler, 1997].

Для швейцарско-немецкого диалекта характерно «округление» гласных звуков, т. е. использование лабиализованных гласных звуков вместо их нелабиализованных аналогов, например, *Brüle* – очки (гер. ст. *Brille*); *wüsche* – вытирать (гер. ст. *wischen*); *öppis* – что-то (гер. ст. *etwas*); *Schwöschter* – сестра (гер. ст. *Schwester*); *nicht* – нет (гер. ст. *nöd*).

В швейцарско-немецком диалекте прослеживается еще одна тенденция – это качественные редукции гласных звуков, например, *Arbet* – работа, *gglinge* – удаваться, *tache* – работать. В швейцарском национальном варианте немецкого языка также обнаруживается подобное явление. Однако стоит заметить, что в швейцарско-немецком диалекте в абстрактных именах существительных, оканчивающихся на *-i* (в швейцарском национальном

варианте такие слова оканчиваются на *-e*), не происходит качественной редукции гласных звуков, например, *Höchi* – высота (швейц. ст. *Höhe*).

Рассматривая использование твердого приступа при произношении гласного звука, стоит подчеркнуть, что для швейцарско-немецкого диалекта так же, как и для швейцарского нормированного произношения, не характерна реализация гласного звука с твердым приступом. В большинстве случаев наблюдается мягкий приступ гласных звуков. Когда в швейцарско-немецком диалекте два гласных звука стоят рядом они произносятся, как правило, как дифтонг или соединяются друг с другом с помощью соединительного элемента *-n*, например, *zu-n-enand* – друг к другу (гер. ст. *zu einander*); *wo-n-i bi* – где я (гер. ст. *wo ich bin*); *Am Aabig* – вечером (гер. ст. *Am 'Abend*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня Швейцария представляет собой регион, служащий в качестве примера языковой ситуации диглоссии. На территории этой страны четыре официальных языка, одним из которых является немецкий язык. Он существует в двух формах: как швейцарский нормированный литературный язык, так называемый швейцарский национальный вариант немецкого языка, и как швейцарско-немецкий диалект. Целью данной статьи было рассмотреть обе вариативности, а также обнаружить схожие черты с немецким языком Германии и выявить различия. На примере некоторых слов можно обнаружить сходство в реализации долготы гласных звуков в германском произносительном стандарте и в швейцарском варианте. Однако всё чаще наблюдаются различия в реализации данного фонологического признака гласных звуков. Так, в швейцарском национальном варианте немецкого языка используются долгие гласные звуки на месте кратких гласных звуков в германском произносительном стандарте и, наоборот, краткое произношение гласных звуков вместо долгого в немецком языке в Германии. Отсутствие твердого приступа гласных звуков в начальной позиции слогов и слов является существенной отличительной чертой между швейцарским национальным вариантом и германским произносительным стандартом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Языки мира: Германские языки. Кельтские языки / [редкол.: Н. Н. Семенюк и др.]. М.: Academia, 2000.
2. Rues B. *Phonetische Transkription des Deutschen*. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co. KG, 2014.
3. Krech E.-M. *Deutsches Aussprachewörterbuch*. Berlin, New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2009.
4. Ammon U. *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten*. Berlin: Walter de Gruyter 1995.

5. Göttert K.-H. Alles außer Hochdeutsch. Ein Streifzug durch unsere Dialekte. Berlin: Ullstein Verlag, 2011.
6. Siebenhaar B., Wyler A. Dialekt und Hochsprache in der deutschsprachigen Schweiz. Zürich: Pro Helvetia, 1997.
7. Wiese R. Phonetik und Phonologie. Paderborn: Wilhelm Fink GmbH & Co. Verlags-KG, 2011.
8. Hove I. Die Aussprache der Standardsprache in der deutschen Schweiz // PHONAI. Texte und Untersuchungen zum Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2012. Bd. 47. S. 3–18.
9. Altmann H., Ziegenhain U. Prüfungswissen. Phonetik, Phonologie und Graphemik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG, 2010.
10. Rausch R., Rausch I. Deutsche Phonetik für Ausländer. München: Langenscheidt, 1998.

REFERENCES

1. Semenjuk, N. N. (ed.), (2004). Yazuki mira: Germanskiye yazuki. Keltskiye yazuki = Languages of the World: Germanic languages. Celtic languages. Moscow: Academia. (In Russ.)
2. Rues, B. (2014). Phonetische Transkription des Deutschen. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co. KG.
3. Krech, E.-M. (2009). Deutsches Aussprachewörterbuch. Berlin, New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
4. Ammon, U. (1995). Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin: Walter de Gruyter.
5. Göttert, K.-H. (2011). Alles außer Hochdeutsch. Ein Streifzug durch unsere Dialekte. Berlin: Ullstein Verlag.
6. Siebenhaar, B., Wyler, A. (1997). Dialekt und Hochsprache in der deutschsprachigen Schweiz. Zürich: Pro Helvetia.
7. Wiese, R. (2011). Phonetik und Phonologie. Paderborn: Wilhelm Fink GmbH & Co. Verlags-KG.
8. Hove, I. (2012). Die Aussprache der Standardsprache in der deutschen Schweiz. In PHONAI. Texte und Untersuchungen zum Deutschen (Bd. 47, S. 3–18). Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
9. Altmann, H., Ziegenhain, U. (2010). Prüfungswissen. Phonetik, Phonologie und Graphemik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG.
10. Rausch, R., Rausch, I. (1998). Deutsche Phonetik für Ausländer. München: Langenscheidt.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соколова Галина Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Зимарин Дмитрий Александрович

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Яковлева Эмма Борисовна

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры Л-4 «Романо-германские языки» факультета лингвистики Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sokolova Galina Alexandrovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German Phonetics, Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Zimarin Dmitry Alexandrovich

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German Phonetics, Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Jakovleva Emma Borisovna

PhD (Philology), Professor, Professor at the Department of Romano-Germanic Languages, Faculty of Linguistics, Bauman Moscow State Technical University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 25.12.2021

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 25.12.2021

Научная статья

УДК 81.34

DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_113

Фонетические параметры когнитивной обработки текстовой информации: чтение вслух на китайском, английском и русском языках

Т. В. Сокорева¹, Т. И. Шевченко²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹t.sokoreva@linguanet.ru

²tatashevchenko@mail.ru

Аннотация. В работе анализируются темпоральные характеристики чтения на трех языках в контролируемом эксперименте последовательного прочтения китайской, английской и русской басен китайскими и русскими обучающимися. Результаты слухового, акустического и статистического анализов выявили значимость последовательного увеличения времени прочтения при переходе от родного к иностранным языкам за счет более дробной, пословной сегментации речевого потока, увеличения количества пауз.

Ключевые слова: темпоральные характеристики чтения, фонация, паузация, китайский (мандаринский) язык, английский язык, русский язык

Для цитирования: Сокорева Т. В., Шевченко Т. И. Фонетические параметры когнитивной обработки текстовой информации: чтение вслух на китайском, английском и русском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 113–118. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_113

Original article

Phonetic Parameters of Cognitive Processing of Text Information: Reading in Chinese, English and Russian

Tatiana V. Sokoreva¹, Tatiana I. Shevchenko²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹t.sokoreva@linguanet.ru

²tatashevchenko@mail.ru

Abstract. The temporal characteristics of reading in three languages in a controlled experiment of sequential reading of Chinese, English and Russian fables by Chinese and Russian students are analyzed. The results of auditory, acoustic and statistical analyses revealed the significance of a consistent increase in reading time during the transition from native to foreign languages due to a word-by-word segmentation of the speech flow and an increase in the number of pauses.

Keywords: temporal characteristics of reading, phonation, pausation, Chinese (Mandarin), English, Russian

For citation: Sokoreva, T. V., Shevchenko, T. I. (2022). Phonetic parameters of cognitive processing of text information: reading in Chinese, English and Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 113–118. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_113

ВВЕДЕНИЕ

Исходными положениями для настоящего исследования послужили следующие экспериментально установленные факты:

- просодия китайского языка представляет собой сложное для когнитивной обработки явление, задействующее левое полушарие для обработки лексических тонов и правое – для выражения эмоциональной, экспрессивной и прагматической функции в речи; кроме того, при этом активируются зоны внимания и оперативной памяти [Gandour, 2007];
- английские и сингапурские ученые установили, что студенты из КНР, проходившие обучение в Сингапуре, по-английски говорят медленно за счет увеличения длительности межпаузальных отрезков речи и длительных незаполненных пауз, что снижает их социальную привлекательность [Chen, Wang, 2018];
- авторы настоящего исследования сопоставили речь студентов из КНР на английском языке с речью молодых американцев, и также нашли замедление всех темпоральных показателей [Сокорева, Шевченко, 2020];
- новый аспект рассмотрения темпоральных характеристик речи на базе китайского и английского материала в исполнении русских и китайских студентов показал нам, что китайцы, действительно, читают медленнее по-английски, чем русские студенты, но в родном языке демонстрируют нормальный и даже быстрый темп. Это дало основание предположить, что дело не в китайской медлительности и не только в сложности китайской просодии, а в когнитивной сложности переключения с одного языка на другой [Сокорева, Шевченко, 2021].

Новый эксперимент должен раскрыть механизмы переключения с одного языка (L1) на другие (L2, L3), типологически значительно отстоящие от родного языка. Русский и английский языки принадлежат к группе интонационных языков с акцентным типом речевого ритма, где относительно равновеликой принято считать длительность акцентных групп. Мандаринский диалект китайского языка является тональным и характеризуется слоговым типом ритма речи, где относительной изохронностью обладают все слоги / морфемы, независимо от степени их выделенности.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель эксперимента состоит в том, чтобы объективно измерить и оценить темпоральные характеристики при смене трех языков, один из которых

является родным (L1) для обучающихся продвинутого уровня обучения, а два других – иностранными языками (L2, L3).

Участники эксперимента: обучающиеся выпускных курсов московских гуманитарных вузов (с точки зрения овладения иностранным языком студенты выпускных курсов остаются обучающимися и на продвинутом этапе обучения), граждане КНР и РФ, свободно владеющие двумя иностранными языками (уровень C) благодаря обучению в вузе по избранной специальности и лингвистическому опыту после пребывания в стране изучаемого языка, переводческому опыту или преподаванию избранного языка специальности.

Материалом для исследования послужили записи чтения басен десятью китайскими и десятью русскими обучающимися на трех языках (мандаринском китайском, английском и русском). Анализируемый корпус записей содержит 60 речевых образцов, общее время звучания которых составляет три часа 18 минут. Образцы речи участников эксперимента записаны в одну сессию со строгой последовательностью языков – сначала чтение басни на мандаринском языке, затем на английском и в завершение – на русском языке.

Национальная специфика сегментации дискурса установлена методом слухового анализа, в ходе которого аннотированы ударения и паузы как границы акцентных групп (АГ) и синтагм, также были определены границы и количество слогов в трех текстах.

Акустический анализ с помощью программы Praat [Godfrey, Holliman, McDaniel, 1992] дал следующие данные: количество и длительность пауз в каждом тексте, совокупная длительность пауз по отношению ко времени фонации.

Сопоставительный статистический анализ (однофакторный дисперсионный анализ Anova) по трем языкам помог выявить значимые отличия анализируемых темпоральных параметров речи в чтении.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Количество синтагм, акцентных групп, слогов

Сопоставление результатов перцептивного слухового анализа, заключающегося в измерении количества пауз и ударных слогов с определением количества синтагм и акцентных групп в каждом речевом образце, выявило следующие особенности ритмической организации для каждого из исследуемых языков, использованных носителями (см. табл. 1): в мандаринском языке наблюдаются самые длинные по составу синтагмы и

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В ТРЕХ ИССЛЕДУЕМЫХ ТЕКСТАХ

	Китайцы			Русские			Англичане
	Мандар.	Англ.	Русск.	Мандар.	Англ.	Русск.	Англ.
Кол-во синтагм	68	72	114	72	63	100	89
Кол-во АГ	133	231	251	181	194	235	186
Кол-во слогов	504	367	660	504	367	660	367
Сред. кол-во слогов в АГ	3,8	1,6	2,6	2,8	1,9	2,8	2
Сред. кол-во АГ в синтагме	2	3,2	2,2	2,5	3,1	2,4	2,1
Сред. кол-во слогов в синтагме	7,4	5,1	5,8	7	5,8	6,6	4,1

акцентные группы, в английском языке (данные для речи носителя английского языка взяты из работы Т. И. Шевченко [Шевченко, 1990]) акцентные группы более короткие и компактные, в то время как в русском языке структурная характеристика данных речевых единиц занимает промежуточное положение относительно показателей в мандаринском и английском языках.

Сравнивая чтение китайских и русских обучающихся на английском языке с показателями носителя, необходимо отметить использование более длинных синтагм с большим количеством акцентных групп как китайскими, так и русскими студентами, причем в чтении китайцев также наблюдается наименьшее количество слогов в акцентной группе.

Как для русских, так и для китайских участников эксперимента характерно замедление чтения на L2 (английском) и L3 (мандаринском и русском языках, соответственно):

- у русских обучающихся: при переходе на L2 за счет увеличения общего количества АГ и среднего количества АГ и слогов в синтагме; при переходе на L3 за счет увеличения общего количества синтагм с большим количеством АГ внутри и увеличением общего количества АГ, которые становятся короче по составу;

- у китайских обучающихся: при переходе на L2 за счет увеличения общего количества АГ и удлинения синтагм, состоящих из большего количества АГ и слогов; при переходе на L3 за счет увеличения общего количества синтагм и АГ, при котором наблюдается уменьшение среднего количества слогов в АГ и АГ в синтагме.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ

Темпоральные характеристики чтения на трех языках были выявлены также с помощью электронно-акустического анализа материала на основании определения общей длительности чтения каждого из текстов, длительности фонации, совокупной длительности пауз, средней длительности пауз и количества пауз в каждом из речевых образцов.

Определение длительности чтения каждого из анализируемых текстов обнаружило наличие противоположных тенденций у китайских и русских испытуемых (см. рис. 1). По ходу переключения с мандаринского на английский язык и с английского на русский язык темп речи китайских обучающихся значительно замедляется ($F = 92,023$; $p < ,000$). Последующее сопоставление каждой пары языков также выявило значимые отличия

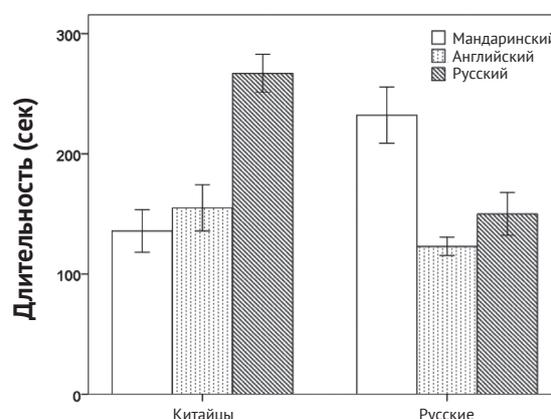

Рис. 1. Длительность чтения басен на трех языках китайскими и русскими обучающимися

между ними по параметру длительности (мандаринский vs английский, $p < ,05$; мандаринский vs русский, $p < ,000$; английский vs русский, $p < ,000$).

Русские обучающиеся при чтении той же последовательности текстов, наоборот, ускоряются ($F = 60,829$; $p < ,000$). Однако при попарном сопоставлении было установлено, что существенный контраст по длительности наблюдается только между мандаринским и английским и мандаринским и русским языками ($p < ,000$), разница в длительности чтения на русском и английском языках оказалась незначимой.

В ходе последующего анализа были установлены значения совокупных длительностей пауз в чтении на трех языках у обеих групп участников исследования (см. рис. 2). Статистический анализ показал, что и у китайцев, и у русских значения данного показателя значительно отличаются при сравнении трех используемых для чтения языков ($F = 24,945$; $p < ,000$ и $F = 46,050$; $p < ,000$ соответственно). У китайских обучающихся выявлен яркий контраст по длительности пауз между чтением на родном и русском, а также между русским и английским. При сопоставлении совокупной длительности пауз в чтении на родном и английском языках разница в значениях данного параметра не обнаружена.

У русских обучающихся выявлен яркий контраст по длительности пауз между родным и мандаринским, а также между мандаринским и английским парами языков. При сопоставлении совокупной длительности пауз в чтении на родном и английском языках разница в значениях данного параметра также не обнаружена.

Вычисление длительности фонации и длительности пауз в каждом речевом образце позволило найти соотношение данных параметров и установить следующие тенденции (см. рис. 3): увеличение доли пауз в речи по мере чтения заданной последовательности текстов у китайских участников эксперимента; уменьшение доли пауз в речи у русских говорящих при чтении материала в той же последовательности. Однако статистический анализ показал значимость изменения данного параметра по трем языкам только для группы русских студентов ($F = 7,113$; $p < ,01$) с наибольшим контрастом между мандаринским и русским языками ($p < ,01$). Значения статистического анализа параметра «фонация : паузация» для чтения на трех языках китайских студентов можно рассматривать лишь как подтверждение возможной тенденции к увеличению доли пауз в речи.

Значительное уменьшение средней длительности пауз в результате перехода с одного языка на другой было установлено в речи русских

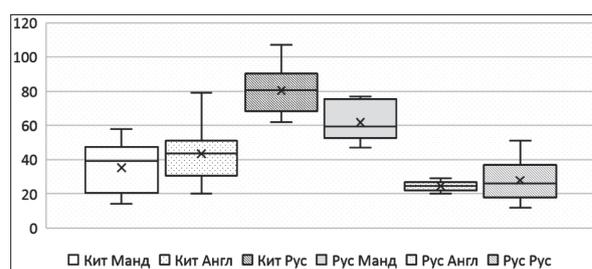

Рис. 2. Совокупная длительность пауз (сек) в чтении басен на трех языках китайскими и русскими обучающимися

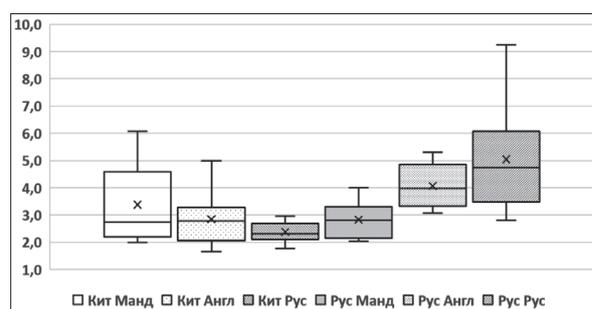

Рис. 3. Доля длительности фонации к длительности паузации в чтении басен на трех языках китайскими и русскими обучающимися

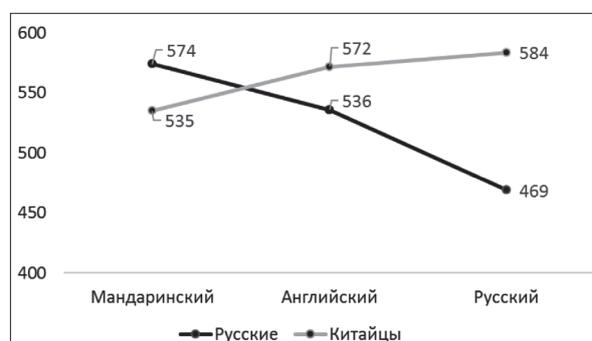

Рис. 4. Средняя длительность пауз в чтении басен на трех языках китайскими и русскими обучающимися

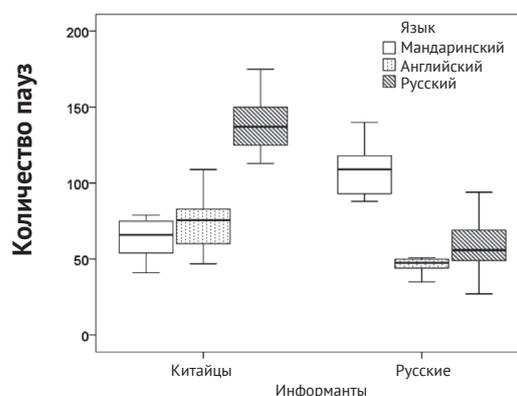

Рис. 5. Количество пауз в чтении басен на трех языках китайскими и русскими обучающимися

говорящих ($p < ,000$). Предполагаемое увеличение средней длительности пауз в речи китайских обучающихся статистически не подтвердилось (см. рис. 4).

Значительное изменение количества пауз в чтении на трех языках было обнаружено в речи как китайских, так и русских обучающихся ($F = 57,795$; $p < ,000$ и $F = 49,281$; $p < ,000$ соответственно). Попарное сопоставление языков в каждой из групп участников эксперимента подтвердило следующее (см. рис. 5):

- в речи китайских студентов количество пауз значительно больше в чтении на русском языке по сравнению с родным мандаринским ($p < ,000$) и с английским ($p < ,000$) языками, в то же время количество пауз в чтении на мандаринском и английском языках значительно не различается ($p = ,451$).
- в речи русских студентов количество пауз значительно больше в чтении на мандаринском языке по сравнению с родным русским ($p < ,000$) и с английским ($p < ,000$) языками, в то же время количество пауз в чтении на русском и английском языках значительно не различается ($p = ,216$).

Сравнение чтения двух групп испытуемых на трех языках показало, что наибольшую сложность в отношении количества пауз для китайских говорящих вызывает чтение на русском языке, а для русских обучающихся – чтение на мандаринском языке. Количество пауз в чтении на английском языке оказалось схожим с таким же показателем в родных языках говорящих.

Таким образом, проанализировав темпоральные характеристики чтения на трех различных языках у китайских и русских обучающихся, можно утверждать, что замедление темпа в чтении обеих групп участников эксперимента подтверждается сегментацией звучащей речи на более короткие синтагмы и более короткие акцентные группы, граничащие с более длительными и многочисленными паузами, что свидетельствует о замедлении обработки текстовой информации и производства

речи при чтении вслух на иностранных для говорящего языках и в первую очередь на иностранном языке, типологически отличающемся от родного языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты показали, что смена трех языков в течение одной сессии (около 10 мин без перерыва) и чтение вслух (под запись) представляет собой значительную когнитивную задачу для испытуемых, требующую смены синтаксических и просодических средств сегментации дискурса, характерных для каждого языка. В таких условиях происходит замедление процесса обработки лингвистической информации, которое проявляется в пословной, а не посинтагменной обработке речевых единиц, вызывающих появление большого количества дополнительных пауз между словами в иностранном языке, увеличении совокупного времени паузальных вставок относительно времени фонации. Для носителей русского языка лексические тоны представляются как обособленные единицы, лишенные тональной слитности (когезии), которой владеют китайские носители языка. В русском языке китайские обучающиеся продвинутого уровня обучения не успевают отразить просодическое единство семантико-синтагматического плана – синтагму, нанизывая слова, добавляя избыточное количество акцентированных слов, разделенных паузами.

Педагогический эффект увеличения слитности и беглости речи на иностранном языке, включая чтение вслух, можно проследить на примере обучения просодии дискурса в английском языке, опыт которого обобщен в учебных пособиях кафедры фонетики английского языка [Бурая, Галочкина, 2014; Медведева, Скопинцева, Степкина, 2005; Карташевская, Демина, Медведева, 2017]. В обучении китайскому языку, однако, главенствует практика заучивания списков отдельных слов, которую рекомендуется сочетать с разговорной практикой произнесения слитных словосочетаний и фраз, частотных в современном дискурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gandour J. T. Neural substrates underlying the perception of linguistic prosody // *Tones and Tunes*. New York: Mouton de Gruyter, 2007. Vol. 2: Experimental Studies in Word and Sentence Prosody. P. 3–25.
2. Chen H. C., Wang Q. The Effects of Chinese Learners' English Acoustic-prosodic Patterns on Listeners' Attitudinal Judgements // *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*. 2018. Vol. 22, № 2. P. 91–108.
3. Сокорева Т. В., Шевченко Т. И. Английский язык с китайским акцентом: сегментные и сверхсегментные черты // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2020. Вып. 1 (830). С. 178–189.

4. Сокорева Т. В., Шевченко Т. И. Скорость артикуляции в чтении на китайском и английском языках: переключение кодов в академическом билингвизме // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 1 (843). С. 151–161.
5. Godfrey J., Holliman E., McDaniel J. SWITCHBOARD: Telephone speech corpus for research and development. ICASSP'92. 1992. URL: <https://catalog.ldc.upenn.edu/LDC97S62>
6. Шевченко Т. И. Социальная дифференциация английского произношения. М.: Высшая школа, 1990.
7. Бурая Е. А., Галочкина И. Е. Английская речевая интонация: функциональный и социокультурный аспекты. Книга для студента. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014.
8. Медведева Т. В., Скопинцева Т. С., Степкина И. Ю. Коммуникативная фонетика английского языка (для студентов старших курсов). М.: МГЛУ, 2005.
9. Карташевская Ю. В., Демина М. А., Медведева Т. В. Culturally speaking: communication across cultures. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017.

REFERENCES

1. Gandour, J. T. (2007). Neural substrates underlying the perception of linguistic prosody. *Tones and Tunes* (vol. 2: Experimental studies in word and sentence prosody, pp. 3–25). New York: Mouton de Gruyter.
2. Chen, H. C., Wang, Q. (2018). The effects of Chinese learners' English acoustic-prosodic patterns on listeners' attitudinal judgements. *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, 22(2), 91–108.
3. Sokoreva, T. V., Shevchenko, T. I. (2020). English with Chinese accent: segmental and suprasegmental features. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(830), 178–189. (In Russ.)
4. Sokoreva, T. V., Shevchenko, T. I. (2021). Articulation rate in reading in Chinese and English: code-switching in academic bilingualism. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(843), 151–161. (In Russ.)
5. Godfrey J., Holliman E., McDaniel J. (1992). SWITCHBOARD: Telephone speech corpus for research and development. ICASSP'92. <https://catalog.ldc.upenn.edu/LDC97S62>
6. Shevchenko, T. I. (1990). Social'naja differenciacija anglijskogo proiznoshenija = Social differentiation of English pronunciation. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)
7. Buraya, E. A., Galochkina, I. E. (2014). Anglijskaya rechevaya intonaciya: funkcional'nyj i sociokul'turnyj aspekty = English speech intonation: functional and socio-cultural aspects. Student's book. Moscow: MSLU. (In Russ.)
8. Medvedeva, T. V., Skopintseva, T. S., Stepkina, I. Yu. (2005). Kommunikativnaya fonetika anglijskogo yazyka (dlya studentov starshih kursov) = Communicative phonetics of English (for senior students). Moscow: MSLU. (In Russ.)
9. Kartashevskaya, Yu. V., Demina, M. A., Medvedeva, T. V. (2017). Culturally speaking: communication across cultures. Moscow: MSLU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сокорева Татьяна Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

Шевченко Татьяна Ивановна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sokoreva Tatyana Viktorovna

PhD (Philology), Assistant Professor of the Department of English Phonetics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Shevchenko Tatyana Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor, Professor of the Department of English Phonetics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 25.12.2021

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 25.12.2021

Корпусный анализ поворотов головы в мультимодальном дискурсе

Н. В. Сухова

*Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»
suhova.nv@misis.ru*

Аннотация. В статье представлены формальный, функциональный и прагматический подходы к исследованию поворотов головы в дискурсе. Показано, что физическая форма движения определяет его прагматику, функциональный потенциал (коммуникативную роль в дискурсе) и способы его аннотирования. Цель данной статьи – описать формальный подход к кинетической структуре поворотов головы и предложить их полный список, описать роль поворотов головы в качестве смены позы и проанализировать их взаимодействие с мануальными движениями. Работа выполнена на материале русскоязычного мультимодального корпуса «Рассказы и разговоры о грушах».

Ключевые слова: движения головы, повороты головы, смена позы, мануальные движения, цефалический канал

Для цитирования: Сухова Н. В. Корпусный анализ поворотов головы в мультимодальном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 119–127. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_119

Original article

Corpus Analysis of Head Turns in Multimodal Discourse

Natalya V. Sukhova

*National University of Science and Technology 'MISIS', Moscow, Russia
suhova.nv@misis.ru*

Abstract. The paper discusses formal, functional and pragmatic approaches to study head turns in the discourse. The work shows that the physical form of a move determines its pragmatics, functional potential (communicative role in the discourse) and the ways it is annotated. The paper aims at the formal analysis of the turns kinetic structure and provides their full inventory, at the description of their role as a posture change and at the explanation of their concomitance with the manual movements. The study is done on the material from multimodal “Russian Pear Chats and Stories” corpus.

Keywords: head movements, head turns, posture change, manual movements, cephalic channel

For citation: Sukhova, N. V. (2022). Corpu analysis of head turn in multimodal discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 119–127. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_119

INTRODUCTION

The diversity of communication modes undergoes a very deep analysis in multitude of studies nowadays. Assuming a broader perspective, there are works devoted to speech production and gesture production which look at the joint or separate source of origin for these two modalities (see [Fritz et al., 2019; Goldin-Meadow, 2018]).

The studies on gestural components of multimodal communication vary a lot from some general explorations into it (*cf.* [Language and gesture, 2000; Body – Language – Communication, 2013; From gesture in conversation to visible action as utterance, 2014] to more specific ones which mostly entail investigations on kinetic activity of hands (see [Beattie, 2016; Litvinenko, Nikolaeva, Kibrik, 2017]).

Cephalic movements (or head movements) have not been widely addressed so far except for nods, tilts, shakes or wags (*see* [Pederson, 2014; McClave, 2000; Calbris, 2008]) from the formal point of view as well as the functional one (*see* [Hadar, Steiner, Clifford, 1985; Kousidis et al., 2013]). Despite the uni-directed focus of these studies to negation and affirmation, recent years have seen an increase in research considering such functions as back-channel, feedback, as markers of syntactic boundaries within the utterance; as markers of turn-takings; as rhythmic means of speech organization, etc. (*see* [Grishina, 2017]).

This paper discusses the broader categorization of cephalic movements in the discourse. Head movements are studied on the corpus resource called “Russian Pear Chats and Stories” (for more information see www.multidiscourse.ru). The material is an 18-minute video of one recording session (Pears22N¹). Narrator is a Russian-speaking 24-year-old young woman. For more details on the settings and the material see Sections 3-4.

Within our corpus project we adopt a formal and functional approach to defining boundaries in the whole repertoire of kinetic behaviour (*e.g.* see annotation of manual gestures [Litvinenko, Nikolaeva, Kibrik, 2017]). The idea is to approach the kinetic units (movements) formally: i.e. how the annotator sees their motor / kinetic form in a mute video.

CEPHALIC MOVEMENTS PHYSIOLOGY

The head movements are quite complex as they are produced by a diverse net of muscles. The fact that

¹ This is the way the material is registered in the project: Pears means this corpus, 22 stands for the number of the recording session and N stands for Narrator.

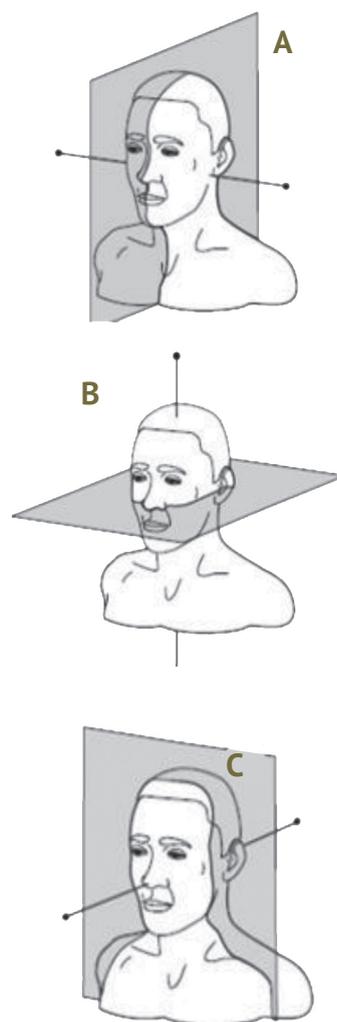

Fig. 1. The head position around three axes and in three planes: where **A** – mediolateral axis and a sagittal plane; **B** – vertical axis in the horizontal plane; **C** – anteroposterior axis in the frontal plane

those muscles are always active brings difficulty to the annotator. Having intuitively agreed that the head movement is a visible movement of the neck or head itself, we can face the situation when the head is actually moving all the time. To have a solid ground to annotate the head movements and thus extract them from the kinetic flow we have determined a definite set of characteristics. The head is able to move across three planes and along three axes (*Fig. 1*)².

- 1) around mediolateral axis (imaginary line *right ear-nose-left ear*) in a sagittal plane. For example, **TiltLeft**³ (picture **A**);

² Adapted from [Multimodal Annotation Guidelines, 2015].

³ Hereafter we use bold type and tag meaning to exemplify the discussion. About tags see below (Table 1).

Fig. 2. An example of a head movement TiltRight (Pears22N)

- 2) around the vertical axis (imaginary line *forehead-nose-chin*) in the horizontal plane. For example, a **TurnRepeated** (picture **B**);
- 3) around anteroposterior axis (imaginary line *nose-nape / back of the neck*) in the frontal plane. For example, **Backwards** (picture **C**).

The basis of mark-up consists of the sequence of head movements and periods of stillness that appear between these movements.

SINGLE AND SIMULTANEOUS CEPHALIC MOVEMENTS. TAGGING

Head movements are given meaningful tags, which describe their physical characteristics (see *Table 1*). These characteristics cover a list of tags. Tags describe the movements in a sort of a 3D fashion exactly as we can observe movement's physical characteristics, e.g. head moves upwards (**Up**); head moves backward (**Backward**) or there is a tilt to the right (**TiltRight**, *Fig. 2*).

Table 1

TAGS ASCRIBED TO HEAD MOVEMENTS

Tag	Description
Down	Downward head move
Up	Upward head move
Forward	Move of the head forwards
Backward	Move of the head backwards
TiltRight	Move of the head leaning on the right side
TiltLeft	Move of the head leaning on the left side
TurnRight	Move of the head turning on the right side
TurnLeft	Move of the head turning on the left side
Straighten	Head is straightened (<i>about Straighten see below in more details</i>)
Slide	Displacement of the head from side to side
Rock	Head leans from side to side in a single continuous movement
Rotation	Head makes a circular movement; this need not be a complete circle, it may be a part of an arc
TurnRepeated	Head turns from side to side (<i>cf.: shake</i>)
Other	It is difficult to describe the movement

Fig. 3. The design and settings of the shooting session (2017) to collect the recorded material (courtesy of O. V. Fedorova)

We have conducted an empirical study on the occurrence of single, simultaneous and compound head movements. *Single* cephalic movement is a movement which is independent from other movements of head and can be related to any explanatory tag, e.g. **Down**. *Simultaneous* cephalic movement is not formed by a 'combination', but rather an inseparable unity of usually two and, less commonly, three movements, which is found within the nomenclature of *single* movements, for example, downwards and tilting left (**Down + TiltLeft**¹), i.e. this downward movement is simultaneously accompanied by tilting the head to the left. It is worth noting that the first element in this 'equation' indicates that this movement is marked. The markedness can be described in terms of such characteristics as velocity (slow, average, fast); amplitude (maximum, average, minimal) and intensity (prominent / strong, average, weak). Further, we mark the instances like **Down + TurnLeft** as *Before Turn* and cases such as **TurnRight + Up** as *After Turn*, which indicate the position of **Turn** movement in a *simultaneous* movement. We have also tested the occurrence of a compound cephalic movement (as suggested by some studies, see [Multimodal annotation guidelines, 2015]). *Compound* cephalic movements are those movements that go together in a consecutive mode, building a combination of usually two and, less

¹ The sign plus (+) describes *simultaneous* movements in our annotation.

commonly, three gestures, for example upwards and backwards (**UpBackward**), i.e. backward movement follows upward movement. Our study has shown that it is generally possible to separate the first and the second movements and make them both *single*. The main criterion to distinguish between a *single* movement and a movement which is a part of a *compound* two-movement unity is their duration. A *single* movement should last for a minimum of 200 ms. If the movement is shorter than it becomes a part of a *compound* set.

In the majority of cases *single* and *simultaneous* types are sufficient enough to decipher and annotate what we see as a head movement.

CEPHALIC TURNS: THEIR FORMAL DESCRIPTION

In the present study with the framework of our corpus we have decided to start examining the cephalic channel from the family of **Turns**. The **Turns** family in our cases is an umbrella term for representing all *single* and all *simultaneous* movements where there is a turn of head. Thus, they are: **TurnLeft**, **TurnRight**, **TurnRepeated** and all their *simultaneous* derivatives, like **TurnLeft + Up** (that means that while turning left a head also lifts up) or **Down + TurnRight** (that means that the head goes down and at the same time turns to the right). Hypothetically, we can have all combinations (see *Table 1*) of *single* movements and **Turn** family in progressive or regressive fashions,

i.e. **Turn** goes as the first (as a marked movement) or the second (as a concomitant second-marked movement) movement.

Firstly, we tackle the **form** of the head movements which we call '**Turn**'. The form of the kinetic movement is described along the planes and axes the head moves (see Fig. 1 above). Here we have a *starting*¹ position and the *maximally* possible position of the head in different planes. These two positions are the key to understand the boundaries and essential kinetic characteristics of a head movement.

The *starting* position can be illustrated in the following way: the head is straight and the straight line goes along the line *head-neck-chest-pelvis-legs*. In case when the head moves to this position we speak about **Straighten**. Regardless of the previous movement, posture and so on, the communicant will go back to this very position as it seems to be quite physiological. Now in our current annotation scheme we do not indicate the direction from where the head is straightened. That means that if the head was in the position **TurnLeft** and it goes back we tag the movement **Straighten**, the same is true about **TurnRight**, **TiltRight** / **TiltLeft**.

The finding that a starting point is not necessarily a neutral point of a head is complimented by the fact that body can be positioned in other way than directly towards the camera. The settings, where the material was recorded, suggest 3 main participants (see Fig. 3). Narrator looks to the left (turns left) as this is the place where Commentator is located. Commentator has seen the film, too, and should talk, commenting on what Narrator has said after the Narrator has finished his part. Both of them straighten their head / body positions as they both address the Reteller who is in front of them.

In other words, what we have witnessed in our settings is that Narrator and Commentator are sitting half-turned to each other. However, if we proceed and imagine the line *head-neck-chest-pelvis-legs* than it will be the starting point, where the head tends to return. That is why we distinguish between **Turns** and **Straighten**.

Besides the starting point, we identify the maximally physically possible point on the kinetic continuum where head can go in any particular direction. This point is called *maximal*. For example, as for **TurnRight** in the sagittal plane it would be the point of 90 degrees to the right.

¹ The concept of a neutral position, i.e. the position where the head returns at some period of time, can be a synonym here, though sometimes head's neutral position is quite different from what we term as a starting position.

Thus, the freedom to move within sagittal plane is 180 degrees. If the head moves from the maximal point – head turned to 90 degrees to the right – to maximal point of 90 degrees to the left going through a starting point then this movement would be tagged as **Rotation**, even if the arc is not full. Moreover, we can presuppose that there can be a movement similar to this one but with a backward direction – it would also get a tag **Rotation**. Intuitively, it seems that this movement would be quite rare, and it definitely has never occurred in the analyzed material.

The same logic can be applied in other planes and across axes. These potential *starting* and *maximal* positions would enrich the picture of kinetic / motor abilities of head.

CURRENT RESEARCH MATERIAL

Here we present the analysis of cephalic **Turns**. This study aims to examine: 1) the formal structure of cephalic movement family **Turns**; 2) **Turns** as a posture change; 3) how **Turns** are concomitant with hand movements.

Among all the head movements, **Turns** family has been picked and analyzed.

Head movements were annotated according to the principles outlined above with 3D descriptive tagging. The annotation was done in ELAN programme [ELAN, 2021]. The annotation went on a mute video file. We assume that kinetic channel should be approached separately from the vocal channel on the first stage of a formal analysis. The video frame is 10 ms.

CEPHALIC TURNS: FORM

The formal approach towards **Turns** has shown that the most numerous group of **Turns** is **Straighten** (37% of all **Turns**). Then **TurnLeft** follows with 33% of all **Turns**. It can be explained by the settings, as we have already mentioned, when the Narrator has to turn left in order to see the Commentator. The third largest group is comprised by **TurnRepeated** movements (see Table 2).

All head movements in the episode under discussion is 470 cases, among those 138 are **Turns**, that is 29% of all cases. Among **Turns** there are 83% of *single* movements and 17% are *simultaneous* ones (see Table 3). It should be underlined here that the movement **TurnRepeated** in this study has been considered as a *single* movement. There might be a plausible explanation to this. **TurnRepeated** movement is a set of movements **TurnRight** and **TurnLeft** which are definitely different from real *single* movements with the same names due to it

intrinsic meaning – *to shake one's head*. However, we cannot but agree that they are turns in their form. Thus, we include them formally in a **Turn** family and separate them from the analysis of pure **Turns**.

CEPHALIC TURNS: FUNCTION

At the first, basic level the following general kinetic units are annotated for the head: these are movements which are described with the help of tags according to formal physical principles (see Section 2). Then these movements are classified according to their basic functions: gestures, adaptors, or cephalic posture changes.

1. *Gestures* are considerably meaningful movements which are performed with a

particular communicative goal. They are connected with speech production and speech perception (for example, *nodding*).

2. *Adaptors* are meaningful movements which are not connected with speech and have a certain practical goal (for example, *moving one's head to fix one's hair*).
3. *Posture changes* are the movements the main goal of which is to move head from one neutral position to another that would differ considerably in one of the axes with certain fixation in this position for some perceivable time.

Turns comprise 29% of all cephalic movements and out of them there are 12% those which cause the posture change (see Table 4).

Table 2

DISTRIBUTION OF TURN MOVEMENTS IN PEARS22N

Turns (tags)	Total number of Turns (cases)	Single Turns (cases)	Simultaneous Turns (cases)		Total number of Turns (%)
			Before Turns	After Turns	
TurnLeft	46	37	4	5	33
TurnRight	15	11	3	1	11
TurnRepeated	26	25	0	1	19
Straighten	51	41	6	4	37
Total	138	114	13	11	100

Table 3

THE COMPOSITION OF TURN MOVEMENTS IN PEARS22N

Turns	Number of cases	%
Total number of Turns	138	100
Total number of <i>single Turns</i> (TurnRepeated are included)	114	83
Total number of <i>simultaneous Turns</i>	24	17

Table 4

DISTRIBUTION OF TURNS AS POSTURE CHANGE IN PEARS22N

Cephalic movements	Number of cephalic movements (cases)	Number of cephalic movements (%)
Cephalic movements (all)	470	100
Turns and their derivatives (TurnRepeated are included)	138	29
Turns and their derivatives (posture changes)	55	12

Table 5

THE INTERRELATION BETWEEN TURN TYPES AND MANUAL MOVEMENTS

Turn types	Number of cases	Number of Turns concomitant with manual movements (cases)	Number of Turns concomitant with manual movements (%)
Total	138	81	59
Single Turns	114	65	57
Simultaneous Turns	23	16	67

CEPHALIC TURNS: CONCOMITANCE WITH MANUAL MOVEMENTS

We have also looked at the interchannel relations between cephalic and manual movements. The manual movements of both hands have been interrelated with Turns in a broad sense. The cephalic activity generally prevails over manual in our material video. There were 81 manual movements which correspond to 138 cephalic Turn movements (see Table 5). In other words, 59% of Turns are concomitant with manual movements.

GENERAL DISCUSSION AND CONCLUSION

This study investigated the kinetic form of cephalic Turns and how we can approach the boundaries of the movements we see in the communication both as a viewer and as a communicant. The method of 3D tagging has proved to be quite sufficient and reliable. The tag scheme suggests that the head movement can be described along three spatial axes and within three spatial planes. We can also trace the changes in the movement characteristics (velocity, amplitude and intensity).

Thus, cephalic Turns can be described as TurnLeft, TurnRight, TurnRepeated and Straighten. Those movements may be of two types: single and simultaneous. Single turn movements are one-vector movements, like TurnRight, TurnLeft or Starighten. TurnRepeated is a complex movement (one or more movements to the right and to the left) which is also viewed as a single movement due to its inherent meaning – to shake one’s head. Simultaneous movements consist of one of Turn family movement and some other cephalic movement which can either precede Turn or follow it in space and time, which is reflected in the tagging. The order of the movements in the tag would imply its kinetic markedness: the most prominent movement would go first.

We have also examined the cephalic posture changes and the role of Turns in them. The notion of posture within a kinetic channel is justified by the fact that there are neutral positions of the body part or the whole body and there are some local and marked positions of them. Intuitively, Turns are those movements which change the cephalic posture. However, the survey has showed that only 12% of Turns change the posture.

One more focus of our study was to see the interchannel correlation between cephalic Turns and manual movements. The formal and functional approach we advocate in our project made the comparison of two different communication channels possible and feasible. We have chosen one level of parameters – movements – to be compared. The whole idea was to see any correspondence between hands and head movements in contrast to periods of stillness in both channels. The well-elaborated manual scheme and ELAN [ELAN, 2021] annotations allowed a refined comparison. Hence, we looked at movements of hands which could be gestures, adaptors or manual posture changes and we correlated them to cephalic movements which also could be gestures, adaptors or cephalic posture changes. Only Turns were examined here. The results have shown that the cephalic activity prevails over manual. Turns are concomitant with manual activity in 59% of cases of all cephalic activity. Further research is needed as to the explanation of this relation. However, by now it can be hypothesized that Turns are quite prominent movements; they can change posture in 12% of cases of all cephalic movements and while changing the posture it can be so that the communicant is either take-turning in speech or keeping silent just looking at his interlocutor. Hence, his manual activity slows down.

Thus, the further research can be suggested as into the other types of cephalic activity and more precise categorization of other cephalic movements and Turns.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fritz I. et al. Information packaging in speech shapes information packaging in gesture: the role of speech planning units in the coordination of speech-gesture production / I. Fritz, S. Kita, J. Littlemore, A. Krott // *Journal of Memory and Language*. 2019. Vol. 104. P. 56–69.
2. Goldin-Meadow S. Taking a hands-on approach to learning // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. 2018. P. 1–8.
3. *Language and gesture (Language Culture and Cognition)* / ed. by D. McNeill. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2000.
4. Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S., McNeill D., Teßendorf S. (Eds.) *Body – Language – Communication. An international handbook on multimodality in human interaction*. Berlin: de Gruyter Mouton, 2013.
5. *From gesture in conversation to visible action as utterance: Essays in Honor of Adam Kendon* / ed. by M. Seyfeddinipur, M. Gullberg. Philadelphia, PA: John Benjamins, 2014.
6. Beattie G. *Rethinking body language. How hand movements reveal hidden thoughts*. London, New York: Routledge, 2016.
7. Литвиненко А. О., Николаева Ю. В., Кибрик А. А. Аннотирование русских мануальных жестов: теоретические и практические вопросы // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам Ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017)*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2017. Вып. 16(23), Т. 2. С. 255–268.
8. Pederson E. Listener head gestures and the co-construction of narrative timing. *International Society for Gesture Studies VI*. July 8–11. San Diego, California. ISGS6 Abstract, 2014. P. 67–68.
9. McClave E. Linguistic functions of head movements in the context of speech. *Journal of Pragmatics*. 2014. Vol. 32, № 7. P. 855–878.
10. Calbris G. La tête de Nicolas Sarkozy, ou les fonctions des gestes de la tête durant l'énonciation. *Mots. Le langage de politique*. 2008. Vol. 86. P. 98–118.
11. Hadar U., Steiner T. J., Clifford F. Head movement during listening turns in conversation // *Journal of Nonverbal Behavior*. 1985. Vol. 9. P. 214–228.
12. Kousidis S. et al. (2013). Exploring annotations of head gesture forms in spontaneous human interaction / S. Kousidis, Z. Malisz, P. Wagner, D. Schlangen. In: *TiGER 2013, Tilburg Gesture Research Meeting*.
13. Гришина Е. А. *Русская жестикация с лингвистической точки зрения (корпусные исследования)*. М.: Языки славянской культуры, 2017.
14. *Multimodal annotation guidelines. CorpAGEst (2013–2015): A corpus-based multimodal approach to the pragmatic competence of the elderly* / C. Bolly, D. Belin, D. Boutet, J. Kairat, A. Lepeut, A. Safar, A. Thomas. Manual. 2015. Vol. 1.8. P. 23–25.
15. ELAN. Version 6.2. [Computer software]. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics. 2021. Retrieved from <https://archive.mpi.nl/tla/elan>

REFERENCES

1. Fritz, I., Kita, S., Littlemore, J., Krott, A. (2019). Information Packaging in Speech Shapes Information Packaging in Gesture: The Role of Speech Planning Units in the Coordination of Speech-Gesture Production. *Journal of Memory and Language*, 104, 56-69.
2. Goldin-Meadow, S. (2018). Taking a hands-on approach to learning. *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences* (pp. 1–8).
3. McNeill, D. (Ed.) (2000). *Language and Gesture (Language Culture and Cognition)*. Cambridge, England: Cambridge University Press.
4. Müller, C., Cienki, A., Fricke, E., Ladewig, S., McNeill, D., Teßendorf, S. (Eds.) (2013). *Body – Language – Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction*. Berlin: de Gruyter Mouton.
5. Seyfeddinipur, M., Gullberg, M. (Eds.), (2014). *From gesture in conversation to visible action as utterance: Essays in Honor of Adam Kendon*. Philadelphia, PA: John Benjamins.
6. Beattie, G. (2016). *Rethinking body language. How hand movements reveal hidden thoughts*. London, New York: Routledge.
7. Litvinenko, A. O., Nikolaeva, Yu. V., Kibrik, A. A. (2017). *Annotirovanie russkikh manual'nykh zhestov: teoreticheskie i prakticheskie voprosy = Annotation of Russian manual gestures: theoretical and practical issues*. *Komputernaya*

- linguistika i intellectual'nye tehnologii [Computer linguistics and intellectual technologies]. Proceedings of "Dialogue" (Moscow, 31 May – 3 June 2017), 16(23), 2, 255–268. M.: Russian State University for the Humanities. (In Russ.)
8. Pederson, E. (2014). Listener head gestures and the co-construction of narrative timing. *International Society for Gesture Studies VI* (pp. 67–68). July 8–11. San Diego, California. ISGS6 Abstract.
 9. McClave, E. (2000). Linguistic functions of head movements in the context of speech. *Journal of Pragmatics*, 32(7), 855–878.
 10. Calbris, G. (2008). La tête de Nicolas Sarkozy, ou les fonctions des gestes de la tête durant l'énonciation. *Mots. Le langage de politique*, 86, 98–118.
 11. Hadar, U., Steiner, T. J., Clifford, F. (1985). Head movement during listening turns in conversation. *Journal of Nonverbal Behavior*, 9, 214–228.
 12. Kousidis, S., Malisz, Z., Wagner, P., Schlangen, D. (2013). Exploring annotations of head gesture forms in spontaneous human interaction. In: *TiGER 2013, Tilburg Gesture Research Meeting*.
 13. Grishina, E.A. (2017). *Russkaya gestikulyatsia s lingvisticheskoy tochki zrenia (korpusnye issledovaniya) = Russian gesticulation from a linguistic perspective (corpus studies)*. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury. (In Russ.)
 14. Bolly, C., Belin, D., Boutet, D., Kairet, J., Lepeut, A., Safar, A., Thomas, A. (2015). *Multimodal Annotation Guidelines. CorpAGEst (2013–2015): A corpus-based multimodal approach to the pragmatic competence of the elderly. Manual*, 1.8, 23–25.
 15. ELAN (Version 6.2) [Computer software]. (2021). Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics. Retrieved from <https://archive.mpi.nl/tla/elan>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухова Наталья Витальевна

кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой иностранных языков и коммуникативных технологий Института базового образования Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sukhova Natalya Vitalievna

PhD (Philology), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Modern Languages and Communication, College of Basic Studies, National University of Science and Technology 'MISIS'

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 25.12.2021

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 25.12.2021

Научная статья
УДК 81'34
DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_128

Особенности исследования невербальных средств общения в отечественной науке

Н. Б. Цибуля

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
cybnb@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности исследования невербальных средств общения в разных областях отечественной науки. Выделяются наиболее важные концепции и труды, в которых анализируется соотношение различных модусов в речи. Выявляются закономерности и этапы развития научной мысли, обнаруживаются новые направления в изучении мультимодусной корреляции. Подчеркивается вклад, который внесла отечественная наука в разработку исследуемой проблемы.

Ключевые слова: мимика, жесты, интонация, словесное сообщение, лингвистика, психология речи, семиотика

Для цитирования: Цибуля Н. Б. Особенности исследования невербальных средств общения в отечественной науке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 128–134. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_128

Original article

Study of Nonverbal Means of Communication by Russian Scholars

Nadezhda B. Tsibulya

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
cybnb@mail.ru*

Abstract. The article deals with the problem of nonverbal means presented in the works of Russian scholars. Different spheres of research, key concepts and most important works, which display correlation of different modi in speech, are under study. New tendencies and main stages in the development of scholarly approaches are revealed. The author emphasizes valuable contribution of Russian researchers to investigation of the problem.

Keywords: facial expressions, gestures, intonation, verbal message, linguistics, psychology of speech, semiotics

For citation: Tsibulya, N. B. (2022). Study of nonverbal means of communication by Russian scholars. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 128–134. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_128

ВВЕДЕНИЕ

Человеческое общение осуществляется с помощью не только вербальных, но и невербальных средств. **Актуальность** обозначенной темы подтверждается научно доказанными фактами информативной значимости невербальной составляющей в процессе межличностной коммуникации.

В данной статье мы ставим **цель** проанализировать динамику изучения невербальных средств общения в различных областях отечественной науки, начиная с 1920-х годов вплоть до конца XX века. Широкий подход к исследованию данной проблемы и выявленные закономерности развития научных взглядов составляют **новизну** работы.

Проследим этапы в поступательном движении исследовательской мысли в разных областях науки.

РИТОРИКА

В первые годы советской власти ставилась задача научить представителей разных социальных слоев выступать публично. Одним из первых руководств в этой области стал учебник «Уменье говорить публично», вышедший в 1923 году и неоднократно переиздававшийся в течение 1920-х годов. Его автором был А. В. Миртов, известный лингвист, который одним из первых советских ученых обратился к изучению невербального поведения ораторов. Автор рассматривает жесты, мимику, осанку, позы и другие особенности невербалики, характеризующие хорошую, удачную, убедительную речь.

А. В. Миртов также приводит примеры плохих манер, которые надо избегать или искоренять из практики публичных выступлений. Не следует раскачиваться, подниматься на носки, расхаживать вперед-назад, вертеть в руках какой-нибудь предмет, поправлять очки, прическу, застегивать и расстегивать пуговицы пиджака, рассматривать свою руку и т. п.

Автор отмечает, что лектор должен учитывать невербальное поведение и реакцию аудитории для установления с ней контакта и взаимопонимания [Миртов, 1927].

Этот труд, опубликованный впервые почти 100 лет назад и выдержавший много изданий, прекрасно отражает цели риторики на том историческом этапе. Более того, в книге рассматриваются многие аспекты ораторики, которые не устарели до сих пор.

В 1930–1940-е годы преобладает изучение пропагандистской риторики советских политических деятелей. Одновременно издаются книги по античному ораторскому искусству.

В 1950–1960-е годы в СССР выходит большое количество трудов, посвященных истории

ораторского искусства. Наряду с этим в исследовании публичной речи рассматривается аспект невербального поведения лектора. В целом описание роли жестов и мимики находится в соответствии с традицией, заложенной в работе А. В. Миртова.

Начиная с 1960-х годов делаются попытки изучить особенности публичной речи на основе научного анализа жестов. Над данной проблемой работал ряд ученых: З. М. Волоцкая, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, Т. В. Цивьян (1962), Т. М. Николаева, Б. А. Успенский (1966), Т. М. Николаева (1972). Выделяются функции жестов и мимики и их соотношенность с интонацией. Подчеркивается, что выступая перед национальной аудиторией, лектору необходимо учитывать ее особенности, усиливая или ослабляя свою жестикуляцию. Важным аспектом поведения лектора также является его расположение в пространстве аудитории. Неудачно выбранная позиция может снизить воздействие речевых и неречевых средств.

Таким образом, работы советских исследователей 1960–1970-х годов стали важным этапом в изучении жестов, мимики и интонации с точки зрения многих аспектов. Творческое развитие накопленного опыта позволило авторам не только по-новому осветить задачи риторики, но также выявить важное место невербальных средств в человеческой коммуникации в целом.

РЕФЛЕКСОЛОГИЯ В. М. БЕХТЕРЕВА

Выдающийся ученый В. М. Бехтерев, настаивая на объективных методах исследования, ввел в научный обиход такое понятие, как «рефлексология», которая изучает биосоциальную сущность человека с учетом мимики, жестов, голоса и речи, являющихся наиболее надежными в изучении поведения людей.

Совершенствование функций руки в процессе эволюции постепенно привело к расширению возможностей жестикуляции и мимики. Так, например, изменение вида пищи и тонкие операции приготовления еды развивали мышцы рук и пальцев, модифицировали размер и форму ротовой полости, а также мышц лица. Вследствие этого изменились диапазон и характер мимики, что наряду с более разнообразной жестикуляцией и развитием речи способствовало совершенствованию взаимодействия людей.

Анализируя поведение новорожденных, ученый подчеркивает, что они обладают определенными природными реакциями – пищевой доминантой и доминантой положения. Данное утверждение важно с точки зрения того, что проксемные особенности поведения заложены в природе человека

и являются ее неотъемлемой частью. Потребность комфортного расположения в пространстве так же важна, как и потребность в еде.

Различные жесты воспроизводят конкретные реакции организма. Так, манящий жест имитирует движение притягивания к себе предмета, а жест отстранения изображает отталкивание предмета и т.п. Используя жесты пальцев, рук и движения тела, люди обозначают размеры и длину объектов, как то: толщина в два пальца, аршин и пр. [Бехтерев, 1928].

Труды В. М. Бехтерева в дальнейшем оказали значительное влияние на исследование невербалики в психологии и других науках.

АНТРОПОЛОГИЯ

В области антропологии изучается первичный язык, включающий позы, мимику, жесты и активность голосового аппарата. В ходе эволюции наблюдаются следующие процессы: 1) уменьшение обонятельных контактов; 2) расширение зрительного общения (более прогрессивной формы коммуникации), где главную роль играет восприятие мимики и телодвижений партнера; 3) развитие пальцев рук и их участие в выполнении жестов; 4) одновременное использование звуковых сигналов и жестов [Дерягина, 1994].

Таким образом, развитие речевой коммуникации сопровождалось совершенствованием жестов и координации движений, усложнением их функций.

ПСИХОЛОГИЯ

Н. И. Жинкин, известный советский психолог, отмечал важную роль неречевых средств в формировании смысла высказывания. Во время говорения или слушания задействованы отделы коры головного мозга, управляющие не только артикуляцией и слухом, – работает весь организм в целом. Ученый подчеркивает, что в переозначении слова участвуют все средства экспрессии, включающие интонацию, выражение лица, пантомимику, статику и динамику тела говорящего [Жинкин, 1998].

В. А. Лабунская, специалист в области социальной психологии, начиная с 1970-х годов, начала разрабатывать проблему опознания эмоций по выражению лица. Автор предлагает схему описания шести базовых эмоций, каждая из которых характеризуется определенным сочетанием константных мимических признаков, таких как: положение рта и уголков губ; степень открытости глаз и яркость взгляда; положение бровей; наличие и характер складок на лбу и переносице; динамика / статика лица.

Важную роль в общении выполняет поза, которая может создать некий барьер между партнерами или определить их положение относительно друг друга. Рассматривая жесты, автор выделяет плоскости, рычаги и радиус их исполнения. Подчеркивается, что все элементы невербального общения воздействуют на установление коммуникативного расстояния, а зрительная стратегия определяет проксемную ориентацию [Лабунская, 1986].

ЛИНГВИСТИКА

В 1960-е годы в советском языкознании активно обсуждается соотношение лингвистики и паралингвистики, к области которой нередко относят супraseгментные и невербальные средства общения. В 1970-е годы проблема невербальной коммуникации привлекает внимание всё большего числа исследователей. Одним из первых исследований роли жеста в речи явилась работа «Роль жеста в разговорной речи» [Капанадзе, Красильникова, 1970]. Жест, сопровождающий разговорную речь, указывает на непринужденность говорящего, что, по справедливому мнению исследователей, представляет собой необходимое условие продуцирования самой разговорной речи.

Жест заменяет некоторые языковые элементы и делает речь более краткой. Выделяя логическое ударение, он выступает как средство актуального членения предложения. Жест, таким образом, может быть как сегментной, так и супraseгментной единицей. В последнем случае функция жеста аналогична функции интонации, выделяющей важное слово.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

В лингвострановедении начинают исследоваться вопросы межкультурных различий в сфере использования жестов и методы обучения жестовой коммуникации с учетом межкультурной специфики.

Так, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров изучают широкий круг проблем, связанных с национально-культурной спецификой речевого и неречевого поведения. По мнению авторов, важным, с точки зрения методики преподавания жестовой коммуникации, является подразделение жестов на заменяющие вербальное сообщение и сопровождающие речь. Усвоение движений первой группы представляет собой начальный этап изучения коммуникативной системы, а овладение жестами второй группы обеспечивает освобождение от акцента в их употреблении [Верещагин, Костомаров, 1976].

Публикация в 1977 году коллективной монографии «Национально-культурная специфика

речевого поведения» явилась важным событием в советском языкознании. Содержащий исследование не только в области речи, но также в сфере невербального поведения людей в разных культурах, этот труд фактически был первым советским изданием, в котором системно рассматривались проблемы межкультурной коммуникации, хотя сам термин «межкультурная коммуникация» еще не вошел в обиход советской науки.

Данная коллективная монография сыграла значительную роль в дальнейшем изучении различий в сфере культуры и становлении межкультурной коммуникации как области исследования и как академической дисциплины [Национально-культурная специфика речевого поведения, 1977].

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ. ЭВОЛЮЦИЯ ЖЕСТОВ

В 1980-е годы продолжает разрабатываться проблема взаимосвязи языка и мышления. Одним из значимых исследований в этой области явилась монография И. Н. Горелова «Невербальные компоненты коммуникации». Важное место в книге занимает вопрос эволюции жестов и их функций. Эмоциональные жесты и выразительная фонация составили основу общения людей, зародившегося в древности и сохраняющего определенные универсальные черты. Автор также подчеркивает приоритет невербального компонента речи в определении смысла высказывания [Горелов, 1980].

Написанная сорок лет назад, монография И. Н. Горелова представляет значительный интерес и для современных исследователей.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕВЕРБАЛИКИ И РЕЧИ в 1980–1990-х годах

В начале 1980-х годов начинают проводиться исследования невербальных средств общения в области экспериментальной фонетики. Жест и речь изучаются с применением специальных программ, которые разрабатывались, например, в Лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи МГПИИЯ им. Мориса Тореза. Выявляется высокая степень координации артикуляторных движений и жестов [Беликов, 1982] и изучается корреляция жестов, интонации и значения слова [Цибуля, 1984].

В 1990-х годах и на рубеже столетий в области экспериментальной фонетики проводятся исследования, в которых анализируется взаимодействие невербалики и интонации в передаче

эмоций и в обозначении социального статуса коммуникантов. Так, например, в экспликации состояния восторга у англичан и русских основную роль играет мимика. К наиболее типичным речевым способам выражения данной эмоции относятся: высокий нисходящий тон; акцентное выделение качественных прилагательных и наречий; удлинение паузы перед выделенными словами и др. [Грейдина, 1996].

В диссертации Л. В. Верещагиной впервые анализируются особенности просодических и невербальных средств общения в зависимости от социального статуса партнеров по диалогу. Например, для партнера-авторитета характерно давление на коммуниканта более низкого статуса посредством усиления громкости голоса, увеличения скорости и резкости жестов [Верещагина, 2000].

Другим значительным экспериментально-фонетическим исследованием уходящего столетия явилась диссертация Е. Л. Корлыхановой. Автор отмечает универсальность кинесических сигналов, передающих эмоции, благодаря чему выделяются наиболее типичные для каждой эмоции мимика, жесты и позы, коррелирующие с определенными интонационными моделями [Корлыханова, 2000].

Следует отметить важность этих работ с точки зрения полимодального анализа речи. Термины «полимодальность», «мультимодальность» в то время еще не вошли в научный обиход, однако установки и методы исследований того периода способствовали дальнейшему развитию многомодального подхода к изучению речевой коммуникации, утвердившегося в XXI веке.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ И ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ

В начале 1990-х годов возникает лексикографическое направление в изучении невербальных средств в речевом акте. Так, в 1991 году выходит в свет словарь жестов русского языка, не имеющий аналогов в советской лексикографической науке. Авторы исследуют распространенные в русском языке выражения, содержащие описание жестов и мимики, иллюстрируя их примерами из художественной литературы и из записанных образцов разговорной речи [Акишина, Кано, Акишина, 1991].

Научная деятельность авторов словаря положила начало новому направлению в изучении невербалики. Исследователи середины и конца 1990-х годов на основе подробного анализа

примеров из художественной литературы выявляют вербальный и невербальный компоненты общения в семантике языковых единиц, описывающих мимику, жесты и высказывания персонажей.

Эта тема начинает разрабатываться в Ивановском государственном университете под руководством Ф. И. Карташковой. Исследуется роль мимики и жестов, особенно в ситуациях коммуникативной неудачи. Подчеркивается, что в случае неконгруэнтности компонентов сообщения преобладающим в оценке воздействия на реципиента является невербалика [Вансяцкая, 1999].

ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В конце 1990-х годов в докторской диссертации Е. Н. Зарецкой в рамках теории речевой коммуникации анализируются различные составляющие языка тела, подробно рассматриваются их функции и стилистика в ситуациях делового и повседневного общения.

Детально описывая мимику, жесты рук и позы, автор отмечает, что, изменяя собственное движение или вынуждая партнера не использовать какой-то негативный жест, можно повлиять на психологическое состояние самого себя и другого человека, оптимизируя таким образом ситуацию общения.

Е. Н. Зарецкая справедливо указывает, что самым значительным в системе языка тела является выражение глаз, которые пропускают около 87 % всей получаемой человеком информации. Автор также подчеркивает, что жесты характеризуются не только многозначностью, но также универсальными, культурно обусловленными и индивидуальными чертами [Зарецкая, 1999].

НЕВЕРБАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА

На рубеже столетий в докторской диссертации Г. Е. Крейдлина впервые разрабатывается системный подход к анализу широкого спектра языковых и невербальных единиц в процессе их симультанного функционирования в речи.

Невербальная семиотика, подчеркивает ученый, объединяет традиции изучения невербальных средств в биологии, психологии, социологии и языкознании, что явилось методологической основой подхода, разрабатываемого автором.

Рассматривая различные классификации и функции жестов, исследователь указывает на большую вариативность языка тела, который, подобно естественному языку, включает разнообразные диалекты, например территориальные, социальные, профессиональные и др. Характер жестов,

позы, зрительная и тактильная стратегии находят под влиянием возрастного, социального, культурного и других факторов [Крейдлин, 2000].

ОБЛАСТЬ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Исследования в области деловой коммуникации в основном относятся к постсоветскому периоду. В начале 1990-х годов начинают активно разрабатываться вопросы делового этикета и другие аспекты. Подробно анализируется невербальное поведение партнеров на различных этапах деловых контактов.

Детально изучаются жесты, мимика, а также особенности проксемной организации делового общения. Исследуется роль фактора доминирования / подчиненности партнеров на невербальном уровне и его влияние на исход деловой встречи. Рассматривается специфика делового этикета представителей различных культур, особенности их мимики и жестов. Над этими проблемами работал ряд ученых: Э. Я. Соловьев (1994), А. В. Опалев (1996), А. Ю. Ларионова (2000) и др.

Добавим, что соблюдение этикета в любой сфере жизни человека способствует гармонизации отношений между людьми, структурирует коммуникацию и способствует повышению ее эффективности.

ВЫВОДЫ

1. В формировании и развитии научной мысли в области изучения невербальных средств общения и их взаимодействия с интонацией и высказыванием выделяются определенные этапы и закономерности.
2. В первые годы советской власти в области риторики прослеживается тенденция популяризации знаний о невербальном поведении человека, что отвечало насущным задачам того периода в контексте обучения публичной речи широких слоев населения.
3. Новый подход к изучению жеста намечается в 1960-е годы в области языкознания. В последующие годы вплоть до конца столетия исследование невербалики приобретает всё больший размах и сосредоточивается в различных направлениях лингвистики, а также в области психологии речи.
4. Изучение невербальных средств общения в сфере профессиональной коммуникации происходит в основном в постсоветский период и относится к области делового общения.
5. Динамика научной мысли, позволяющей осветить кардинальные вопросы невербального поведения человека с новых позиций, отражает

тот вклад, который внесли отечественные ученые в разработку данной проблемы. В конце XX века в российской науке возникают новые направления в исследовании невербальной

коммуникации, издаются словари жестов, содержащие информацию о межкультурных различиях в использовании мимики, жестов и других невербальных составляющих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миртов А. В. Умение говорить публично. Теория, задачи, упражнения. 5-е изд. перераб. и доп. М.: Долой неграмотность, 1927.
2. Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии человека: руководство к объективному изучению личности / под ред. А. В. Гервера. 4-е посмертное изд. М.; Ленинград: Государственное издательство, 1928.
3. Дерягина М. А. Антропология. Эволюция и биология человека / Курс лекций. М.: Издательство Российского открытого университета, 1994.
4. Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество // Избранные труды. М.: Лабиринт, 1998.
5. Лабунская В. А. Невербальное поведение (социально-перцептивный взгляд). Ростов: Издательство Ростовского университета, 1986.
6. Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В. Роль жеста в разговорной речи // Русская разговорная речь: сб. науч. трудов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1970. С. 235–241.
7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976.
8. Национально-культурная специфика речевого поведения / ред. А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Наука, 1977.
9. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980.
10. Беликов А. П. О механизмах воздействия речи и жеста в акте коммуникации // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1982. Вып. 201. С. 34–51.
11. Цибуля Н. Б. Соотношение некоторых видов информации в тексте (просодико-кинестический анализ) // Фология текста: сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1984. Вып. 239. С. 189–198.
12. Грейдина Н. Л. Взаимодействие вербальных и невербальных средств в коммуникативном акте (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1996.
13. Верещагина А. В. Взаимодействие просодических параметров и кинестических средств речи в условиях социально-ролевой симметрии и асимметрии партнеров по диалогу (экспериментально-фонетическое исследование на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
14. Корлыханова Е. Л. Взаимодействие просодических и кинестических средств в выражении эмоциональных значений радости, гнева, удивления в сценической речи (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
15. Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи / Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1991.
16. Ваняцкая Е. А. Роль невербальных и вербальных компонентов коммуникации в текстах, отражающих эмоциональные реакции человека, и их соотношение (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1999.
17. Зарецкая Е. Н. Теория речевой коммуникации (риторический подход): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.
18. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика и ее соотношение с вербальной: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.

REFERENCES

1. Mirtov, A. V. (1927). *Umen'e govorit' publichno. Teoriya, zadachi, upravneniya* = Ability to speak in public. Theory, tasks, exercises. Moscow: Doloj negramotnost'. (In Russ.)
2. Bekhterev, V. M. (1928). *Obshchie osnovy refleksologii cheloveka: rukovodstvo k ob'ektivnomu izucheniyu lichnosti* = General basics of human reflexology: guide to objective study of personality, ed. by A. V. Gervera. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russ.)
3. Deryagina, M. A. (1994). *Antropologiya. Evolyuciya i biologiya cheloveka* = Anthropology. Human evolution and biology: Course of lectures. Moscow: Izdatel'stvo Rossijskogo otkrytogo universitetata. (In Russ.)
4. Zhinkin, N. I. (1998). *Yazyk – rech' – tvorchestvo* = Language – speech – creativity. Moscow: Labirint. (In Russ.)

5. Labunskaya, V. A. (1986). Neverbal'noe povedenie (social'no-perceptivnyj vzglyad) = Nonverbal behavior (social-perceptive aspect). Rostov: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. (In Russ.)
6. Kapanadze, L. A., Krasil'nikova, E. V. (1970). Rol' zhesta v razgovornoj rechi = The role of gesture in Russian colloquial speech. In: Russian colloquial speech: Collection of works of Saratov University (pp. 235–241). Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russ.)
7. Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1976). Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo = Language and culture. Linguo-cultural approach in teaching Russian as a foreign language. Moscow: Russkij yazyk. (In Russ.)
8. Leont'ev, A. A., Sorokin, YU. A., Tarasov, E. F. (Eds.), (1977). Nacional'no-kul'turnaya specifika rechevogo povedeniya = National and cultural specificity of speech behavior. Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Gorelov, I. N. (1980). Neverbal'nye komponenty kommunikacii = Nonverbal components of communication. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Belikov, A. P. (1982). O mekhanizmah vozdejstviya rechi i zhesta v akte kommunikacii = About mechanisms of speech and gesture interaction in a communication act. In: Linguistic personality: problems of communicative activity: Collection of works of Moscow state pedagogical institute of foreign languages named after M. Thorez (vol. 201, pp. 34–51). (In Russ.)
11. Cibulya, N. B. (1984). Sootnoshenie nekotoryh vidov informacii v tekste (prosodiko-kinesicheskij analiz) = Correlation of some types of information in the text (prosodic-kinesic analysis). In: Text phonology: Collection of works of Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after M. Thorez (vol. 239, pp. 189–198). (In Russ.)
12. Grejdina, N. L. (1996). Vzaimodejstvie verbal'nyh i neverbal'nyh sredstv v kommunikativnom akte (na materiale anglijskogo yazyka) = Correlation of verbal and nonverbal means in a communication act: thesis of PhD in philology. Pyatigorsk. (In Russ.)
13. Vereshchagina, A. V. (2000). Vzaimodejstvie prosodicheskikh parametrov i kinesicheskikh sredstv rechi v usloviyah social'no-rol'evoj simmetrii i asimmetrii partnerov po dialogu (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale anglijskogo yazyka) = Correlation of prosodic parameters and speech kinesic means in situations of partners symmetry and asymmetry in a dialogue (experimental phonetic study on the material of the English language): abstract of PhD thesis in philology. Volgograd. (In Russ.)
14. Korlyhanova, E. L. (2000). Vzaimodejstvie prosodicheskikh i kinesicheskikh sredstv v vyrazhenii emocional'nyh znachenij radosti, gneva, udivleniya v scenicheskoj rechi (na materiale anglijskogo yazyka) = Correlation of prosodic and kinesic means in the expression of emotional meanings of joy, anger, surprise in theatrical speech (on the material of the English language): thesis of PhD in philology. Moscow. (In Russ.)
15. Akishina, A. A., Kano, H., Akishina, T. E. (1991). Zhesty i mimika v russkoj rechi. Lingvostranovedcheskij slovar' = Gestures and facial expressions in Russian speech. Linguo-cultural dictionary. Moscow: Russkij yazyk. (In Russ.)
16. Vansyackaya, E. A. (1999). Rol' neverbal'nyh i verbal'nyh komponentov kommunikacii v tekstah, otrazhayushchih emocional'nye reakcii cheloveka, i ih sootnoshenie (na materiale anglijskogo yazyka) = The role of verbal and nonverbal components of communication in texts reflecting human emotional reactions, and their correlation: thesis of PhD in philology. Ivanovo. (In Russ.)
17. Zareckaya, E. N. (1999). Teoriya rechevoj kommunikacii (ritoricheskij podhod) = Theory of speech communication (rhetoric approach): thesis of Dr. habil in philology. Moscow. (In Russ.)
18. Krejdlin, G. E. (2000). Neverbal'naya semiotika i ee sootnoshenie s verbal'noj = Nonverbal semiotics and its correlation with the verbal one: abstract of of Dr. habil thesis in philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цибуля Надежда Борисовна

кандидат филологических наук, Заслуженный профессор, доцент кафедры фонетики английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tsibulya Nadezhda Borisovna

PhD (Linguistics), Professor Emeritus, Associate Professor of the Department of English Phonetics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 25.12.2021

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 25.12.2021

Мелодический континуум молодых голосов в городах Великобритании

М. А. Чубарова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
maryglazunova@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется мелодический аспект просодических систем региональных вариантов английского языка в Глазго, Белфасте, Дублине и Кембридже. Цель работы состоит в сравнительном анализе структуры и частотности употребления ядерных тонов в данных типах произношения. Материал: аудиозаписи звучащей спонтанной речи группы из 32 подростков, сбалансированной по гендеру, взятые из корпусов Intonational Variation in English и The HCRC Map Task Corpus.

Ключевые слова: мелодика, ядерный тон, вариант английского языка в Глазго, Белфасте, Дублине, Кембридже, языковой континуум, восходящий тон, восходяще-нисходящий тон.

Для цитирования: Чубарова М. А. Мелодический континуум молодых голосов в городах Великобритании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 135–142. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_135

Original article

Melodic Continuum of Young Voices in British Cities

Maria A. Chubarova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
maryglazunova@yandex.ru*

Abstract. The present article focuses on the melodic aspect of Glasgow English, Belfast English, Dublin English, and Cambridge English. The goal of the study is to conduct a comparative analysis of the structure, and frequency of nuclear tones in the given types of pronunciation. The material includes speech samples of 32 teenagers balanced for gender taken from the IVIE (Intonational Variation in English) corpus, and The HCRC Map Task Corpus.

Keywords: melody; nuclear tone, Glasgow English, Dublin English, Belfast English, Cambridge English, melodic dialect continuum, rising tone, rising-falling tone

For citation: Chubarova, M. A. (2022). Melodic continuum of young voices in British cities. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 135–142. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_135

ВВЕДЕНИЕ

Варианты английского языка в кельтских регионах в силу географической и исторической близости не могут не иметь общих черт. Влияние субстрата родственных гаэльских языков, с одной стороны, и с другой стороны, престиж английского стандарта произношения, тесные языковые контакты между соседними территориями – всё это создало в регионе, называемом *Celtic fringe*, особую языковую ситуацию.

В Шотландии, где до XVI века английский язык сосуществовал с произошедшим от языка англов языком скотс, в процессе «англизирования» ключевую роль сыграла Реформация, принеся перевод Библии и прочих религиозных произведений. Географическая близость, укрепление англо-шотландских политических и экономических отношений привело к формированию лингвистического континуума [Куликова 2015; Wells 1982]. Шотландские войны за независимость также повлияли на статус регионального и внешнего стандартов.

Британская колонизация Ирландии началась в XII веке. В XIII веке в силу вступил небезызвестный Устав Килкенни, запрещающий брак между коренными ирландцами и «ирландизированными» англичанами, а также кельтский язык и ношение кельтской одежды. Крайне значимым для изменения языковой ситуации стал период с XV по XVII век, который отмечен плантациями, или же колонизацией: конфискацией ирландских земель английской короной с последующей их передачей коренным англичанам. Данный процесс более всего затронул территорию Ольстера, ныне Северной Ирландии. Однако, говоря об Ольстере и намного в меньшей степени о Дублине, еще одним немаловажным источником формирования местного акцента послужила волна иммигрантов из Шотландии [Hickey, 2007].

В данном исследовании нас интересовали именно городские типы произношения. Города как центры культурной и экономической жизни региона всегда отличались наиболее тесными связями с центром бывшей империи.

Дублин как столица Ирландии, как и прилегающая территория, называемая *the Pale*, всегда находились под наиболее жестким влиянием Англии [Hickey, 2012]. Английский стандарт произношения ассоциировался с успешностью и богатством: обеспеченные люди, посылающие своих детей в английские университеты ожидали, что те вернуться, говоря на «правильном» английском. Однако в последнее время скрытый престиж регионального варианта произношения растет [Crystal, 2019].

Исследования мелодики кельтских вариантов английского языка выявили их общность

и специфику. Чаще всего в контексте их описания упоминаются восходяще-нисходящие, ровные и восходящие тоны.

Мелодика шотландского варианта, как показывают исследования Г. М. Скулановой, отличается частотностью употребления восходяще-нисходящих тонов, которое было отмечено даже в отдельных безударных слогах. Также данный вариант английского языка отличает высокая частотность ровных тонов [Скуланова, 1987].

Частотность использования восходяще-нисходящих тонов упоминается и в исследовании М. В. Федотовой валлийского варианта английского языка [Федотова, 2013]. Восходяще-нисходящие тоны (ВНТ), а также восходящие тоны создают так называемую «напевную интонацию», о которой говорит Н. Купленд [Jarman, Cruttenden, 1976; Coupland, 1990].

Речь жителей Кардиффа, описанная исследователями Б. Коллинз и И. Миз, на интонационном уровне ближе к акцентам Англии, нежели к вариантам английского языка, однако и данный тип характеризует повышенное количество ВНТ, чей диапазон более широкий, чем в стандартном английском. [Collins, Mees, 2009]. В целом диапазон ЧОТ в акценте Кардиффа шире, чем в общепринятом британском стандарте RP, но уже, чем на остальной территории Уэльса, что демонстрирует особое, «двойное» положение крупных городов, которые, с одной стороны, сохраняют региональную специфику варианта английского языка, с другой стороны, показывают ориентацию на престижный вариант стандартного английского.

О частотности ВНТ в кельтских регионах писала и Т. С. Скопинцева [Скопинцева, 1995]. Исследования показали, что отличительным признаком регионального использования ВНТ является его нейтральность, отсутствие сарказма и иронии, которые он передает в стандартном британском варианте произношения.

В ирландской речи восходящие тоны в утвердительных предложениях – самая выразительная черта, описанная А. Краттенденом [Cruttenden, 2007]. Региональный восходящий тон нельзя идентифицировать с современным направлением *uptalk*, тенденцией произнесения утверждений с восходящей интонацией [Wells, 2006]. В отличие от современной тенденции *uptalk*, характеризующейся социальной окрашенностью и тактикой коммуникативной кооперации, восходящие тоны в утверждениях, а также ровные тоны, воспринимающиеся как подъемы, являются стилистически нейтральными в ирландском типе произношения. Данный тон может являться субстратом ирландского языка: недавние исследования

в Тринити-колледже диалекта ирландского языка в Донегол показали, что и вопросительные, и утвердительные высказывания преимущественно произносятся с восходящей интонацией [Dalton, Ni Chasaide, 2006].

Сравнивая североирландский вариант с речью жителей Лондона, Эдинбурга, Глазго, Юга и Севера Англии, Мидленда и Уэльса, Т. С. Скопинцева экспериментально установила, что для ирландского варианта были характерны самый узкий диапазон и монотон в мелодике. Интересно также то, что диалект Северной Ирландии может идентифицироваться как шотландский, что сближает два кельтских региона в восприятии англичан, а произносительные особенности шотландского варианта определяются практически безошибочно [Скопинцева, 1995].

К неожиданным выводам в исследовании кельтских типов произношения приходят А. Лукина и Г. Кочански [Loukina et al., 2011]. Подсчитав математически и сопоставив особенности семи диалектов (Лондон, Кембридж, Лидс, Бредфорд, Ньюкасл, Белфаст, Дублин), они выявили сходство речи жителей Кембриджа и Дублина, что объясняется консервативностью типов произношения в этих городах. Престиж и большое влияние в столице Ирландии стандартного типа произношения описывает и Р. Хикки [Hickey, 2010]. Вследствие частых языковых контактов с британским вариантом, дублинский английский, произошедший от среднеанглийского юго-западного диалекта, всегда представлял собой «поле боя» британского стандарта и ирландского диалекта, всё еще сохраняющего отголоски кельтского языка.

Исследование А. Лукиной и Г. Кочански также показало, что Белфаст невозможно было включить в какую-либо группу. Р. Хикки, анализируя сегментные особенности речи в Белфасте, находящемся на территории бывшего Ольстера, говорит о сильном влиянии ольстерских шотландцев на данный диалект [Hickey, 2012].

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Объектом исследования является мелодический аспект речи молодых людей из четырех городов Великобритании и Ирландии, а предметом – терминальные ядерные тоны, их частотность и конфигурация, отмечающие географическую и гендерную специфику в речи жителей Глазго, Белфаста, Дублина и Кембриджа. Цель исследования – сопоставительный анализ особенностей различных вариантов английской молодой речи в городах и выявление возможных схожих черт и отличий, продиктованных географическим и гендерным варьированием.

В качестве материала исследования были взяты аудиозаписи звучащей речи из корпуса IViE (Intonational Variation in English)¹ – проекта, посвященного исследованию диалектов английского языка на Британских островах. Дикторами в данном исследовании выступили подростки в возрасте 16 лет. Вторым источником материалов для данного исследования послужил корпус звучащей речи The HCRC Map Task Corpus, разработанный для решения задач компьютерной лингвистики и собравший материалы различных городских диалектов английского языка. Дикторами в данном проекте выступили подростки от 16 до 19 лет².

Из корпуса Intonational Variation in English (IViE) для изучения были отобраны записи свободной речи, в разговорном стиле и в неформальной обстановке четырех девочек и четырех мальчиков из Белфаста, Дублина и Кембриджа, всего 24 человека. В проанализированных отрывках подростки обсуждали проблему курения среди своих сверстников и рассказывали истории из личного опыта. Из корпуса HCRC Map Task Corpus были отобраны записи речи еще четырех мальчиков и четырех девочек из Глазго, выполняющие задание с картой в условиях эксперимента. Так как подростки не предупреждены о том, что объектом исследования являются просодические характеристики их речи, данные записи также можно отнести к примерам свободной и естественной речи, а значит, результаты анализа речи данной группы респондентов сопоставимы с результатами прочих групп. Таким образом, общее количество респондентов составило 32.

Средняя продолжительность проанализированных отрывков диалогов: 90 секунд (общая продолжительность звучащего материала 1 440 секунд). Общее число синтагм в проанализированных отрывках: 1 157. Выбор респондентов позволяет изучить не только территориальное, но и гендерное варьирование. Тот факт, что респонденты разговаривают со сверстниками, задает параметры ситуации неформального общения с равным по социальному статусу собеседником.

В ходе исследования были использованы аудиторский, акустический и сравнительный методы и элементы статистического анализа [Методы анализа звучащей речи ... 2017].

Поток звучащей речи был разделен на синтагмы в соответствии с паузацией, однако были учтены и случаи безпаузального деления. Затем ядерные тоны в финальных и нефинальных синтагмах были описаны в соответствии с их высотными уровнями начала и завершения тона, а также

¹ URL: http://www.phon.ox.ac.uk/old_IViE

² HCRC Map Task Corpus. URL: ed.ac.uk

их направлением. На втором этапе исследования был осуществлен акустический анализ материала при помощи программы Praat – для данного исследования мы воспользовались версией 6.1.13. Для каждого ядерного тона была отмечена длительность в миллисекундах, минимальная и максимальная ЧОТ в Гц, а также интервал изменения высотных характеристик в полутонах. На финальном этапе полученные данные были подвергнуты статистическому анализу.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Частотность терминальных тонов в речи подростков из четырех городов

Данные, показывающие частотность употребления восходящих, нисходящих, ровных, нисходяще-восходящих (НВТ) и восходяще-нисходящих (ВНТ) тонов в речи подростков приведены в таблице 1 и, для наглядной иллюстрации результатов, на рисунке 1. Результаты классифицированы в зависимости от города (Глазго, Белфаст, Дублин, Кембридж) и гендерной принадлежности (м – мальчики; д – девочки).

Из результатов анализа данных, представленных в таблице, видно, что частотность употребления ядерных тонов в речи мальчиков и девочек из четырех представленных городов позволяет выявить различия и общность в данных вариантах английского языка, сравнительный анализ, который дает следующие выводы:

- *нисходящие тоны* заметно преобладают над другими тонами в речи подростков из Дублина и Кембриджа (Дублин: 50% д – 46 м; Кембридж: 54% д – 56% м). НТ составляют значительную долю тонов в речи подростков из Глазго (32% д – 27% м), тогда как в речи подростков из Белфаста они появляются сравнительно мало (14% д – 22% м);

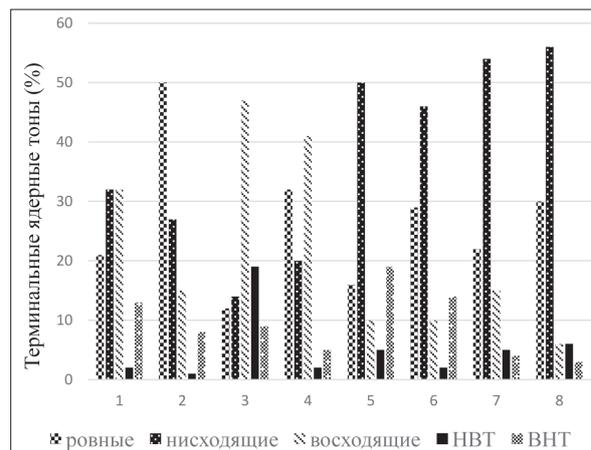

Рис. 1. Сопоставление терминальных ядерных тонов в речи подростков из четырех городов

- 1 – Глазго, девочки; 2 – Глазго, мальчики;
3 – Белфаст, девочки; 4 – Белфаст, мальчики;
5 – Дублин, девочки; 6 – Дублин, мальчики;
7 – Кембридж, девочки; 8 – Кембридж, мальчики

Таблица 1

ОБЩАЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНАЛЬНЫХ ЯДЕРНЫХ ТОНОВ В РЕЧИ ПОДРОСТКОВ ЧЕТЫРЕХ ГОРОДОВ

Город	Глазго				Белфаст			
	д		м		д		м	
К-во		%		%		%		%
Всего	193		151		138		174	
РТ	41	21	75	50	16	12	56	32
НТ	62	32	40	27	19	14	35	20
ВТ	61	32	22	15	65	47	71	41
НВТ	4	2	2	1	26	19	3	2
ВНТ	25	13	12	8	12	9	9	5

Город	Дублин				Кембридж			
	д		м		д		м	
Кол-во		%		%		%		%
Всего	112		132		118		145	
РТ	18	16	38	29	26	22	43	30
НТ	56	50	61	46	63	54	81	56
ВТ	11	10	13	10	18	15	8	6
НВТ	6	5	2	2	6	5	9	6
ВНТ	21	19	18	14	5	4	4	3

- распространение *ровных тонов* также похоже в речи подростков Дублина и Кембриджа (Дублин: 16% д – 29% м; Кембридж: 22% д – 30% м), тенденции под влиянием географического фактора неочевидны;
- *восходящие тоны* значительно преобладают в речи подростков из Белфаста (47% д – 41% м), а также составляют немалую долю тонов, использованных подростками из Глазго (32% д – 15% м). Наименьшая доля восходящих тонов наблюдается в речи обеих групп из Дублина (10% м – 10% д), а также в речи мальчиков из Кембриджа (15% д – 6% м);
- *сложные тоны*, в среднем, встречаются реже, чем простые. За исключением речи девочек из Белфаста (19%), *нисходяще-восходящие* тоны встречаются крайне редко, с наименьшим процентом в речи респондентов из Глазго (Глазго: 2% д – 1% м; Белфаст: 19% д – 2% м; Дублин: 5% д – 2% м; Кембридж: 5% д – 6% м);

- *восходяще-нисходящие тоны* более распространены в кельтских вариантах английского языка, нежели нисходяще-восходящие, исключая соотношение в речи девочек из Белфаста. Наибольшее количество ВНТ наблюдается в речи подростков из Дублина (19% д – 14% м, схожи результаты и для Глазго (13% д – 8% м). Доля данного тона в речи подростков из Белфаста также немала (Белфаст: 9% д – 5% м). В речи подростков из Кембриджа данный тон составляет 4% д и 3% м.

Интервалы конфигурации тонов

Исходя из средних медианных отношений интервалов восходящего элемента к нисходящему элементу (см. рис. 2), заключаем, что изменение по вертикальной оси равно для элементов восходяще-нисходящих тонов в речи респондентов из

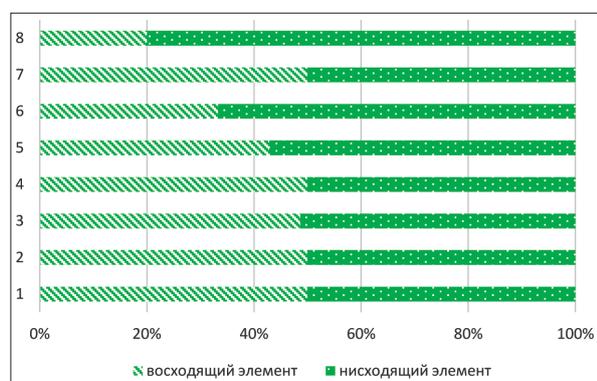

Рис. 2. Среднее медианное отношение восходящего и нисходящего интервалов

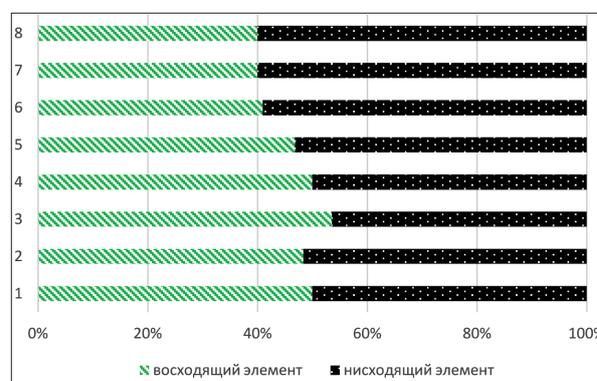

Рис. 3. Среднее соотношение длительностей восходящего и нисходящего элемента

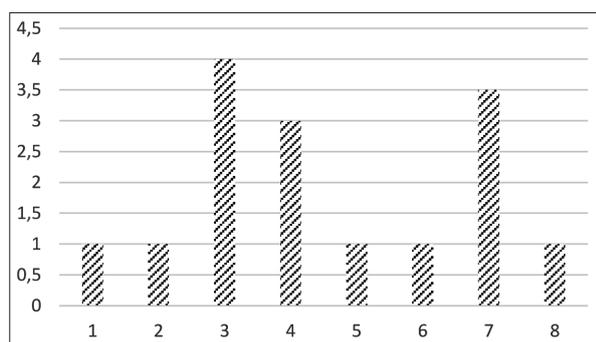

Рис. 4. Медианы интервалов восходящих тонов (Пт)

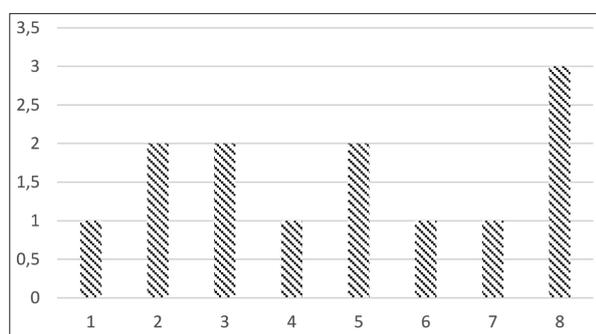

Рис. 5. Медианы интервалов нисходящих тонов (Пт)

Глазго и Белфаста (медианы отношений отрезков: Глазго: 1 д – 1 м; Белфаст: 0,95 д – 1 м). В речи подростков из Дублина восходящий элемент уже, особенно в речи мальчиков: Дублин: 0,75 д – 0,5 м. Данные по этому тону в речи респондентов из Кембриджа весьма неполны.

Как видно из рисунка 3, соотношение восходящего и нисходящего элементов схоже для восходяще-нисходящих тонов в речи респондентов из Глазго и Белфаста: два элемента в среднем равны (Глазго: 1/1 д – 45/48 м; Белфаст: 53/46 д – 1/1 м). Подобное соотношение наблюдается и при анализе длительностей элементов ВНТ в речи девочек из Дублина: 45/51. Средние соотношения элементов в речи мальчиков из Дублина и обеих групп из Кембриджа 4/6 (Дублин: 41/59 м; Кембридж: 40/60 ж – 40/60 м).

Исходя из сравнения средних медианных значений интервалов восходящих тонов в речи подростков из четырех городов (см. рис. 4), заметно, что в речи мальчиков и девочек из Глазго и Дублина восходящие тоны в среднем характеризуются интервалом 1 Пт, что также характерно для восходящих тонов в речи мальчиков из Кембриджа. Наиболее широкие восходящие тоны

наблюдаются в речи респондентов из Белфаста: 4 Пт д, 3 Пт м, а также девочек из Кембриджа: 3,5 Пт.

По статистике интервалов нисходящих тонов, использованных в речи подростков из четырех городов (см. рис. 5), определить тенденции под влиянием гендерного или географического фактора представляется затруднительным. Мы видим одинаковые значения интервалов в речи девочек и мальчиков из Белфаста и Дублина: 2 д, 1 м. В речи респондентов из Глазго, наоборот, значения распределились: 1 д, 2 м. В речи респондентов из Кембриджа интервалы нисходящих тонов: 1 д, 3 м.

Гендерные особенности

Сопоставительный анализ частотности употребления терминальных ядерных тонов позволил установить следующие закономерности в области гендерного варьирования:

- *ровные тоны* преобладают в речи мальчиков, а не девочек, всех четырех городов (Глазго: 21% д – 50% м; Белфаст: 12% д – 32% м; Дублин: 16 д – 29% м; Кембридж: 22% д – 30% м). Наибольший разрыв в долях ровных тонов в речи девочек и мальчиков наблюдается в речи подростков из Глазго, за ними следуют респонденты из Белфаста. Исходя из статистических данных, можно сделать вывод, что выбор данного тона скорее определяется гендерным фактором, нежели географическим;
- *восходящие тоны* больше встречаются в речи девочек из всех городов, кроме Дублина (Глазго: 32% д – 27% м; Белфаст: 47% д – 41% м; Дублин: 10% д – 10% м; 15% д – 6% м);
- та же тенденция характерна для *нисходяще-восходящих тонов*, кроме речи респондентов из Кембриджа (Глазго: 2% д – 1% м; Белфаст: 19% д – 2% м; Дублин: 5% д – 2% м; Кембридж: 5% д – 6% м). Однако разница в процентах, исключая речь респондентов из Белфаста, весьма незначительная;
- еще один тип сложных тонов, *восходяще-нисходящие тоны* также более характерны для речи девочек (Глазго: 13% д – 8% м; Белфаст: 9% д – 5% м; Дублин: 19% д – 14% м; Кембридж: 4% д – 3% м).

ДИСКУССИЯ

Проанализировав данные, представленные ранее, можно выделить кластеры ядерных тонов по городам.

Восходяще-нисходящие тоны типичны для всех кельтских вариантов, однако наиболее отличают речь подростков из Дублина и Глазго (см. табл. 1). При этом соотношение длительностей и интервалов восходящего и нисходящего элемента показывает общность речи Глазго и Белфаста: длительности и интервалы приблизительно равны, тогда как ВНТ в Дублине и Кембридже отличаются более короткими и узкими подъемами (см. рис. 2, 3).

Речь подростков из Дублина и Глазго также схожа средним интервалом восходящих тонов (см. рис. 4).

Речь подростков из Дублина и Кембриджа похожа по высокой частоте употребления нисходящих тонов, а также по распределению ровных тонов (см. табл. 1).

Наиболее выделяется спецификой мелодики Белфаст. Особенно отличают мелодику данного варианта восходящие тоны: глядя на статистику общего использования ядерных тонов в речи подростков из четырех городов (см. табл. 1), видно, что восходящие тоны составляют значительную долю от всех использованных тонов в речи подростков из Белфаста (47 % д – 41 % м). Статистика частотности восходящих тонов по Глазго (32 % д – 15 % м) наиболее приближена к Белфасту. Мы видим, что данный тип тона выделяется в сравнении с ВТ в речи других групп респондентов и по интервальным характеристикам (см. рис. 4).

Отличает речь подростков из Белфаста также и относительно широкое использование НВТ, наблюдаемое у девочек (см. табл. 1).

Из данных особенностей, не наблюдаемых в прочих городах континуума, можно заключить, что произношение Белфаста является наиболее ирландским типом произношения.

Говоря о гендерных особенностях, заметим, что выбор ровного тона определяется, в первую очередь, гендерным фактором. РТ преобладают в речи мальчиков всех четырех городов, с наибольшим разрывом в речи респондентов из Глазго.

Восходящие тоны преобладают в речи девочек из всех четырех городов, кроме Дублина. Сложные тоны также, в среднем, более типичны для девочек. НВТ преобладают в речи девочек, кроме респондентов из Кембриджа, а ВНТ преобладают в речи девочек четырех групп.

Выводы

Итак, сравнивая мелодику речи подростков из Глазго, Белфаста, Дублина и Кембриджа, мы можем сделать вывод о существовании мелодического континуума кельтской городской речи. Белфаст несколько выпадает из данного континуума как город, сохранивший наиболее яркие региональные черты, однако по ряду признаков речь жителей Белфаста также нельзя полностью исключить из континуума.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Куликова К.С. Фонетические процессы в стандартном шотландском варианте английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (712). С. 123–134.
2. Wells J. C. *Accents of English*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
3. Hickey R. *Irish English. History and Present Day Forms* // Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
4. Hickey R. *The Handbook of Language Contact*. Chichester: John Wiley & Sons, 2012.
5. Crystal, D. *The Cambridge Encyclopedia of English Language*. Cambridge. : Cambridge University Press, 2019.
6. Coleman, J., Kochanski, G., *The IVE Corpus* // University of Oxford. 2002. URL: http://www.phon.ox.ac.uk/old_IVE
7. Anderson, A. [et al.], *The HCRC Map Task Corpus* // Human Communication research center. University of Edinburgh. 1992. URL: [HCRC Map Task Corpus \(ed.ac.uk\)](http://www.hcrc.ac.uk/)
8. Скуланова Г. М. Региональная вариативность интонации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
9. Федотова М. В. Социально-личностная вариативность английской интонации в речи жителей Уэльса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
10. Jarman E., Cruttenden A. Belfast intonation and the myth of the fall // *Journal of the International Phonetic Association*. 1976. Vol. 6 (1). P. 4–12.
11. Coupland N. *English in Wales: Diversity, Conflict and Change*. Avon: A. R. Thomas ed., 1990.
12. Collins B., Mees I. M. *The phonetics of Cardiff English*. Coupland, 2009. P. 87–108.
13. Скопинцева Т. С. Территориальная вариативность английской интонации на Британских островах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
14. Cruttenden A. Intonational diglossia: A case study of Glasgow // *Journal of the International Phonetic Association*. 2007. Vol. 37(03). P. 257–274.
15. Wells J. C. *English Intonation: an Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

16. Dalton M., Ni Chasaide A. Tonal alignment in Irish dialects // *Language and speech*. 2006. Vol. 43. P. 441–464.
17. Loukina A. [et al.]. Rhythm measures and dimensions of durational variation in speech // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 2011. Vol. 129(5). P. 3258–3270.
18. Hickey R. *Standards of English. Codified Varieties around the World*. Cambridge: University Press, 2010.
19. Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты / Шевченко Т. И. и др. Дубна: Феникс+, 2017.

REFERENCES

1. Kulikova, K. S. (2015). Phonetic processes in Standard Scottish English. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1 (712), 123–134. (In Russ.).
2. Wells, J. (1982). *Accents of English*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Hickey, R. (2007). *Irish English. History and Present Day Forms*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Hickey, R. (2012). *The Handbook of Language Contact*. Chichester: John Wiley & Sons.
5. Coleman, J., Kochanski, G. (2002). *The IViE Corpus*. University of Oxford. http://www.phon.ox.ac.uk/old_IViE
6. Anderson, A. [et al.] (1992). *The HCRC Map Task Corpus*. Human Communication research center. University of Edinburgh. HCRC Map Task Corpus (ed.ac.uk)
7. Crystal, D. (2019). *The Cambridge Encyclopedia of English Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Skulanova, G. M. (1987). Regional'naya variativnost' intonacii = Regional variation of intonation: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.).
9. Fedotova, M. V. (2013). Social'no-lichnostnaya variativnost' anglijskoj intonacii v rechi zhitelej Uel'sa = Social and individual variation in the speech of the Welsh: thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.).
10. Jarman, E., Cruttenden, A. (1976). Belfast intonation and the myth of the fall. *Journal of the International Phonetic Association*, 6(1), 4–12.
11. Coupland, N. (1990). *English in Wales: Diversity, Conflict and Change*. Avon: A. R. Thomas ed.
12. Collins, B., Mees, I. M. (2009). The phonetics of Cardiff English (pp. 87–108). Coupland.
13. Skopinceva, T. S. (1995). Territorial'naya variativnost' anglijskoj intonacii na Britanskikh ostrovah = Regional variatiom of the English intonation on the British Isles: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.).
14. Cruttenden, A. (2007). Intonational diglossia: A case study of Glasgow. *Journal of the International Phonetic Association*, 37(03), 257–274.
15. Wells, J. C. (2006). *English Intonation: an Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Dalton, M., Ni Chasaide, A. (2006). Tonal alignment in Irish dialects. *Language and speech*, 43, 441–464.
17. Loukina A. [et al.]. (2011). Rhythm measures and dimensions of durational variation in speech. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 129(5), 3258–3270.
18. Hickey, R. (2010). *Standards of English. Codified Varieties around the World*. Cambridge: University Press.
19. Hickey, R. (2012). *The Handbook of Language Contact*. Chichester: John Wiley & Sons.
20. Shevchenko, T. I. et al. (2017). *Metody analiza zvuchashchej rechi: novye izmereniya I rezul'taty = Methods of spoken speech analysis: new data and results*. Dubna: Feniks+. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чубарова Мария Андреевна

аспирант кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chubarova Maria Andreevna

Postgraduate Student, Department of English Phonetics, Faculty of English, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 25.12.2021

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 25.12.2021

Научная статья

УДК 81'34

DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_143

Английское лексическое ударение в нормообразующих, норморазвивающих и нормозависимых странах

Т. И. Шевченко¹, Е. Ю. Романова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹tatashevchenko@mail.ru

²catrom@rambler.ru

Аннотация. В работе рассматривается тема вариативности английского лексического ударения в современном англоязычном мире. Страны с английским языком в качестве основного произношения ориентированы на американский либо британский вариант. В странах, где господствует английский постколониального периода, активно развиваются национальные произносительные нормы. Государства, где английский язык распространяется благодаря сфере образования, могут сделать выбор в пользу одного из двух главных образцов, а также имеют доступ к другим нормам, что часто приводит к смешению форм.

Ключевые слова: английский язык, лексическое ударение, нормообразующие страны, норморазвивающие страны, нормозависимые страны

Для цитирования: Шевченко Т. И., Романова Е. Ю. Английское лексическое ударение в нормообразующих, норморазвивающих и нормозависимых странах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 143–149. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_143

Original article

English Word Stress in Norm-Providing, Norm-Developing and Norm-Dependent Countries

Tatiana I. Shevchenko¹, Ekaterina Y. Romanova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹tatashevchenko@mail.ru

²catrom@rambler.ru

Abstract. The paper focuses on the topic of word stress variation in the modern English-speaking world. Norm-providing countries where English is a native language for the majority of the population tend to use British or American word stress patterns. Norm-developing countries with the prevalence of post-colonial English develop their national forms of pronunciation. In norm-dependent countries where English is acquired through education the choice of either major variety is supplemented by access to other sources, which results in mixture of norms.

Keywords: English language, word stress, norm-providing countries, norm-developing countries, norm-dependent countries

For citation: Shevchenko, T. I., Romanova, E. Y. (2022). English word stress in norm-providing, norm-developing and norm-dependent countries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 142–149. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_143

ЛЕКСИЧЕСКОЕ УДАРЕНИЕ В КОММУНИКАТИВНОМ И КОГНИТИВНОМ АСПЕКТАХ

Английское лексическое (словесное) ударение – это явление просодии слова, которое совместно с фонологическим составом слова создает его облик, узнаваемую форму, важную для идентификации слова в потоке речи. Это выделение одного слога относительно других в многосложном слове. В современной классификации типов словесного ударения английское ударение определяется как «связанное, квантитативное, зависит от края слова, преимущественно с трохеическим ритмом»¹ (*bound, quantity-sensitive, edge-sensitive, with predominant trochaic rhythm*) [Hulst, 2014, с. 13]. В отечественной англистике специфика английского ударения описана в терминах основных тенденций: *рецессивной* (ударение на первом слоге корня существительного), *ритмической* (в слове чередуются ударные и безударные слоги, что привело к появлению второстепенных ударений, наряду с главным), *ретентивной* (сохраняющей ударение в дериватах на том же слоге, что и в исходной форме), а также *семантической* (связанной с семантикой элементов сложного слова). Кроме того, в учебниках по английской фонетике даются правила расстановки ударения, связанные с морфологическим составом слова в зависимости от аффиксов, длины слова, грамматического класса слова [Бурая, Галочкина, Шевченко, 2018].

Британские преподаватели английского языка, имеющие опыт работы с иностранными учащимися, пишут о том, как много учебного времени они тратят на отработку правильного лексического ударения слов [Crystal, 2018; Jenkins, 2001]. Так, например, в Индонезии студенты искажают ударение даже при имитации, повторяя прочитанные вслух английские слова. Причина таких неудач – в фонологической системе их родного языка. Обучение русскоязычных учащихся, несмотря на ряд явлений, связанных с интерференцией родного языка (см. ниже раздел «Нормозависимые страны...»), не представляет такой непреодолимой сложности в силу типологического единства ударения в английском и русском языках, ранее определяемого как «динамическое» и выделяемого посредством силы артикуляции (интенсивности), длительности, высоты голоса и качества ударного гласного, противопоставленного редуцированному безударному гласному. В английской речи русскоязычных обучающихся ударение отличается в основном

степенью выделения ударного слога относительно безударного, а не местом главного ударения [Шевченко, 2011].

Исследования, посвященные распространению английского языка в мире, содержат весьма разнообразные сведения о вариативности расстановки лексического ударения во всех его национальных вариантах. Какое это имеет значение для коммуникации и как это можно объяснить с когнитивной точки зрения?

Опираясь на свой многолетний экспериментальный опыт, Анна Катлер доказала, что носители языка (жители Австралии) идентифицируют слово в паре 'permit (n) – per'mit (v) прежде всего по характеру первого слога на основе аспирации / отсутствия аспирации и полного качества гласного / редуцированного гласного. В потоке речи, как показали данные корпусов звучащей речи, при наличии 80 % односложных слов и только 20 % многосложных слов с ударением, как правило, на первом слоге, смысл речи устанавливается по принципу: *каждый ударный гласный – начало слова*. При такой стратегии восприятия искаженное ударение создает помеху в распознавании того слова, которое активируется в памяти, и замедляет процесс понимания сказанного [Cutler, 2012]. Действительно, наш опыт восприятия научных докладов на международных конференциях показал, что ударения в речи французских и других исследователей на английском языке создают «шум», затрудняющий мгновенное понимание звучащего текста. Так, например, ударение в ключевом слове 'e[i:]vent в названии доклада участника из Польши вызвало такое замешательство, которое разрешилось только благодаря демонстрации слайдов. Носители языков с фиксированным ударением (французский, польский), не имея в родном языке когнитивной задачи найти правильное место ударения, остаются «глухими» при нарушениях местоположения относительно нормы другого языка. Не менее сложна когнитивная задача постановки ударения для носителей языков Юго-Восточной Азии, фонология которых не имеет словесного ударения.

НОРМООБРАЗУЮЩИЕ СТРАНЫ: БРИТАНСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ МОДЕЛИ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В отношении тех стран, в которых английский является первым (L1) языком большинства населения, используется термин «нормообразующие» («norm-providing»), поскольку британские орфоэпические словари, включив американский вариант произношения в свои издания, обеспечивают

¹ Эд. и далее перевод наш. – Авт.

весь мир образцами кодифицированного произношения, включая ударение. Между британскими и американскими образцами выявлено различие в 2,5% многосложных слов, включенных в лексикон словарей [Бурая, 2010]. Первоначально было отмечено, что это малоупотребительные слова романского происхождения, но привлечение национальных корпусов (британского, американского, канадского) дало возможность выделить среди них около 80 слов средней частотности, что свидетельствует об их коммуникативной значимости. Например: брит. *'garage, 'ballet, 'buffet*; амер. *ga'rage, ba'llet, bu'ffet*. Характерно то, что в двусложных словах, заимствованных из французского языка, американский вариант сохранил ударение на финальном слоге [Шевченко, Поздеева, 2019].

В канадском варианте английского языка под влиянием постоянного контакта с французским языком выделилась группа слов (около 23%), которые не согласуются ни с американскими, ни с британскими образцами. Для них типично присутствие дополнительных ритмических ударений, например: *'de,tail, 'cotton,wool, 'frag,ment*. В австралийском варианте, напротив, несмотря на численное превосходство британских моделей, 24% слов также имеют своеобразное ударение, но с потерей второстепенных ударений, например: *acade'mician, cinemato'graphic, semi'colon*. Иная тенденция отмечена в новозеландском варианте: под влиянием контактирующего языка коренного народа майори, имеющего морсчитающий ритм, в английских словах появились дополнительные ритмические ударения: *a,cade'mician, ,ciga'rette, 'Paki,stan* [Шевченко, Бурая, 2020].

Изучение словарей и корпусов звучащей речи показало две основные тенденции в странах, которые определяют базовые образцы звучащей речи: во-первых, в них присутствуют в разной степени британские и американские модели, а во-вторых, под влиянием контактирующих языков появляются новые, специфические для данной территории модели. Это относится и к самому британскому варианту, в котором наблюдаются тенденции к смещению ударения под влиянием ритма или в связи с воздействием американского варианта: *a'pplicable, com'parable, con'troversy, for'midable* [Crystal, 2018; Lindsey, 2019].

НОРМОРАЗВИВАЮЩИЕ СТРАНЫ: АНГЛИЙСКИЕ ПРАВИЛА БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЙ, «ТЯЖЕЛЫЕ» СЛОГИ И ИННОВАЦИИ

Страны Юго-Восточной Азии, Западной Африки и Карибского бассейна составляют группу постколониального применения английского языка,

произносительные нормы которого еще только развиваются (norm-developing), испытывая сильное влияние языков-субстратов и значительно варьируясь от социального состава и образования носителей языка [Gargesh, 2006; Low, 2020].

Для образованных носителей индийского варианта английского языка отмечены следующие обобщения относительно ударения в английских словах:

- ударение зависит от фонологического состава слогов: «тяжелые» слоги, в состав которых входят долгие гласные или кластеры согласных, притягивают ударение: *'concrete, 'degree, mo'desty, cha'racter*. При этом состав слов, в частности длительность гласных, может изменяться: *'e[ɪ:]vent, compe'ti[tɪ:]tion*;
- ударение не меняется в связи с изменением грамматической категории слов: следующие слова, например, могут быть существительными, глаголами или прилагательными: *'conduct, 'insult, 'present*;
- в сложных словах и в аббревиатурах ударение падает только на первый элемент: *'north-east, 'college canteen, 'BBC, 'TV* [Gargesh, 2004; Pandeu, 2015; Sailaja, 2009].

Африканские варианты английского языка в Камеруне и Нигерии сочетают в своих правилах расстановки ударения типично британскую (германскую) тенденцию выделять первый слог корневой основы наряду с инновациями, согласно которым ударение продвигается ближе к концу слова. При этом в целом ряде слов не допускаются исключения из правила рецессивной тенденции, которыми изобилует исходный британский вариант. Например: *'canoe, 'diploma, 'umbrella*. Носители африканских вариантов английского языка следуют правилу различения частей речи: *'success, 'advice, 'applause* (сущ.); *kid'nap, pur'chase* (гл.).

- «тяжелые» слоги с дифтонгами и сочетаниями согласных так же, как и в азиатских вариантах, притягивают ударения: *veri'fy, sur'vey, exer'cise, cha'llenge, or'chestra, Pro'testant*;
- инновации состоят в продвижении ударения к концу слова, что может быть связано с окончанием слова на определенные гласные или согласные: гласная [i] *cu'rry, bis'cuit, te'nnis*; согласный [n] *mar'a'thon, vac'cine*. Не все случаи «продвигающегося» (forward) ударения поддаются объяснению: *fu'el, mo'del, sa'lad* [Bobda, 2010].

Обобщая наиболее часто встречающиеся тенденции норморазвивающих типов английского произношения в постколониальных странах Юго-Восточной Азии и Африки, следует отметить сверхгенерализацию, т. е. следование правилам

рецессивного ударения без исключений, а также влияние квантитативного принципа, выделяющего «тяжелые» слоги с долгими гласными, включая дифтонги, и с кластерами согласных.

Важным моментом модификаций ударения в разных странах этой группы следует считать частотность употребления тех специфических моделей, которые иллюстрируют их национальную идентичность. Специальный лабораторный эксперимент (чтение списка слов) показал, что образованные люди в Индии используют 70% моделей, согласующихся с британскими образцами, и только 30% слов произносились с модифицированными моделями ударения. Однако многие были непоследовательны при выборе определенной модели, проявляя значительную индивидуальную вариативность.

НОРМОЗАВИСИМЫЕ СТРАНЫ: СМЕШЕНИЕ НОРМ И ВЛИЯНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА

В странах, где английский язык как средство международной коммуникации усваивается первоначально в средней школе, а затем в вузе, т. е. через образование, а не естественное межличностное общение, выбор нормы зависит от языковой политики государства в области образования (norm-dependent countries). В России традиционно, как и в Европе, изучали британский вариант произношения, на овладение которым была направлена методика преподавания английского языка, в отличие, например, от Бразилии, где образцом принят американский вариант. В Китае еще со времен колонизации также главенствовал британский вариант, и его преподавали в школах миссионеров, но он к тому же присутствовал в сильно модифицированном, искаженном виде как пиджин, язык торговли с китайцами. В современном Китае обучение английскому языку также начинается в средней школе.

Своеобразие современного состояния английского языка состоит в том, что наряду со школой существуют другие, самые разнообразные источники усвоения произносительных норм, что приводит к их смешению, прежде всего за счет влияния американского типа произношения. Тем не менее влияние фонологической системы родного языка представляет собой самый сильный фактор, модифицирующий учебную норму. Для русскоязычных обучаемых такими признаками влияния родного языка считаются следующие:

- квантитативный принцип (опора на долгую гласную в ударном слоге) проявляется

в переносе ударения на дифтонг в глаголах типа: *recog'nize, memo'rise, exer'cize*. Возможно, типичное смещение ударения в слове *'hotel* также объясняется действием этого принципа в сочетании с рецессивной тенденцией;

- русскоязычные обучаемые следуют принципу кульминации артикуляционного усилия в одном ударном слоге, игнорируя ритмическую тенденцию, которая требует присутствия дополнительных, второстепенных ударений в длинных многосложных словах: *demons'tration, categori'zation, 'gooseberry*;
- ряд сегментных характеристик, в отличие от чисто просодических, приводит к ослаблению контраста между ударными и безударными слогами в английском слове. Это не нарушает правил расстановки ударения, но снижает степень выделения ударного слога, а значит и узнавания звукового облика слова в целом. К ним относятся: недифференциация долгих и кратких гласных: *school leaver – liver*; отсутствие аспирации в глухих смычных согласных ударного слога: *Peter, cookies, team work*.

Приведем примеры смешения норм, т. е. типично американского ударения на фоне британского произношения: *de'tails, 'magazine, 'research*.

В целом русскоязычные обучаемые своим лингвистическим опытом как в родном, так и в иностранном языке подготовлены к когнитивной задаче улавливать, воспроизводить и запоминать каждое слово с определенной акцентной структурой. Сходство фонологических функций и акустических коррелятов (длительность, высота голоса, интенсивность, качество ударного гласного) динамического ударения в русском и английском языках способствует тому, что тактосчитающий ритм не разрушает облик слова в иностранном языке. Русскоязычные обучаемые, как показали экспериментальные данные, только ослабляют, но не смещают английское словесное ударение.

Иная картина соотношения правил и средств выделения ударных слогов обнаруживается в изолирующих, «тональных» языках со слогосчитающим ритмом, каким является китайский. Строго говоря, в китайском языке ударения нет, а первый слог в дисиллабах выделяется тем, что в нем лексический тон выражен ярче, чем во втором слоге, на котором может реализоваться так называемый «нейтральный» тон. При этом длительность этих двух слогов отличается незначительно, по крайней мере, по сравнению с английским безударным слогом. Английский язык с китайским акцентом характеризуется отсутствием редукции в безударных

словах, присутствием эпентезы (вставной гласной), что обеспечивает открытость слогов и исчезновение скоплений согласных, т. е. реструктурирование английских слогов. Но главная особенность лексических единиц состоит в том, что высота тона и его конфигурация являются определяющими акустическими коррелятами выделенности и семантики слов. Интенсивность и длительность в большей степени участвуют в структурировании дискурса, т. е. на уровне предложений и высказываний.

Выводы

Представленный обзор принципов модификаций английского лексического (словесного) ударения в трех типах стран (по классификации Б. Качру), где орфоэпическая норма либо канонизирована в словарях (нормообразующие), либо развивается под давлением контактирующих языков-субстратов (норморазвивающие), либо, наконец, воспринимается как данное (нормозависимые), но также зависимые от интерференции первых языков, показывает, как разнообразен англоязычный дискурс даже в такой относительно стабильной части фонологии, как лексическое ударение.

Две основные нормы, британская и американская, конкурируют и присутствуют во всех пяти странах первой группы, но в разных пропорциях.

Специфические национальные модели ударения составляют примерно 23–24% в таких странах, как Канада, Австралия и Новая Зеландия, в то время как различие между Британией и США составляет 2,5%.

Образованные люди в странах второй группы способны воспроизводить до 70% британских образцов ударения, в то время как 30% слов отмечены локальными модификациями ударения, обусловленными принципами количественного подхода, сверхгенерализации усвоенных правил и прочими результатами воздействия языков-субстратов.

Русскоязычные и другие обучаемые, которые знакомятся с правилами английского ударения в условиях образовательного процесса, по-разному модифицируют эти правила. В связи с типологическим сходством русского и английского ударения искажения акцентной структуры английских слов минимальны, и в большей степени относятся к ослаблению степени выделения ударного слога. Отмечается также смешение норм из разных источников обучения. В странах, где первый язык обучаемых – изолирующий слогосчитающий «тональный», как, например, мандаринский китайский, роль высотного компонента оказывается ведущей, а отсутствие редукции безударных слогов и реструктурирование слогов за счет эпентезы является значительным искажением звукового облика слов, в том числе лексического ударения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hulst van der H. The study of word accent and stress: past, present and future // Hulst van der H. (ed.) *Word Stress. Theoretical and Typological Issues*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 3–55.
2. Бурая Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. *Фонетика современного английского языка. Теоретический курс*. 5-е изд., испр. М.: Академия, 2018.
3. Crystal D. *Sounds Appealing. The passionate story of English pronunciation*. London: Profile Books Ltd., 2018.
4. Jenkins J. *The phonology of English as an international language. New Models, New Norms, New Goals*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
5. Шевченко Т. И. *Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики для бакалавров*. Дубна: Феникс+, 2011.
6. Cutler A. *Native listening: Language experience and the recognition of spoken words*. Cambridge, MA: MIT Press, 2012.
7. Бурая Е. А. Акцентуация в британском и американском вариантах английского языка: конвергенция или дивергенция? // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. Вып. 1 (580). 2010. С. 23–41.
8. Шевченко Т. И., Поздеева Д. Т. Фонетическая форма и частотность «третичного» ударения в британском, американском и канадском вариантах английского языка // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. Вып. 5 (821). 2019. С. 259–269.
9. Шевченко Т. И., Бурая Е. А. Словесное ударение в пяти национальных вариантах английского языка: ритмические тенденции // *Вестник МГУ. Серия 9 «Филология»*. № 4. 2020. С. 65–79.
10. Lindsey G. *English after RP. Standard British pronunciation today*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019.
11. Gargesh R. *South Asian Englishes // The Handbook of World Englishes / B. B. Kachru, Ja. Kachru, C. L. Nelson (eds.)*. Wiley-Blackwell, 2006. P. 90–113.

12. Low E. I. English in Southeast Asia // The Handbook of World Englishes / C. L. Nelson, Z. G. Proshina, D. R. Davis (eds.). 2nd edition. Hoboken, NJ.: Wiley-Blackwell, 2020. P. 135–153.
13. Gargesh R. The Phonology of English in India // Varieties of English: Africa / Southeast Asia / India / ed. by R. Mesthrie. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. P. 187–197.
14. Pandeu P. Indian English Pronunciation // The Handbook of English Pronunciation / ed. by M. Reed, J. M. Levis. Chichester: Wiley Blackwell, 2015. P. 301–319.
15. Sailaja P. Dialects of English: Indian English. Edinburgh University Press, 2009.
16. Bobda A. S. Word stress in Cameroon and Nigerian Englishes // World Englishes. 2010. № 29 (1). P. 59–74.

REFERENCES

1. Hulst, van der H. (2014). The study of word accent and stress: past, present and future. In Hulst van der H. (ed.), *Word Stress. Theoretical and Typological Issues* (pp. 3–55). Cambridge: Cambridge University Press.
2. Buraya, E. A., Galochkina, I. E., Shevchenko, T. I. (2018). *Fonetika sovremennogo anglijskogo yazyka. Teoreticheskij kurs = Phonetics of Contemporary English. Theoretical Course. 5th ed., revised.* Moscow: Akademiya. (In Russ.)
3. Crystal, D. (2018). *Sounds appealing. The passionate story of English pronunciation.* London: Profile Books Ltd.
4. Jenkins, J. (2001). *The phonology of English as an international language. New Models, New Norms, New Goals.* Oxford: Oxford University Press.
5. Shevchenko, T. I. (2011). *Fonetika i fonologiya anglijskogo yazyka: Kurs teoreticheskij fonetiki dlya bakalavrov = Phonetics and phonology of the English language: A course of theoretical phonetics for bachelors.* Dubna: Feniks+. (In Russ.)
6. Cutler, A. (2012). *Native listening: Language experience and the recognition of spoken words.* Cambridge, MA: MIT Press.
7. Buraya, E. A. (2010). Accentuation in British and American English: Convergence or Divergence. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(580), 23–41. (In Russ.)
8. Shevchenko, T. I., Pozdeyeva, D. T. (2019). Phonetic shape and frequency of “tertiary” stress in British, American and Canadian English. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(821), 259–269. (In Russ.)
9. Shevchenko, T. I., Buraya, E. A. (2020). Word stress in five national variants of the English language: Rhythmical tendencies. *MSU Vestnik. Series 9. Philology*, 4, 65–79. (In Russ.)
10. Lindsey, G. (2019). *English after RP. Standard British Pronunciation Today.* Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan.
11. Gargesh, R. (2006). South Asian Englishes. In Kachru B. B., Kachru Ja., Nelson C. L. (eds.), *The Handbook of World Englishes* (pp. 90–113). Wiley-Blackwell.
12. Low, E. I. (2020). English in Southeast Asia. In Nelson C. L., Proshina Z. G., Davis D. R. (eds.), *The handbook of World Englishes* (pp. 135–153). 2nd ed. Hoboken, NJ.: Wiley-Blackwell.
13. Gargesh, R. (2004). The Phonology of English in India. In Mesthrie R. (ed.), *Varieties of English: Africa / Southeast Asia / India* (pp. 187–197). Berlin: Mouton de Gruyter.
14. Pandeu, P. (2015). Indian English pronunciation. In Reed M., Levis J. M. (eds.), *The handbook of English pronunciation* (pp. 301–319). Chichester: Wiley Blackwell.
15. Sailaja, P. (2009). *Dialects of English: Indian English.* Edinburgh University Press.
16. Bobda, A. S. (2010). Word stress in Cameroon and Nigerian Englishes. *World Englishes*, 29(1), 59–74.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко Татьяна Ивановна

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

Романова Екатерина Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shevchenko Tatiana Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor, Professor at the Department of English Phonetics, English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Romanova Ekaterina Yurievna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of English Phonetics, English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 25.12.2021

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 25.12.2021

Научная статья
 УДК 82.32
 DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_150

Неклассические принципы сюжетосложения в лирических рассказах Ю. Казакова

А. А. Боровская¹, О. Г. Егорова², Л. В. Спесивцева³

^{1,3}Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹borovskaya-anna@bk.ru

²o.egorova@linguanet.ru

³kriovalubov@bk.ru

Аннотация. Авторы статьи обращаются к актуальной для современного литературоведения теме лиризации повествования в русской прозе второй половины XX века. Цель исследования – анализ приемов и принципов построения сюжета в рассказах Ю. Казакова, обусловленных проникновением лирических интенций в эпический текст. В работе используются структурный, мотивный и компаративистский методы анализа. Материалом для исследования послужили рассказы «Некрасивая», «Плачу и рыдаю», «На острове», «Манька», «Поморка», в которых наиболее репрезентативно реализуются неклассические принципы сюжетосложения (ассоциативно-лейтмотивный способ повествования, параллельный сюжет, «рефлексивный» сюжет и др.).

Ключевые слова: Ю. Казаков, лирическая проза, рассказ, повествование, сюжетосложение, мотив, лиризация, подтекст

Для цитирования: Боровская А.А., Егорова О.Г., Спесивцева Л.В. Неклассические принципы сюжетосложения в лирических рассказах Ю. Казакова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 150–158. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_150

Original article

Non-Classical Principles of Plot Composition in the Lyric Short Stories by Y. Kazakov

Anna A. Borovskaya¹, Olga G. Egorova², Lubov V. Spesivtseva³

^{1,3}Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹borovskaya-anna@bk.ru

²o.egorova@linguanet.ru

³kriovalubov@bk.ru

Abstract. The authors of the article turn to a topic, which is relevant for modern literary science – lyricization of narration in the Russian prose of the second half of the twentieth century. The purpose of the research is to study the basic techniques and principles of plot composition in the short stories by Y. Kazakov derived due to the penetration of lyrical intentions into the epic text. The work includes structural, motivational and comparative methods of analysis. The short stories under analysis are “Ugly”, “Crying and Crying”, “On the Island”, “Man’ka”, “Pomorka”, where non-classical principles of plot composition are most representative (associative-leitmotif way of narration, a parallel plot, “reflexive” plot and others).

Keywords: Y. Kazakov, lyric prose, short story, narration, plot composition, motive, lyricization, subtext

For citation: Borovskaya, A. A., Egorova, O. G., Spesivtseva, L. V. (2022). Non-classical principles of plot composition in the lyric short stories by Y. Kazakov. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 150–158. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_150

ВВЕДЕНИЕ

Процесс обновления и перестройки традиционных эпических форм в творчестве Ю. П. Казакова определяется «смещением» границы между поэзией и прозой. Усиление лирического начала в рассказах писателя обуславливает их взаимодействие со смежными неканоническими жанрами – портретным (или этнографическим) очерком, миниатюрой, философским фрагментом, импрессионистской зарисовкой, путевой медитацией. Цель исследования – выявить основные принципы сюжетосложения как один из способов лиризации повествования в рассказах Ю. П. Казакова, определяющий их жанровый облик.

Значительный вклад в изучение художественного своеобразия прозы Ю. П. Казакова в последние десятилетия внесли публикации ряда ученых: Н. А. Чекулиной, Н. Г. Махиной, Г. А. Саввиной, А. М. Панфилова, А. П. Иванова, Н. Е. Егниновой, в которых особое внимание уделяется проблеме лиризации повествования, способам выражения авторского сознания, характеристике особенностей сюжетной организации его рассказов. А. А. Кузнецова в исследовании «Проза Ю. Казакова: проблематика и поэтика» отмечает такие черты художественного метода писателя, как «особый казаковский подтекст» и метафоричность [Кузнецова, 2001]. Проза Ю. П. Казакова наряду с произведениями других авторов становится объектом анализа в диссертации А. П. Казаркина, в которой особое внимание уделяется принципам построения сюжета, образной системе и комплексу типологически схожих мотивов в творчестве писателей 1950–1970-х годов [Казаркин, 1974].

СО-ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ КАК ПРИНЦИП СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЯ В РАССКАЗАХ Ю. П. КАЗАКОВА

Жанр рассказа традиционно противопоставлен новелле как «форма, открытая миру и не имеющая внутренней завершенности» [Михайлов, 1984, с. 247]. Сюжет в традиционном понимании часто в нем отсутствует, всё построено на ассоциативности, тонкой игре сознания, отсюда более глубокий психологизм, большая экспрессия, медитативность.

Художественное своеобразие лирического рассказа обусловлено «тенденцией к вплетению поэтических приемов в основную прозаическую, нарративную канву текста» [Шмид, 1998, с. 132]. Одним из таких приемов является использование системы антиномий и оппозиций как фактора, регулирующего развитие действия. Так, в рассказе «Некрасивая» (1956) центральный

эпизод – свидание Сони и Николая – становится наивысшей точкой развития действия, где локальный конфликт, основанный на противопоставлении красивого, но грубого и пустого внутри Николая и внешне некрасивой, но полной веры в «чистоту человека» Сони перерастает в субстанциональный: диссонанс между «красотой мира», гармонией природы: «...но теперь ей светили звезды. Нежно пахло сеном и придорожной пылью. От сияния Млечного Пути тьмы полной не было...» (Ю. П. Казаков. *Некрасивая*), и абсолютным хаосом, надрывом потерянной, одинокой души главной героини: «Она стягивала рукой ворот у горла, думала, полегчает, но не легчало. Она пробовала заплакать, но звук, вырвавшийся из груди, был так низок и страшен, что она испугалась, сидела окаменев» (Ю. П. Казаков. *Некрасивая*), отражает неразрешимое противостояние индивида с отчужденной от него действительностью, ситуацию вечной неустранимо-безысходной разорванности человека. Героиня рассказа находится в пограничной ситуации: осознание собственной непривлекательности, ненужности другому становится кажущейся точкой невозврата: «У-у! – Сказала Соня всё тем же низким, страшным голосом. – У-у!..» (Ю. П. Казаков. *Некрасивая*). В основе сюжета лежит лирическое событие, которое, по определению И. В. Силантьева, предполагает «качественное изменение состояния лирического субъекта, несущее экзистенциальный смысл для самого лирического субъекта и эстетический смысл для вовлеченного в лирический дискурс читателя» [Силантьев, 2009, с. 29]. Однако конфликт разрешается в финале произведения: героиня, преодолевая страх и отчаянье, переживает катарсис и обретает смысл жизни, надежду на дальнейшее счастливое существование, прежде всего благодаря восприятию прекрасного, «рассредоточенного» во вселенной: «Она вдруг увидела пронзительную красоту мира, и как, медленно перечеркивая небо, валились звезды, и ночь, и далекие костры, <...> и добрых людей возле этих костров и почувствовала уже усталую, покойную силу земли. <...> Она подумала о себе, что она все-таки женщина, и что, как бы там ни было, у нее есть сердце, есть душа, и что счастлив будет тот, кто это поймет» (Ю. П. Казаков. *Некрасивая*).

В художественной картине мира Ю. П. Казакова человек является составным элементом вселенского универсума. Процесс гармонизации личности и природы, постижения прекрасного и осмысления себя как его неотъемлемой части, лежащий в основе сюжета, соотносится с концепцией «естественного человека» в лирической прозе писателя. «Природный» человек Ю. П. Казакова,

с одной стороны, восходит к традиции сентиментализма (в частности, к философии Ж.-Ж. Руссо), с другой – типологически близок романтическому герою – исключительной личности.

Однако событийный ряд формирует только внешний сюжет произведения, особую роль в тексте играют внефабульные связи между фрагментами. В рассказе внешнее действие менее выражено, чем внутреннее, и служит «толчком к освобождению внутреннего процесса, в котором сосредоточивается главный интерес сюжета» [Ауэрбах, 2017, с. 530–531]. Особое место в организации внутреннего сюжета отводится несовершенному минус-действию. Так, финал рассказа остается открытым: мотив поиска счастья и любви только намечен, судьба героини не определена. К разряду минус-действий можно отнести и сквозной для всего произведения мотив неоконченного пути: «Соня пошла дальше, и ей стало совсем легко» (Ю. П. Казаков. *Некрасивая*).

Противоречие между осознанием себя, собственной смертности и величием вечной красоты природного мира формирует сюжет рассказа-размышления «Плачу и рыдаю» (1963), который в жанровом отношении представляет собой синтез физиологического очерка, зарисовки и медитативной миниатюры (по аналогии с «Записками охотника» И. С. Тургенева). Героев своего рассказа Ю. П. Казаков изображает в «ситуации “вычленения” из привычной среды обитания», «будничного житейского круга» [Галимова, 1992, с. 21, 22]. «Прекрасный весенний вечер» во время тяги поражает и опьяняет Хмолина, Елагина и Ваню своей красотой, обилием звуков и запахов: «Оттаявшая земля резко шибала в нос, хотя из оврагов тянуло еще снежным холодом» (Ю. П. Казаков. *Плачу и рыдаю*). Герои тонко чувствуют красоту оттаявшего мира.

Воодушевленные результатами охоты и очарованные сумеречным лесом Ваня, Хмолин и Елагин отправляются в избушку потрошить вальдшнепов. Вид мертвой птицы становится своеобразным катализатором раздумий героев о смерти. Позиция автора-повествователя раскрывается в русле экзистенциальной аксиологии: неизбежность смерти заставляет прочувствовать ценность каждого мгновения бытия. Картина предрасветного пейзажа приводит героев к пониманию целесообразности процессов смены форм жизни и смерти как неизменного закона миропорядка. При внешней бессобытийности рассказа его сюжетная динамика основана на диалектике мыслеобраза (запаха, цвета, звука). Фабульное движение заменено развитием тем и мотивов: это воспоминания о прошлом, мечты о счастье, медитативные размышления о смысле

человеческой жизни, импрессионистские впечатления и пейзажные зарисовки.

Одним из способов усиления лирического начала в рассказе «Плачу и рыдаю» служит несовпадение личной формы глагола в заглавии (первое лицо) и безличное повествование в самом произведении. Таким образом лирические интонации, акцентированные в рамочном компоненте, который, как известно, представляет собой сферу авторских интенций, проникают во внутритекстовую реальность, сокращая дистанцию между автором и героями. Созданию лирического плана в рассказе помогает также прием градации, основанной на плеоназме (*плакать* и *рыдать* – глаголы синонимического ряда), подобная суггестия в большей степени характерна для поэтического текста. Само название рассказа прецедентно и содержит реминисценцию, отсылающую к словам религиозного философа Иоанна Дамаскина: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть». Аллюзивная семантика заглавия вводит в рассказ тему смерти, а «чужое» слово вводит монологическую речь повествователя в поле диалога, преобразуя ее.

ПОДТЕКСТ КАК ФАКТОР СЮЖЕТООБРАЗОВАНИЯ В РАССКАЗАХ Ю. П. КАЗАКОВА

Один из продуктивных принципов конструирования неклассического сюжета в лирических рассказах Ю. П. Казакова является актуализация подтекстовой сферы и формирование дополнительного иносказательного плана. Яркий образец подобного сюжетостроения – событийная канва рассказа «Манька» (1958). В художественной картине мира Ю. П. Казакова стихии воды и воздуха тесно связаны друг с другом, образным воплощением подобного взаимодействия является морской шторм. Смысловая локализация сюжета в рыбацком карбасе, замещающая собой всё пространство второй части рассказа, позволяет Ю. П. Казакову добиться концентрации на скрытом, иносказательном, психологическом плане повествования. И. В. Арнольд полагает, что подтекст как «один из видов подразумевания <...> реализуется в макроконтексте целого произведения, на референтном масштабе не эпизода, а сюжета, темы или идеи произведения» [Арнольд, 1999, с. 77]. Нагнетание атмосферы ужаса от приближающегося природного катаклизма посредством троекратного анафорического повтора в начале каждого абзаца «Шторм идет!»; разнообразных приемов создания экспрессионистского «бурного» морского пейзажа, в частности, использования

неопределенно-личных местоимений: «Ни неба, ни моря вдали не было. Было *что-то* черное, туманное, бесстыдно, нагло возбужденное, взлохмаченное, а в *черноте* этой одни гребни волн холодно и жестоко белели» (Ю. П. Казаков. *Манька*); цветовых контрастов: «приближающаяся черная полоса», «мутно-белый шипящий раскат»; эмоционально-оценочных эпитетов, основанных на антропоморфных олицетворениях (*нагло, жестоко, бесстыдно, возбужденное, взлохмаченное*), зооморфных сравнений и уподоблений: «А море ревело, будто громадный буйный зверь, и будто зверь, понимало, опускало на своей спине опрокинутый карбас...» (Ю. П. Казаков. *Манька*), звуковых характеристик: «...а сзади слышался нарастающий, как от поезда, гул» (Ю. П. Казаков. *Манька*) – соответствует усилению внутренней, душевной драмы героини. Затихание разбушевавшейся стихии приводит к укрощению и разрушительной, «дикой» страсти в сердце героини, к обретению цельности и гармонии с собой. Морская стихия выступает в качестве романтического образа-символа, своеобразного катализатора, подталкивающего к переосмыслению нравственных ценностей, освобождению и проявлению подлинных чувств. Так, Перфилий в неравной схватке со штормовым морем ощущает низменность и примитивность своей инстинктивной любви к Ленке и пытается заглушить ее в себе. Манька, напротив, подчиняется власти «отчаянной», «первой тайной любви» («...в темноте, ей хотелось света, воздуха, хотелось увидеть Перфилия...»). Однако после того, как схлынула «зловещая, закрученная волна», также отступили «стыд» и «ужас» плотского желания: «– Я тебе не какая-нибудь! Ленку свою целуй, ступай к ней. А я еще нецелованная! – с усилием проговорила Манька...» (Ю. П. Казаков. *Манька*). Несмотря на любовь к Перфилию, героиня протестует против темных инстинктов («дико взглянула», «он притворившись тоже диким»), оберегает чистоту, нерастраченность и возвышенность первой влюбленности. Обращаясь к психологическому параллелизму как способу передачи внутренних переживаний персонажа, автор моделирует «двойной» сюжет, благодаря которому происходит слияние фабулы, воссоздающей зарождение и развитие любовного чувства героини на фоне борьбы с морской стихией, и символической ситуации очищения от аффективной страсти и поиска-обретения цельности и самости. Неслучайно именно вода становится той силой, которая обнажает подлинную сущность персонажей, служит причиной их преображения. Образ «неспокойной» воды вводит в повествование эсхатологический мотив, в контексте которого

семантика архетипа раскрывается в комплексе противоположных смысловых потенциалов, в той или иной степени нашедших отражение в рассказе Ю. П. Казакова: «великий первозданный хаос», «начало и конец всего сущего», «метафора смерти и возрождения», «воплощение мужской и женской плодотворной силы», «символ неизмеримой, безличной мудрости».

На корреляции фабульного и иносказательно-го планов построен и сюжет рассказа «На острове» (1958). Событийный ряд накладывается на описание душевного состояния героев, которое и составляет основу произведения. Центральный эпизод в рассказе – встреча ревизора Забавина и Августы, начальника метеостанции в глухом северном становище. Возникшие между ними симпатия и влюбленность изначально неравнозначны: Забавин женат и живет с семьей в Архангельске, молодая девушка «заперта» на небольшом острове и кроме небольшого поселка ничего не видела в своей жизни. Для героя романтические чувства – всего лишь сиюминутное увлечение (симптоматична его фамилия), попытка вернуться в юность, возродить забытое ощущение счастья: «... почувствовал внезапно то, <...> что чувствовал он в молодости, когда влюблялся в девочек-школьниц...» (Ю. П. Казаков. *На острове*); для неискушенной Густы – это мечта о свободе и счастье, возможность вырваться из ограниченного пространства захолустья, испытать доселе неизведанное: «– Что это у нас? – спрашивала Густа. – Это счастье? Скажите! Я не знаю...» (Ю. П. Казаков. *На острове*). Однако обстоятельства вмешиваются и разрушают планы главных героев: «А вечером, когда Забавин собрался последний раз к Густе, к острову подошла шхуна. Она появилась внезапно, как судьба...» (Ю. П. Казаков. *На острове*). Развязкой сюжета является сцена расставания на пирсе, драматический пафос в изображении которой подчеркивает невозможность перемен: каждый из персонажей возвращается к начальной точке отсчета. Подобное реверсивное движение событий, а также кольцевое построение текста позволяют на уровне сюжетно-композиционной организации реализовать концепцию циклического времени, которая соответствует замкнутому островному пространству, ассоциирующемуся с фигурой круга; иллюстрируют авторскую мысль о повторяемости происходящего, о невозможности выйти за пределы очерченной границы, привычного набора предметов и явлений.

В первой части рассказа Забавин посещает старое кладбище, где у могильной плиты размышляет об одиночестве и бренности человеческого существования, о преемственности и связи поколений: «Тогда Забавин сел на одну из плит

лицом к морю и долго сидел неподвижно, подавшись грустному очарованию осени, забытого кладбища, думал о тех, кто жил здесь, может быть, не одну сотню лет назад» (Ю. П. Казаков. *На острове*). Подобная клишированная схема типологически родственна лирическому сюжету классической «кладбищенской» элегии. Элегический модус художественности в рассказе Ю. П. Казакова вводит в повествование мотив воспоминания об ушедших, а также репрезентует ярко выраженное медитативное начало произведения: во второй части после зарисовки-экспозиции следует развернутый медитативный диалог о путях и возможностях человека, о сущности счастья и любви, о закономерном итоге собственной жизни.

Параллельный сюжет в лирическом рассказе формируется благодаря взаимодействию символических мотивов (света и сияния, молчания и гула) и лейтмотивных образов (острова, звезды-маяка, тумана, ревуна, башни). Описания природного и антропоморфного мира в рассказе выступают в качестве символических эквивалентов соответствующим элементам сюжета: каждое психологическое событие имеет свою смысловую иносказательную параллель. Движение «двойного» сюжета можно представить следующим образом: приезд героя на остров и посещение кладбища / нашествие тумана, «поглотившего все звуки» (метафорическое обозначение временной смерти) – встреча с Густей и зарождение романтического чувства / гудение ревуна (символ стихийной, всепоглощающей запретной страсти) – искушение героини, поцелуй / наступление тьмы (знак потерянности и плутания) – неудавшееся соблазнение / свет маяка и сияние «пронзительных звезд», рассеивание тумана (метафора очищения и стремления к невидимому миру) – расставание и отъезд Забавина с острова / неожиданное появление шхуны (знак неотвратимости судьбы). Конструируя иносказательный сюжет, Ю. П. Казаков обращается к амбивалентному образу-мифологеме [Горницкая, 2012, с. 67], который не может быть интерпретирован однозначно. Он одновременно прочитывается и как остров-рай: «...когда вы уедете отсюда, вам обязательно будет вспоминаться этот остров <...> и вы поймете, что счастливы были именно здесь» (Ю. П. Казаков. *На острове*), и как остров мертвых: «Куда хватало глаз, все застыло <...> было неподвижно, безлюдно и мертво» (Ю. П. Казаков. *На острове*) – в зависимости от субъекта – носителя точки зрения.

В параллельном сюжете рассказа объединяются две архетипические схемы. Сюжет изгнания из рая предполагает утрату героем острова (вынужденный отъезд Забавина). Изгнание подталкивает

Забавина к поискам жизненного пути, а это путешествие превращается из однонаправленного в хаотические скитания. Отношения с другими людьми у изгнанного из рая героя поверхностны, мимолетны и случайны (для Забавина влюбленность в Густю – командировочный роман), все попытки завязать дружеские или интимные взаимоотношения ограничены во времени. Мотив изгнания из рая обуславливает фабульную незавершенность, намек на предполагаемое дальнейшее развитие действия, которые, однако, так и остаются нереализованными. В финале произведения объективность самого сюжета подвергается сомнению, неопределенная модальность события, обозначенная автором-повествователем, переводит его в разряд возможно вероятностных: «И он лежал и, скорбно сжав губы, всё думал о Густе и об острове, <...> и он не знал уже, во сне ли это, наяву ли...» (Ю. П. Казаков. *На острове*). В то же время динамика переживаний главного героя вызывает в памяти «сюжет смерти-воскресения»: герой переживает духовную смерть и попадает на остров, затем оказывается изгнанным из рая и «воскресает», возвращаясь в водную жизнь и изменившись внутренне. Инициационный характер сюжета воспроизводит ситуацию лиминальности – «отчужденности героя от фиксированного пространства и времени, промежуточности положения» [Ратиани, 2008, с. 195].

Рассказ «На острове» состоит из трех частей, эпические фрагменты чередуются с лирическими, которые, в свою очередь, образуют некое семантическое единство, условно обозначенное нами как «рефлексивный» сюжет. К разряду авторских отступлений как потенциальных индикаторов контекстового целого тяготеют «медитативные вставки» (такие композиционные элементы, отличающиеся выходом субъекта высказывания за пределы сюжетного ряда), в которых содержатся размышления героев о любви и счастье.

АССОЦИАТИВНО-ЛЕЙТМОТИВНЫЙ СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ СЮЖЕТА В РАССКАЗАХ Ю. П. КАЗАКОВА

Во многих лирических рассказах Ю. П. Казакова лейтмотивные элементы организуют нарративную схему, порождая ассоциативные коннотации, основанные на произвольности связей между фрагментами. «Голубое и зеленое» (1956) представляет собой яркий образец рассказа-впечатления. В заглавие вынесены определения, не относящиеся к конкретному предмету, «повисшие в воздухе» [Егнинова, 2006, с. 103], обозначающие признаки

(качества) могут быть отнесены ко всему образному ряду внутри текста, что порождает множественность вариаций. Такая недосказанность позволяет читателю обратить внимание на сочетание цветowych обозначений в рассказе. Роль своеобразного «обрамляющего» сюжета играет любовная линия. Сюжет намечен пунктиром и композиционно основан на диалектическом триединстве: «тезис – антитезис – синтез». Знакомство юноши с Лилей и зарождение взаимного любовного чувства противопоставлены его угасанию у девушки, которая взрослеет раньше, расставание в финале произведения знаменует переход характеров на новый виток развития: Лиля реализует потенциальный вариант судьбы лирического героя (поездка на север с мужем), он же, напротив, «застревает» в прошлом, постепенно преодолевая боль утраты и ощущая «пульсирование» жизни, ход времени.

Лирическая атмосфера рассказа создается во многом за счет особого ритма, основанного на многократном повторе событий, слов, отдельных реплик, синтаксических единиц. Сюжетообразующую функцию выполняет мотив движения: начало неопределенного колебания в пространстве: «Наконец, мы трогаемся...» соответствует постепенному зарождению первого чувства «И вот мы идем рядом...», а само перемещение оказывается родственным любовному переживанию: «Я готов ходить (с Лилей) бесконечно», «Я не знал, что любовь может быть бесконечной» (Ю. П. Казаков. *Голубое и зеленое*). В этот период, когда чувства юноши и девушки взаимны, они движутся в одном направлении, процесс охлаждения и эмоционального отдаления Лили также передан опосредованно, через эквивалентные образы и мотивы: вектор движения меняется, а расстояние между персонажами увеличивается: «она уходит от меня всё дальше и дальше», «она ушла от тебя в такую дальнюю даль, где тебе ее уже не достать». Тягостное ощущение пространства усугубляется в момент двух последних встреч. Разрушающий бег времени противопоставлен статическому положению лирического героя, неслучайно его отождествление с неодушевленными «застывшими» предметами: «Я стою, и мимо меня идут люди, обходят меня, как столб, как вещь» (Ю. П. Казаков. *Голубое и зеленое*).

Событийность рассказа определяется соответствиями и противопоставлениями, возникающими на разных уровнях: ситуационном (противопоставлены стадии любви героев), лексическом (в речи отражается взросление героя, выраженное орнаментальными поэтическими приемами), лейтмотивном (мотивы цвета, движения, запаха варьируются, указывая на изменения).

Отличительной особенностью рассказов-зарисовок, рассказов-медитаций и рассказов-воспоминаний является размытость и аморфность сюжета. В качестве фактора, определяющего развитие сюжета, выступает принцип конструирования и нанизывания образных и мотивных рядов. Рассказ «Поморка» (1957) представляет собой пример такой очерковой зарисовки, в нем практически отсутствует действие, в центре – биография Марфы, старожилы глухой северной деревушки, которая изложена в форме диалога героини с рассказчиком. Создавая образ поморки, Ю. П. Казаков использует принципы локализации и универсализации: целенаправленное концентрирование на избранном участке жизни, на определенном региональном типе, на «физиологическом описании» быта жительницы Севера не исключает, а напротив, предполагает расширение границ интерпретации собирательного образа до уровня символического обобщения: «Странно мне слушать это – будто бабка моя молится, будто мать свою слышу сквозь сон, будто все мои предки, мужики, пахаря, всю жизнь, с детства и до смерти пахавшие, косившие, положенные, забытые по погостам, родившие когда-то хлеб и другую, новую жизнь, будто это они молятся – на за себя, за Русь, – неведомому богу старозаветному, доброму Николе-угоднику» (Ю. П. Казаков. *Поморка*). В типологическом плане Марфа близка героини рассказа В. Г. Распутина «Старуха». Помимо очевидного портретного сходства главных персонажей два произведения роднит мотив предчувствия собственной смерти и приготовления к ней, лежащий в основе сюжета: «Какая-то торжественная перемена происходит у нее глубоко в душе. И эту перемену она воспринимает как знак, как предзнаменование скорой смерти. <...> И я вижу, как лазит она в сундук, разглядывает свое смертное: чистую рубаху, уже пожелтевшую и пропахшую деревом сундука, просторный белый саван, платье...» (Ю. П. Казаков. *Поморка*). Такое понимание смерти восходит к житийной литературе: святой ждет смерть, знает день и час своего преставления, спокойно напутствует остающихся жить и с миром предаёт душу Господу – смерть, таким образом, престаёт быть событием, а превращается в успение, в смысл подвижничества, т. е. движения к цели – воссоединения с Богом. Концепция святости в рассказе обуславливает особую роль мотивов праведничества и «посвященности» (Марфа молится за всех, кто находится во время шторма на рыбных промыслах в Баренцевом море, вся ее жизнь – трудовой подвиг).

Рассказ «На охоте» (1959) также раскрывает тему преемственности поколений. Воспоминания

составляют сюжетно-композиционную основу произведения, что обусловлено их идейно-нравственной проблематикой, причем Ю. П. Казаков использует особую форму художественного времени – «воспоминание в воспоминании». Сюжетная ситуация чрезвычайно проста: отправившись на охоту с сыном, отец вспоминает свою юность и охоту, на которую они ходили с отцом. Зеркальность сюжетной схемы позволяет показать связь времен, общность переживаний в молодости и зрелости, а также помогает выразить авторскую мысль о том, что человек оценивает и осознает некоторые моменты своей жизни только по прошествии времени. Мотив воскрешения забытых ощущений становится ключевым в лирическом сюжете рассказа. Автор противопоставляет восприятие героем природы в прошлом и в настоящем: «... так всё неузнаваемо изменилось, так всё постарело, поблекло... Всё не то, всё не то, только рассвет и роса на траве, запахи – всё те же, вечные, навсегда те же» (Ю. П. Казаков. *На охоте*). Вместе с тем сюжетобразующей в произведении является оппозиция «время / вечность»: непостоянству субъективных впечатлений, зависящих от возраста, настроения, состояния человека, противостоит неизменность и красота окружающего мира. Рассказ выдержан в элегической тональности, основным механизмом развертывания лирического сюжета служит цепь образных корреляций: «Озеро стало меньше и постарело...», «И поляна стала маленькой и чужой...», «Скоро то, что когда-то было маленькой пушистой зеленой елочкой, совсем высохнет, умрет», иллюстрирующих философскую идею о быстротечности времени и неотвратимости смерти («Проходит жизнь!»).

Композиция рассказа основана на совмещении темпоральных планов (прошлого и настоящего), а герой, Петр Николаевич, переживает сложную, смешанную гамму чувств: «он <...>

стал думать о сыне и никак не мог понять, чего же больше в его мыслях: радости или ревности...» (Ю. П. Казаков. *На охоте*). Болезненная ревность к беззаботной юности, понимание невозвратимости счастливых мгновений, попытка вторично испытать ускользающие эмоции – тот спектр противоположных ощущений героя, который обуславливает двухчастную структуру текста. Гармония противоречий: «Радостно и печально до сердцебиения стало ему» (Ю. П. Казаков. *На охоте*–), лежащая в основе эстетической концепции рассказа, реализуется и в субъективной сфере: используя лирический монолог как форму повествования, стирающую границу между речью автора и героя, Ю. П. Казаков создает образ, близкий к условному элегическому «я», сознание которого характеризует отчужденность от лирического настоящего и погруженность в ретроспективную рефлексию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционный эпический сюжет в лирических рассказах Ю. П. Казакова подвергается трансформации. Писатель обращается к нелинейным, неклассическим формам и приемам сюжетной организации, сближающим поэзию и прозу. «Бессобытийность», выдвигание на передний план «внутреннего», рефлексивного и «двойного» сюжетов, актуализация подтекста, ассоциативно-лейтмотивный способ повествования, нулевая развязка и минус-действие, со-противопоставление как основа нарративных стратегий, развертывание лирической эмоции – все эти принципы моделирования сюжета в рассказах Ю. П. Казакова отражают процесс лиризации прозаического текста. Осмысление сюжета как завершающего элемента картины мира позволяет выявить связь природных реалий с трансцендентным постижением непостижимого лирическим субъектом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецова А. А. Проза Ю. П. Казакова: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001.
2. Казаркин А. П. Поэтика современного лирического рассказа (проблема автора): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1974.
3. Михайлов О. Н. Страницы советской прозы. М.: Современник, 1984.
4. Шмид В. Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский. Чехов. Авангард. СПб.: Инапресс, 1998.
5. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2009.
6. Ауэрбах Э. Мимезис. М.: Центр гуманитарных культур, 2017.
7. Галимова Е. Ш. Художественный мир Юрия Казакова. Архангельск: Издательство Поморского государственного педагогического университета, 1992.

8. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. С. 77–92.
9. Горницкая Л. И. Мифологема острова в русской литературе: генезис, структура, семантика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
10. Ратиани И. Ш. Теория лиминальности // Литература в диалоге культур. Ростов-на-Дону: Логос, 2008. С. 195–198.
11. Егнинова Н. Е. Рассказы Ю.П. Казакова в контексте традиций русской орнаментальной прозы: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006.

REFERENCES

1. Kuznecova, A. A. (2001). Proza Yu. P. Kazakova: problematika i poetika = Prose by Yu. P. Kazakov: Problems and poetics: PhD in Philology. Tver'. (In Russ.)
2. Kazarkin, A. P. (1974). Poetika sovremennogo liricheskogo rasskaza (problema avtora) = Poetics of modern lyric story (author's problem): PhD in Philology. Tomsk. (In Russ.)
3. Mihajlov, O. N. (1984). Stranicy sovetской prozy = Pages of Soviet prose. Moscow: Sovremennik. (In Russ.)
4. Shmid, V. (1998). Proza kak poeziya: Pushkin. Dostoevskij. Chekhov. Avangard = Prose as poetry: Pushkin. Dostoevsky. Chekhov. Avant-garde. St. Petersburg: Inapress. (In Russ.)
5. Silant'ev, I. V. (2009). Syuzhetologicheskie issledovaniya = Plot research. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur. (In Russ.)
6. Auerbah, E. (2017). Mimesis = Mimesis. Moscow: Centr gumanitarnyh kul'tur. (In Russ.)
7. Galimova, E. Sh. (1992). Hudozhestvennyj mir Yuriya Kazakova = The artistic world of Yuri Kazakov. Arhangel'sk: Izdatel'stvo Pomorskogo gos. ped. universiteta. (In Russ.)
8. Arnol'd, I. V. (1999). Implikaciya kak priem postroeniya teksta i predmet filologicheskogo izucheniya = Implication as a method of constructing a text and a subject of philological study). Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' (pp. 77–92). St. Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)
9. Gornickaya, L. I. (2012). Mifologema ostrova v russkoj literature: genezis, struktura, semantika = The mythologeme of the island in Russian literature: genesis, structure, semantics): abstract of PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
10. Ratiani, I. Sh. (2008). Teoriya liminal'nosti = Lamination theory. Literatura v dialoge kul'tur (pp. 195–198). Rostov-on-Don: Logos. (In Russ.)
11. Egninova, N. E. (2006). Rasskazy Yu. P. Kazakova v kontekste tradicij russkoj ornamental'noj prozy = Stories by Yu. P. Kazakov in the traditions of Russian ornamental prose: PhD in Philology. Ulan-Ude. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Боровская Анна Александровна

доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы
Астраханского государственного университета

Егорова Ольга Геннадьевна

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Спесивцева Любовь Валентиновна

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы
Астраханского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Borovskaya Anna Alexandrovna

Associate Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor at the Department of Literature, Astrakhan State University

Egorova Olga Gennadievna

Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor at the Department of Translation Studies and English Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Spesivtseva Lubov Valentinovna

Associate Professor, PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Literature, Astrakhan State University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 25.12.2021

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 25.12.2021

Научная статья

УДК 82-32

DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_159

Блоковские реминисценции в сборнике рассказов В. Набокова «Возвращение Чорба»

О. Г. Егорова¹, О. Е. Романовская²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

o.egorova@linguanet.ru

²Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

rom.vs.olga@gmail.com

Аннотация. Авторы статьи обращаются к актуальной для современного литературоведения теме диалога разных поколений русских писателей XX века. Цель исследования состоит в том, чтобы изучить реминисцентные отсылки к поэзии А. Блока в рассказах В. Набокова, вошедших в сборник «Возвращение Чорба», с помощью интертекстуального, компаративистского и мифопоэтического методов анализа. Основным материалом изучения становятся новеллы «Возвращение Чорба», «Сказка», «Катастрофа», в которых В. Набоков модифицирует инвариантные мотивы и образы стихотворений А. Блока.

Ключевые слова: Серебряный век, А. Блок, рассказы В. Набокова, Вечная Женственность, мотив, реминисценция, аллюзия

Для цитирования: Егорова О. Г., Романовская О. Е. Блоковские реминисценции в сборнике рассказов В. Набокова «Возвращение Чорба» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 159–165. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_159

Original article

A. Blok's Reminiscences in V. Nabokov's Book of Stories «The Return of Chorb»

Olga G. Egorova¹, Olga Eu. Romanovskaya²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

o.egorova@linguanet.ru

²Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

rom.vs.olga@gmail.com

Abstract. The authors of the article study the topic of generations dialog of various Russian writers of the 20th century, pertinent to modern literary criticism. The principle research goal is to examine V. Nabokov's stories' reminiscence references to A. Blok's poetry, found in the book «The Return of Chorb», with intertextual, comparative and mythopoetic methods of analysis. Short stories «The Return of Chorb», «Fairy Tale», «Catastrophe», where V. Nabokov modifies A. Blok's poems' invariant motifs and images, are the core matter of the analysis.

Keywords: Silver century, A. Blok, V. Nabokov's stories, eternal femininity, motif, reminiscence, allusion

For citation: Egorova, O. G., Romanovskaya, O. Eu. (2022). A. Blok's reminiscences in V. Nabokov book of stories "The Return of Chorb". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 159–165. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_159

ВВЕДЕНИЕ

Влияние культуры Серебряного века на творчество В. Набокова безусловно. Становление его эстетики и поэтики глубоко связано с атмосферой начала века, полной мистических порывов, философских исканий и творческих экспериментов.

Традиции символизма в творчестве В. Набокова заметили еще Г. Струве и В. Ходасевич. Позднее к этому вопросу обращались Д. Бартон Джонсон, Ч. Пило Бойл, А. М. Пятигорский, В. Е. Александров. В сложной системе корреляций творчества В. Набокова с культурой русского модернизма параллели с символистами, в частности с А. Блоком, занимают особое место. «Блок – главный вдохновитель его юношеских стихов» [Бойл, 2001, с. 544]. Рецепция В. Набоковым творчества А. Блока не ограничилась увлечением и подражанием. А. А. Долинин обнаруживает в «Даре» (1938), а затем в «Лолите» (1955) изящный и рафинированный блоковский подтекст, свидетельствующий о том, что, преодолев зависимость от влияния поэта-символиста, В. Набоков вступает с ним в более сложные диалогические отношения.

С. Я. Сендерович и Е. М. Шварц в статье «Александр Блок в балаганчике Владимира Набокова» пишут: «Набоков не просто испытал влияние Блока в юности – он сформировался в эпоху Символизма, и это обстоятельство распространяется на всю его творческую жизнь. Он сам высказался об этом с полной определенностью в зрелые годы. Сообщая в 1949 году Эдмунду Уилсону свое мнение об эпохе 1905–1917, когда “Блок, Белый, Бунин, да и другие написали свои лучшие вещи”, он добавляет: “Я – продукт этого времени, я вырос в этой атмосфере”... Набоков сознательно начинает применять весь комплекс языка, образов и идей, который связан для него с именем Александра Блока, в постройке собственного художественного мира» [Сендерович, Шварц, 2000, с. 472].

В творчестве В. Набокова высока частотность обращения к центральному образу младосимволистской поэзии – Вечной Женственности. Источником поэтического мифа о Вечной Женственности для А. Блока была поэзия и философия В. Соловьева. «Соловьев в понимании Блока – “рыцарь-монах”, чье призвание – сражаться с драконом, с хаосом и безумием, дабы даровать свободу Мировой Душе» [Нива, 1995, с. 129]. Любовь лирического героя А. Блока к «Деве Радужных Ворот» также приобретает ореол мистического служения. По словам Ж. Нива, «соловьевский символизм породил великолепную эротико-мистическую поэзию, создал в России куртуазную традицию» [там же, с. 87].

Как показывают исследования, в позднем творчестве В. Набокова образ Вечной Женственности

модифицирован [Лебедев, Федоров, 2015], однако уже в ранней прозе писателя-младоэмигранта он определяет своеобразие реминисцентного фона. Репрезентативны в этом плане рассказы В. Набокова «Возвращение Чорба» (1925), «Сказка» (1926) и «Катастрофа» (1924).

ВАРЬИРОВАНИЕ МОТИВОВ ЦИКЛА «СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ» В РАССКАЗАХ В. НАБОКОВА

Картина мира этих рассказов по-набоковски биспациальна, модель двоемирия соответствует романтико-символистской парадигме: граница между земным и потусторонним, бытовым и фантастическим, реальным и онейрическим становится той чертой, которую стремится, но не всегда может преодолеть персонаж. Очевидной отсылкой к А. Блоку как автору «Стихов о Прекрасной Даме» становится обращение к мотивам томления лирического героя в предчувствии встречи с возлюбленной, ожидания свидания желанного, но недоступного, и потому несостоявшегося.

Рассказ «Возвращение Чорба» открывает сборник и становится своего рода камертоном для его восприятия. В нем выражена идея ценности человеческих воспоминаний, одна из ключевых в европейском модернизме и творчестве В. Набокова. Чорб, русский эмигрант, нищий писатель, полюбивший дочку богатых бюргеров и потерявший ее через полгода после свадьбы, пытается «воссоздать близкое прошлое» [Набоков, 1990, т. 1, с. 285]. Стремления Чорба осознаны: «ему казалось, что если он соберет все мелочи, которые они вместе заметили, если он воссоздаст это близкое прошлое, – ее образ станет бессмертным и ему заменит ее навсегда» [там же]. В. Набоков модифицирует мотив предчувствия свидания, контаминируя его с мотивом смерти: герой ждет момента встречи с образом-воспоминанием.

Мотив внезапной гибели стал сюжетообразующим и в рассказе «Катастрофа». Главный герой Марк Штандфусс, молодой приказчик, влюблен в свою невесту Клару. Возвращаясь с работы, он мечтает о скорой женитьбе и семейном счастье, предвкушает встречу с невестой. Однако надеждам Марка не суждено сбыться: он попадает под омнибус. В предсмертных галлюцинациях Марк видит Клару, не зная о том, что она расторгла помолвку. Как и в «Возвращении Чорба» женский образ показан отраженным в сознании героя.

В «Сказке» описана надежда на свидание, возможное в результате вмешательства инфернальных сил. Сюжет рассказа анекдотичен:

нерешительный и робкий молодой человек встречается с чертом в женском облике и получает удивительную возможность выбрать нечетное количество девушек и женщин, с которыми госпожа Отт обещает устроить ему рандеву. Однако не соблюдено условие договора: число его избранниц четное, тринадцатая оказалась первой. Основные мотивы блоковского цикла (мечта о встрече, ожидание свидания, осознание его невозможности) В. Набоков в этом рассказе переводит в фарсовый регистр. Снижено-пародийно изображен герой рассказа, но образ героини сохраняет ореол возвышенности, он создан с помощью аллюзивных деталей, отсылающих к поэзии А. Блока.

МОДИФИКАЦИЯ ОБРАЗА ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ В РАССКАЗАХ В. НАБОВОКОВА

Избранница Эрвина безмянна, описание ее внешности, мимики, жестов, того впечатления, которое она производит на героя, занимает около сорока процентов текста. По мнению З. Г. Минц, слова *весенний, золотится, воздух, женский, небо, вдали* значимы для «Стихов о Прекрасной Даме»: «все слова и словосочетания этой подгруппы характеризуют в цикле именно мир Прекрасной Дамы. Чаще всего это активные или пассивные предикаты к имени героини или указания на время ее явления герою» [Минц, 1999, с. 535]. В портрете набоковской героини эти и однокоренные слова становятся отсылкой к блоковскому претексту:

Эрвин увидел девушку в *белом платье*, сидевшую на корточках и двумя пальцами теребившую толстого мохнатого щенка со смешными бородавками на брюхе. Она нагибала голову – сзади оголялась шея – перелив хребта, светлый пушок, круглота плеч, разделенных нежной выемкой, – и *солнце* находило жаркие *золотые* пряди в ее каштановых волосах... Можно было бы, конечно, случайными словами описать ее походку, движение плеч, очерк шляпы – но стоит ли? *Что-то* вне зримых очертаний, *какой-то* особый *воздух, воздушное* волнение – влекло за собой Эрвина... *Что-то* другое, очаровательное и властное, какое-то напряжение, мерцание *воздуха* вокруг нее... а может быть, то, что меняет одним божественным взмахом всю жизнь человека (курсив наш. – Е. О., Р. О.) (Набоков. Сказка).

Белое платье – аллюзивная деталь, отсылающая к единственному стихотворению из цикла

«Стихи о Прекрасной Даме», в котором внешность лирической героини конкретизируется:

Ты встречалась со мной на закате
Ты веслом рассекала залив
Я любил твоё белое платье,
Утонченность мечты разлюбив
(Блок. *Мы встречались с тобой на закате...*).

Действие рассказа происходит весной, «в “Стихах о Прекрасной Даме” “весна” – это тоже время прихода “Ее”» [там же]. А последний эпизод – вечером: «слово “вечер” в “Стихах о Прекрасной Даме” имело совершенно особое значение – “время встречи с Ней”» [там же]. Частые повторы неопределенных местоимений также указывают на переключку с ранними поэтическими опытами А. Блока:

Вдыхал о чем-то я, чего-то было жалко
Какою-то мечтой горела голова
(Блок. *Жизнь медленная шла, как старая гадалка...*).

Встреча с незнакомкой лишает Эрвина воли: «что-то влекло Эрвина... эта странная молчаливая погоня по ночным улицам опьянила его... и Эрвин за ней, растерянный, бесплотный, опьяненный туманом огней, ночной прохладой, погоней...» (Набоков. Сказка).

Состояние опьянения сближает Эрвина с лирическим героем А. Блока, очарованного предчувствием мистического свидания. В «Стихах о Прекрасной Даме» это состояние передано символическим образом огней:

Одинокий к тебе прихожу,
Околдован огнями любви
(Блок. *Одинокий к тебе прихожу...*);

Ты не обманешь, тревога напрасная,
Вижу огни на реке
(Блок. *Заревое белое, желтое, красное...*).

Огни – это и деталь пейзажа (*огни на реке*), и метафора (*огни любви*), и символ скорой встречи. В рассказе В. Набокова огни – это бытовая деталь (фонари на улицах ночного города), но она сохраняет символическое значение, возникшее в поэзии А. Блока.

Образ огней встраивается в ассоциативную цепочку других символов, значимых для понимания Вечной Женственности: огни – свет – сияние – солнце – золото – золотистый цвет. Свет, сияние – частый атрибут возлюбленной лирического героя в стихотворениях А. Блока и обозначает ее святость и чистоту.

Тебя пою, о да! Но просиял твой свет
И вдруг исчез – в далекие туманы
(Блок. *Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...*);

Ты, лазурью золотую
Просиявшая навек!
(Блок. *Призрак истинного чуда...*).

Это же значение актуализирует В. Набоков, создавая портрет героини. Избранница Эрвина способна противостоять дьявольскому наваждению: благодаря ей сделка с inferнальной силой не состоялась, она становится своего рода ангелом-хранителем героя.

В. Набоков обыгрывает при создании образа и символику чисел «тринадцать» и «двенадцать», которые «принадлежат к наиболее употребительным в мифопоэтических культурах числовым шаблонам... 12 как счастливому числу противостоит несчастное число 13» [Топоров, 2014, с. 477]. Спасительным (в метафизическом плане) для героя оказывается количество его избранниц – двенадцать.

В семантике названия рассказа «Сказка» можно заметить напоминание о фольклорно-сказочных чертах образа, созданного А. Блоком:

Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.

Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама? (Блок. *Вступление*).

Использование аллюзий в описании набоковской незнакомки возвышает и поэтизирует ее облик, хотя В. Набоков помещает образ в прозаический, фривольно-анекдотический контекст.

Иномырная природа Софии, Высшей Премудрости, Вечной Женственности не позволяет лирическому герою А. Блока воочию увидеть ее. Избранница Эрвина – земная женщина, образ получает зримость и конкретность: повествователь описывает лицо героини, ее движения, жесты, голос, походку, одежду. В какой-то момент Эрвину кажется, что она «самая простенькая» из всех выбранных девушек и что «он поспешил». Однако именно после первой встречи с ней он не может «найти женское лицо, которое ему понравилось бы» (Набоков. *Сказка*) оттого, что девушка оставила в его душе «солнечную впадину». Вечером, узнав незнакомку, Эрвин «сразу понял всю ее прелесть, теплоту, драгоценное сияние» (там же).

В рассказе использована одна из набоковских «фигур обмана». По мнению М. Постновой, «"фигура обмана" – это намеренное введение читателя в заблуждение... это художественное описание, или такое строение текста, при котором в сознании читателя на какой-то промежуток времени, больший или меньший, формируется неверное представление об образе или событии» [Постнова, 1999, с. 113]. В творчестве В. Набокова выделяют несколько разновидностей «фигуры обмана»: ложный сюжет, ложный портрет, ложное представление, иллюзия, фигура обозначения, подмена. Эти разновидности имеют общие принципы построения: повествователь с помощью деталей, «движения по инерции», игре на сопереживании читателя герою, ассоциативных рядов создает некую иллюзию, разрушение которой приводит к эффекту неожиданности.

В «Сказке» использована фигура обозначения. Следуя за точкой зрения героя, читатель вместе с ним воспринимает последнюю избранницу Эрвина как тринадцатую по счету. Ошибка обусловлена изменениями во внешности героини: юной наивной девушкой предстает она утром и изящной молодой женщиной – вечером, что обнаруживает ее двойственность. В поэзии А. Блока воплощается концепция Вечной Женственности В. Соловьева, согласно которой «Душа мира двойственна. Она может отождествляться с Софией (премудростью божьей), и она же может уступить слепым и греховным силам хаоса» [Гинзбург, 1974, с. 270]. Интересно, что дьявол предстает перед Эрвином в облике женщины.

В рассказе «Возвращение Чорба» дуальность женской природы обозначена контрастом между любимой женой Чорба и случайной проституткой. В жене подчеркивается чистота, которую ценит и любит Чорб. В первую ночь «он только поцеловал ее в душу, – больше ничего» (Набоков. *Возвращение Чорба*). Утонченная восприимчивость – одно из главных качеств героини. Она замечает: «круглый, черный, с правильным белым пояском камушек... особенный очерк скалы, домишко, крытый серебристо-серыми чешуйками... лучевой размах паутины в телеграфных проволоках, униженных бисером тумана» (там же).

Внимание к окружающему миру, гармония с природой, нравственная чистота – всё это было присуще созданному усилиями философов, поэтов и художников Серебряного века образу Вечной Женственности.

Основным принципом создания образа жены Чорба становится метонимия. Её портрет: «маленькое лицо, сплошь в темных веснушках, и глаза, широкие, бледновато-зеленые, цвета стеклянных

осколков, выглаженных волнами» (*Набоков. Возвращение Чорба*) – имплицитно содержит отсылку к символике солнца: значимая деталь внешности – веснушки, которые появляются под воздействием солнечных лучей. В сундуке Чорба проститутка находит: «женское платье, чулок, какие-то шелковые лоскуточки, – кое-как сложенные и пахнувшие так хорошо, что ей стало грустно» (*там же*).

Детали – шелковые лоскуточки и их особенный запах – можно интерпретировать как аллюзию к стихотворению А. Блока «Незнакомка» («девичий стан, шелками схваченный», «дыша духами и туманами»). З. Минц обнаруживает следующую особенность второго тома стихов поэта: «...в понятие “поэтического” входит то, что, с точки зрения эстетики “первого тома”, было только “низким”: сюда попадают и вполне “земные” “духи”, и “шляпа с траурными перьями”, и “упругие шелка”. Этот поворот к художественному восприятию “земного” как “поэтического” составляет, как известно, одну из главных особенностей эволюции Блока-лирика» [Минц, 1999, с. 534].

Способность лирического героя А. Блока видеть поэтическое в обыденном, деполяризовать высокое и низкое наследует Чорб, пытающийся завершить «мучительный и сладкий искус», вернуться к «истокам своих воспоминаний» [Набоков 1990, с. 288]. Для этого нужно «провести всего одну ночь в той первой комнате их брака», куда он приводит проститутку, как бы подменив одухотворенный и прекрасный образ молодой умершей жены грубо-вульгарным двойником: «Он проснулся среди ночи, повернулся на бок и увидел жену свою, лежавшую с ним рядом» (*там же*).

Мерцание возвышенного и утонченного сквозь «потасканную» земную материю, духа сквозь плоть сродни блоковскому

И вижу берег очарованный
И очарованную даль
(Блок. *Незнакомка*).

Воссоздание образа погибшей жены в момент пробуждения, на границе яви и сна – напоминание о снах и видениях, описанных А. Блоком в «Стихах о Прекрасной Даме»:

Пошепчи, посмейся, милый
Милый образ, нежный сон
(Блок. *Кто-то шепчет и смеётся...*)

Снова сонмы нездешних видений
Всколыхнулись – плывут – подошли
(Блок. *Снова ближе вечерние тени...*).

В рассказе «Катастрофа» счастливое свидание с возлюбленной возможно только в мечтах, а затем – галлюцинациях героя.

Образ Клары становится еще одной модификацией «таинственной Девы». Эскизность образа не противоречит глубине заложенного в нем смысла, который отчасти раскрывает семантика имени, Клара – «светлая». В описании героини использована реминисцентная цветовая гамма: зеленое шелковое платье, рыжие волосы, бледное лицо. Повествователь акцентирует внимание на волосах героини, на их цвете, используя метафоры и сравнения: *рыжий пожар, рассыпанный по подушке; яркие волосы, цвета абрикосового варенья; рыжий пух*. Рыжий, абрикосовый цвет – разновидности золотого.

В поэзии символистов актуализировано архетипическое значение золотого цвета. В Топоров указывает на то, что в европейско-американской традиции цветовой символики «желтый или золотой – божество, солнце, высшая мудрость, высочайшие ценности» [Топоров, 2014, с. 440]. Исследователи отмечают распространенность цветономинации «золотой» у многих поэтов-символистов, в творчестве которых золотой ассоциируется с солнцем и солнечным светом. Солнце представлено в творчестве А. Блока в религиозно-мистическом аспекте, символика золотого цвета восходит к традициям В. Соловьева, в соответствии с которыми «золотой» – «вечноженственное начало мира» [Скрипкина, 1990, с. 7].

Цветовая символика отражает особенности модификации образа героини. У символистов, особенно А. Блока, с миром Софии ассоциируется лазурный, голубой, синий:

В этой бездонной лазури
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури
Реяли звездные сны
(Блок. *Ветер принес издалёка*).

Бог лазурный, чистый, нежный
Шлет свои дары
(Блок. *Моей матери*).

Небесное умом не измеримо
Лазурное сокрыто от умов
(Блок. *Небесное умом не измеримо*).

Мешали слиться с неизвестным,
Твоей лазурью процвести
(Блок. *Сегодня шла Ты одиноко*).

В. Набоков сознательно, на наш взгляд, расходится с этой традицией и вводит в портрет Клары повторяющуюся деталь – зеленое платье. Напомним о бледновато-зеленых, цвета стеклянных осколков, выглаженных волнами глазах жены Чорба. Зеленый цвет – обозначение «плодовитости, надежды, процветания, жизни, бессмертия» [Топоров, 2014, с. 440]. Зеленый ассоциируется с цветом растений, листвы, травы. Автор акцентирует принадлежность героини к живому и земному, ее присутствие в том же пространстве, к которому находится герой, и в то же время недостижимость для него. Последнее в рассказе «Катастрофа» объясняется тем, что Клара до помолвки с Марком любила другого... иностранца, проходимца какого-то и продолжает любить его сейчас.

Образ героини скорее набросок, созданный из штрихов-деталей, однако их достаточно для того, чтобы увидеть присущие Кларе поэтичность, возвышенность, способность к любви. В Марке же подчеркиваются противоположные черты: практичность, приземленность. Влюбляясь, Марк становится сентиментален, мечтателен, любопытен.

Любовь Марка к Кларе безответна, однако он не замечает этого и принимает за слезы счастья ее рыдания после того, как он рассказал ей о том, как уютно и нежно они будут жить.

Призрачность своего счастья герой так и не осознает, в предсмертном бреду он представляет, как Клара счастлива рядом с ним. Описание предсмертных видений героя вновь создает «ложный сюжет». Марк так никогда и не узнает о том, что вернулся бывший возлюбленный Клары, «и Клара потеряла голову... не хочет больше никогда видеть своего жениха» (Набоков. Катастрофа).

Иллюзия счастья оказывается для Марка самым сокровенным и подлинным в жизни, единственным, чему он придает абсолютный и безусловный смысл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, ранняя поэзия А. Блока – важный для понимания авторского замысла реминисцентный фон рассказов сборника «Возвращение Чорба».

Отсылки к мотивам и образам «Стихов о Прекрасной Даме» А. Блока приобретают смыслообразующее значение. Повторяются и рифмуются в сборнике мотивы поиска высокого идеала в любви, ожидания встречи-свидания с возлюбленной; разлуки; визионерства. Один и тот же мотив, например ожидания встречи героя с возлюбленной, представлен в разных модусах художественности: трагическом («Возвращение Чорба»), драматическом («Катастрофа»), ироническом («Сказка»). Появляются новые смысловые нюансы: разлука обусловлена смертью молодого героя или героини; сон, видение, галлюцинация представлены как попытка разрешения драматического противоречия.

Создавая женские образы, В. Набоков сохраняет семантическое ядро мифа о Вечной Женственности. С помощью аллюзивных деталей, символики цветообозначений и чисел обозначены чистота, одухотворенность, близость к божественному началу, вместе с тем подчеркнуты «земной» характер героини, ее принадлежность профанному миру. Контраст и сопоставления обнаруживают противоречивость и амбивалентность, заложенные в женской природе.

Существенным представляется то, что В. Набоков уже в ранних произведениях помещает знаковый для культуры Серебряного века образ в контекст игровой поэтики, целью которой является манипуляция вниманием читателя, создание эффекта неожиданности, балансирование на тонкой грани, разделяющей серьезное и игровое, «высокий» код модернистского искусства и протопостмодернистскую стратегию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойл Ч. Пило. Набоков и русский символизм (история проблемы) // В. В. Набоков: Pro et Contra / сост. Б. Авенина. СПб.: РХГИ, 2001. С. 532–550.
2. Сендерович С. Я., Шварц Е. М. Александр Блок в балаганчике Владимира Набокова // Russian Literature. 2000. Т. 48(4). С. 471–493.
3. Нива Ж. Русский символизм // История русской литературы XX век. Серебряный век / под ред. Ж. Нива. М.: Прогресс, 1995. С. 73–105.
4. Лебедев В. Ю., Федоров А. В. Метатекст «Вечной женственности»: репрезентации в некоторых текстах отечественной культуры // Вестник славянских культур. 2015. № 2 (36). С. 29–45.
5. Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 1.
6. Минц З. Г. Об одном способе образования новых значений слов в произведении искусства: (Ироническое и поэтическое в стихотворении Ал. Блока «Незнакомка») // Блок и русский символизм. Избранные труды: в 3 кн. СПб.: Искусство–СПб., 1999. Кн. 1. Поэтика Александра Блока. С. 532–539.
7. Топоров В. Н. Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий: в 2 т. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 2.

8. Постнова М. А. «Фигура обмана» в новеллистике Набокова // Australian Slavonic and East European studies. 1999. Vol. 13. Number 1. С. 111–126.
9. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Советский писатель, 1974.
10. Скрипкина В. А. Принципы лирической циклизации в поэзии символистов. Структурообразующая функция символики цвета (А. Блок, А. Белый, С. Соловьев): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

REFERENCES

1. Boyle, Ch. Pilo. (2001). Nabokov i russkij simbolizm (istorija problemy) = Nabokov and the Russian symbolism (the history of the problem). V. V. Nabokov: Pro et Contra, B. Averina (drafted) (pp. 532–550). St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. (In Russ.)
2. Senderovich, S. Y. Shvarts, E. M. (2000). Aleksander Blok v balaganchike Vladimira Nabokova = Alexander Blok in Vladimir Nabokov's carrousel. Russian Literature, 48(4), 471–493. (In Russ.)
3. Niva, Zh. (ed.) (1995). Russkij simbolizm = Russian symbolism. Istorija russkoj literatury XX vek. Serebryanij vek = The history of Russian literature in XX century. The Silver Age (pp. 73–105). Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Lebedev, V. Y., Fedorov, A. V. (2015). Metatekst "Vечноj zhenstvennosti": reprezentacii v nekotorykh tekstakh otechestvennoj kultury = Metatext of "Eternal Femininity": representations in some texts of the Russian culture). Vestnik slavjanskikh kultur, 2(36), 29–45. (In Russ.)
5. Nabokov, V. V. (1990). Sobranije sochinenij = Collected edition: in 4 vols. Vol. 1. Moscow: Pravda. (In Russ.)
6. Mints, Z. G. (1999). Ob odnom sposobe obrazovaniya novykh znachenij slov v proizvedenij iskusstva: (Ironicheskoje i poeticheskoe v stikhotvorenii A. Bloka "Neznakomka") = On one way of forming new meanings of words in a work of art: (Ironic and poetic in A. Blok's poem "The Stranger"). Blok i russkij simbolizm. Izbranniye trudy (vol. 1. Poetika Aleksandra Bloka, pp. 532–539): in 3 vols. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. (In Russ.)
7. Toporov, V. N. (2014). Mifologija: Statyi dlya mifologicheskikh jentsiklopedij = Mythology: Articles for encyclopedias of mythology (vol. 2): in 2 vols. Moscow: Yaziki Slavjanskoj kultury. (In Russ.)
8. Postnova, M. A. (1999). "Figura obmana" v novellistike Nabokova = "The figure of deception" in novels by Nabokov. Australian Slavonic and East European studies, 13(1), 111–126. (In Russ.)
9. Ginzburg, L. Y. (1974). O lirike = On lyric poetry. Leningrad: Sovetskij pisatel. (In Russ.)
10. Skripkina, V. A. (1990). Printsipy liricheskoj tsiklizatsii v poezii simbolistov. Strukturnoobrazuyushchaja funktsija simbolistiki tsveta = The principles of lyrical cyclization in the poetry of the Symbolists. The structure-forming function of color symbolism (A. Blok, A. Bely, S. Soloviyev): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Егорова Ольга Геннадьевна

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка Московского государственного лингвистического университета

Романовская Ольга Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Астраханского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Egorova Olga Gennadievna

Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor at the Department of Translation Studies and English Translation & Interpreting, Moscow State Linguistic University

Romanovskaya Olga Eugenievna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Literature, Astrakhan State University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 25.12.2021

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 25.12.2021

Научная статья
УДК 008 + 316.614
DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_166

Социализация и инкультурация российских детей и подростков в цифровой среде: основные проблемы и исследования

Ю. С. Барышева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ubarysheva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты социализации и инкультурации цифрового поколения (поколения Z) в России, анализируются направления современных исследований, в том числе актуальные, но малоисследованные проблемы, рассматриваются основные агенты социализации в современной цифровой среде, влияющие на паттерны подростков и детей младшего школьного возраста, в том числе содержание интернет-контента, текстов массовой культуры.

Ключевые слова: социализация, инкультурация, российские подростки, поколение Z, цифровое поколение, цифровая среда, цифровая социализация, массовая культура, средства массовой коммуникации, идентичность, цифровая идентичность

Для цитирования: Барышева Ю. С. Социализация и инкультурация российских детей и подростков в цифровой среде: основные проблемы и исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 166–176. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_166

Scientific article

Socialization and Enculturation of Russian Children and Adolescents in the Digital Environment: Key Research Problems

Yulia S. Barysheva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ubarysheva@mail.ru

Abstract. The article discusses various aspects of socialization and enculturation of the digital generation (Generation Z) in Russia, listing the areas of current research, including current but understudied problems, examining the main agents of socialization in today's digital environment, influencing patterns of adolescents and primary school-age children, including the content of Internet content, mass culture texts.

Keywords: socialization, enculturation, Russian teenagers, Generation Z, digital generation, digital environment, digital socialization, mass culture, mass communication media, identity, digital identity

For citation: Barysheva, Yu. S. (2022). Socialization and enculturation of Russian children and adolescents in the digital environment: Key research problems. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(856), 166–176. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_166

ВВЕДЕНИЕ

Исследование процессов социализации и инкультурации детей и подростков в различных обществах и культурах, в различных условиях по-прежнему занимает важное место в культурологии, психологии, антропологии и социологии XXI века. Особенно актуальными эти проблемы становятся в ситуации высокого темпа технологических и социокультурных изменений в современном мире, влияния новых агентов социализации: массовой культуры, средств массовой коммуникации, прежде всего социальных сетей и мессенджеров, цифровой среды и интернет-среды во всем их многообразии или ограниченности (в зависимости от того какую информацию потребляет индивид, в каких более узких или широких средах и группах взаимодействует). Значение семьи и первичных групп для процессов первичной социализации по-прежнему остается высоким, но всё большее влияние во всё более раннем возрасте на ребенка сегодня оказывает цифровая среда, практики и контексты социализации и инкультурации в Интернете во всем их многообразии. Цифровые технологии стали неотъемлемой частью реальности. Массовая культура, Интернет и цифровая среда как агенты социализации вытесняют сегодня семью как первичную группу и человека как «значимого другого». Несмотря на рост интереса ученых к этой области, непроясненными остаются целые проблемные поля, которые в рамках исследования дают противоречащие друг другу результаты.

Предмет нашего исследования: социализация и инкультурация в современной цифровой среде российских подростков и детей младшего школьного возраста, проживающих в крупных и средних городах с доступом к высокоскоростному Интернету на смартфонах или других устройствах. Методы исследования: дескрипция, включенное и невключенное наблюдение, вторичный анализ.

ПОКОЛЕНИЕ DIGITAL NATIVES В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ XXI ВЕКА

Современные российские дети и подростки проводят в Интернете в среднем несколько часов в день, при этом цифровые устройства (прежде всего смартфоны) всегда под рукой для связи, коммуникации, развлечений, поиска информации, обучения, решения других задач. «Дети и подростки в возрасте до 18 лет составляют примерно треть пользователей Интернета во всем мире» [Бочавер, 2019, с. 5]. Снижается возраст приобщения к Интернету

пользователей: дети начинают активно использовать цифровые технологии уже в 3–6 лет. Согласно данным за 2016 год, «российские подростки проводят больше времени в сети, чем подростки из Европы и США. 56 % несовершеннолетних пользователей из России проводят почти всё свое время в Сети (для сравнения: в Европе этот показатель – 51 %, в США – 40 %)» [там же]. В 2016 году 92 % подростков каждый день выходили в Сеть, увеличивая время, проведенное в Интернете: «80 % подростков проводят в Сети около 3 часов в день, каждый седьмой проводит там более 8 часов» [там же].

Процесс социализации мы рассматриваем как процесс непрерывного освоения и воспроизводства индивидом социокультурного опыта данного сообщества во всей совокупности: социальных практик, в том числе коммуникативных, социальный ролей, знаково-символических аспектов и смыслов, технологий и т. д. на протяжении всего жизненного цикла от рождения и формирования личности до физической смерти. Инкультурация рассматривается как часть сложного и многовекторного процесса социализации, предполагает освоение прежде всего ценностно-нормативных аспектов культуры, характерной для того или иного общества или группы, ее мировоззренческих установок и смыслов, знакомство со значимыми текстами, формирование представлений о тех или иных явлениях. Культурологи определяют процесс инкультурации и его результат через формирование представлений, ценностных ориентиров, картины мира, паттернов, связанных с образами культурной принадлежности индивида, с акцентом на процессы интериоризации и интернализации [Быховская, Горяинова, 2021]. «Культурные факторы наряду с биологическими и социальными влияют на формирование и функционирование личностных черт, составляющих то, что принято называть структурой личности» [Орлова, 2010, с. 304]. Граница между двумя понятиями – социализация и инкультурация – условна, связана с преимущественным употреблением того или иного термина в различных науках о человеке, обществе и культуре.

В XXI веке с развитием технологий исследователи говорят о стирании границы между физическим, цифровым и виртуальным миром. Среда социализации и инкультурации новых поколений, рожденных в XXI веке (digital natives – Z, Альфа и др.) – это фиджитал-среда (*англ.* phigital), соединение физической и цифровой среды, офлайн- и онлайн-реальности [Быховская, Горяинова, 2021]. Физическая, социальная и культурная среда по-прежнему необходима для освоения социокультурного опыта во взаимодействии лицом

к лицу в различных группах, но всё большее значение приобретает цифровая (диджитал) среда: технические устройства с выходом в Интернет трансформируют коммуникацию и социальное взаимодействие, меняют параметры необходимого опыта и компетентностные навыки. Именно цифровая среда является формирующей префигуративную культуру, в которой дети быстрее осваивают новые навыки и взрослые учатся навыкам владения технологиями у детей [Мид, 1988]. Безусловно, требуется изучение параметров социализации и инкультурации детей и подростков в данной среде, тем более что речь идет о первичной (базовой) социализации. Основная проблема данных исследований – огромный объем материала, поскольку наиболее важным является анализ и изучение содержания контента, так как цифровое пространство неоднородное и сложно дифференцированное.

Психологи определяют цифровую социализацию как неотъемлемую часть общего процесса социализации в современном мире. «Цифровая социализация – опосредованный всеми доступными цифровыми технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн- / онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности» [Солдатова, 2018, с. 76]. Цифровая социализация необходима для процесса «становления личности, ее адаптации и интеграции в социальную систему информационного общества» [там же], информационная социализация является частью более широкого понятия «цифровой социализации». В процессе социализации и инкультурации детей и подростков происходит «вовлечение во все большее количество стандартных культурных форм, которые осваиваются и интериоризируются» [Орлова, 2010, с. 304]. При этом «сквозь эту призму он начинает воспринимать окружение, оценивать его, отбирать необходимые личностные состояния, кодовые, знаковые системы, виды активности и т. п.» [там же].

Начиная с 90-х годов XX века в США развивается теория поколений: концепция Н. Хоува и У. Штрауса, в рамках которой выделяются периоды формирования различных поколений в соответствии с влиянием общих внешних факторов (исторических, социальных, экономических, политических и др.) на процессы социализации и инкультурации. Теории поколений различных авторов, несмотря на критику их обобщающего характера, не учитывающего влияние первичных групп, биографического опыта

конкретного индивида и других многочисленных социокультурных факторов, остаются актуальными для типологизации поколений. Эти типологии активно применяются не только при исследовании и выделении границ поколений, в рамках которых определяют значимые (общие для конкретного поколения) события и условия среды, повлиявшие на социализацию, но и ушли в прикладной менеджмент и консалтинг, где исходя из исследованных или прогнозируемых маркеров идентичности и паттернов конкретного поколения выстраиваются стратегии управления персоналом, прогностические модели эффективного образования будущего и т. д. При этом временные границы поколений в зависимости от авторской концепции и описываемого общества будут различаться, поэтому нас интересуют прежде всего поколения, социализирующиеся в цифровой среде с раннего детства, то есть поколение digital natives, или цифровое поколение, к которому по совокупности характеристик относятся прежде всего поколения Z и Альфа (родившиеся после 2001 года). К цифровому поколению относят также представителей поколения Y, описание паттернов которых в некоторых случаях может быть релевантно для последующих поколений.

Из всех поколенческих теорий и концепций в контексте нашего исследования наиболее актуальны:

- 1) концепция Н. Хоува и У. Штрауса: границы поколений, которые соотносятся с процессом развития информационных технологий, характеристики поколения Z [Howe, Strauss, 1991];
- 2) концепция Марка Prensky и теория «digital natives» – «цифровых аборигенов», которые социализировались в цифровой среде, для которых это естественная среда обитания, повлиявшая на их коммуникативные, игровые и другие паттерны, значительно отличающиеся от паттернов предыдущих поколений [Prensky, 2001];
- 3) теория Марка МакКриндла и выделение нового поколения Альфа [McCrinkle, Fell, Buckerfield, 2021] как полностью цифрового поколения, социализирующегося именно в среде различных цифровых устройств, приложений и с ранних лет (в том числе в некоторых группах с 2–3 лет) постоянного доступа в Интернет, а также характеристики поколения Z в контексте менеджмента (австралийская адаптация)¹;

¹ URL: <https://markmccrinkle.com/>

- 4) менеджмент поколений, прикладные исследования в данном ракурсе, переложение теории поколений с учетом особенностей российской среды Е. Никоновым, Е. Шамис¹.

В итоге выделяют некоторые общие характеристики цифрового поколения (прежде всего поколения Z) [McCrinkle, Wolfinger, 2011]:

- с детства вовлечены в цифровую среду как естественную среду обитания, прекрасно в ней ориентируются, нередко не разделяют цифровую и физическую среды, так как они взаимопроникающие и взаимовлияющие (фиджитал);
- ориентированы на решение задач, при этом многозадачны: быстро переходят от одной задачи к другой, часто придавая большее значение скорости, чем точности;
- наиболее образованное и обеспеченное поколение с большим количеством возможностей чем когда-либо, раньше вовлекаются в процесс обучения, но и раньше подвергаются воздействию маркетинга, поэтому самые большие потребители среди всех поколений детей;
- технологически грамотное поколение, или поколение с цифровым мышлением, ориентирующееся в Интернете с детства, знакомы прежде всего только с беспроводными гиперссылками, где они всегда находятся всего в нескольких кликах от любого знания, мир – это открытая книга для поколения Z;
- испытывает трудности с выполнением самых простых действий, несмотря на невероятную технологическую «подкованность»;
- самое технологически и потребительски ориентированное поколение;
- подвержены влиянию социальных сетей и групп сверстников, которые для них более авторитетны, чем представители других поколений;
- по прогнозам поколение Z обещает быть самым раскрепощенным и др.

Противоречивые данные получены в реальных исследованиях технологической грамотности цифрового поколения: у некоторых из них наблюдается недостаточное владение навыками использования технологий и Интернета с точки зрения информационной компетентности – только узкая прослойка владеет технологиями поиска, верификации информации и интеграции ее в систему деятельности [Солдатова, Рассказова, Нестик, 2018].

¹ URL: <https://rugenations.su/>

При исследовании психологами российских подростков с учетом внешних социализирующих факторов, можно выделить следующие значимые позитивные результаты:

- использование Интернета позитивно влияет на психосоциальное развитие подростков и их когнитивные способности, происходит адаптация к технологиям и информационным нагрузкам;
- современные подростки умеют существовать в условиях многозадачности, ориентируясь на выполнение конкретной задачи, отсекая лишнее и быстро переключаясь между различными видами деятельности в условиях возрастающей неопределенности;
- коммуникация выстраивается «на основе эгалитарности и диалога»;
- в Сети формируются различные группы, основанные на сопричастности (культуре участия) с элементами краудсорсинга и краудфандинга и др. [там же]

Актуальные исследовательские проблемы при изучении социализации и инкультурации российских детей и подростков в современной цифровой среде как активно исследуемые, так и малоизученные, но перспективные для дальнейших исследований:

- 1) изучение специфики паттернов нового поколения и построение прогностических моделей будущих поколений;
- 2) влияние цифровой среды на когнитивную сферу, «изменение когнитивного развития детей и подростков», «изменение механизмов формирования личности» [Солдатова, Рассказова, Нестик, 2018, с. 25];
- 3) изменение социальных и культурных практик [там же];
- 4) исследование цифровой компетентности и формирование ключевых навыков (в том числе обработки информации, безопасности и др.) в системе образования [там же];
- 5) разрыв поколений: как ценностно-нормативный, так и в области социальных практик;
- 6) исследования цифровой идентичности, процессов самоидентификации и формирования идентичности в виртуальной и цифровой среде;
- 7) новые модели образования в цифровой среде с учетом развития технологий и паттернов будущего поколения;
- 8) культура участия (соучастия) в рамках современной конвергентной культуры, влияние массовой культуры и медиакультуры на социокультурные практики создания и

распространения нового контента [Дженкинс, 2019];

- 9) содержание контента, влияющего на детей и подростков, транслируемые и усваиваемые в рамках массовой культуры паттерны и т. д.

Исследования «о влиянии цифровизации на показатели физического и психологического здоровья, на общение, обучение мозаичны и не всегда согласуются между собой» [Бочавер и др., 2019, с. 7]. Влияние технологий на детей и подростков «может быть разнороднее и глубже, чем просто расширение образовательных ресурсов, как казалось ранее» [там же]. Речь идет об изменении структуры детства, появилось понятие «цифровое детство» для описания происходящих изменений, но исследований по этой проблеме пока мало [Солдатова, Рассказова, Нестик, 2018; Солдатова, 2018; Danby et al. 2018]. Некоторыми малоисследованными элементами цифрового детства и цифровой социализации в структуре образа жизни современных детей и подростков является:

- «закрепление за социальными сетями статуса важнейших для подростков площадок самопрезентации, освоения различных социальных ролей, экспериментирования с идентичностью и самореализации» [Солдатова, 2018];
- «значительное расширение круга социального капитала подростков за счет онлайн-контактов, в том числе слабых связей за счет "незнакомых друзей", с которыми не было опыта общения в реальной жизни» [там же] и др.

Практически неисследованной проблемой является протекание процессов идентификации и самоидентификации у детей и подростков в интернет-среде, проблема формирования цифровой идентичности. Точное определение цифровой идентичности в российской науке еще находится в процессе доработки. Цифровую идентичность связывают с цифровым профилем и цифровым следом в Интернете в социальных сетях и на других ресурсах [Кондаков, Костылева, 2019], с группами, в которые включен индивид в онлайн-среде, но остается открытым вопрос о параметрах этого типа идентичности, степени устойчивости и изменчивости, цельности и мозаичности в структуре личности. «В условиях транзитивности всё больше места в цифровой идентичности подростков занимает цифровое пространство», прежде всего «Интернету принадлежит одна из ведущих ролей в формировании цифровой идентичности», поскольку при исследовании московских школьников у «100% выборки Интернет является самым

популярным источником получения информации, проведения досуга и способом коммуникации» [Голубева, 2020, с. 143]. Примерно 90% подростков имеют свой профиль в социальных сетях, сегодня уже чаще в нескольких, например, «ВКонтакте» и Instagram, иногда несколько профилей под разными именами. При этом у подростков, активно пользующихся Интернетом, в качестве «значимых других» (на мнение и ролевые модели которых ориентируются), а также «источников социальной поддержки в трудных онлайн-ситуациях начинают все чаще выступать не родители, учителя или другие взрослые, с которыми ребенок знаком в реальной жизни, а персоналии, которые находятся по другую сторону экрана его компьютера или смартфона» [Солдатова, Рассказова, Нестик, 2018, с. 31]. В процессах самоидентификации и формирования идентичности значимыми являются референтные группы, которые подростки ищут и находят в Интернете, при этом в ряде случаев влияние этих групп в виртуальной среде может быть сильнее, чем влияние групп в реальной физической среде, с одной стороны, это может способствовать расширению позитивных контактов, с другой – запрещенный и травмирующий контент и деструктивные паттерны тоже транслируются в некоторых группах в социальных сетях с большим количеством участников. Необходимы уточняющие исследования, учитывающие не только дифференциацию по возрасту, по доступу к гаджетам, времени проведенному за ними и видам деятельности (общение, игра, развлечение, обучение и др.), но и оценка реального культурного многообразия в интернет-среде, специфики контента, за просмотром и потреблением которого проводят время дети и подростки.

Современные дети и подростки испытывают значительное влияние сверстников, в том числе активных в онлайн-среде, на культурные предпочтения и социальные практики, моду на те или иные сегменты и формы популярной и массовой культуры: сегодня массовая мода на К-поп в музыке, аниме, мангу, корейские дорамы. Проблема взаимодействия и дружбы с виртуальными никогда не встречаемыми в физической реальности людьми активно обсуждается психологами, в связи с чем появился термин «незнакомый друг» [Солдатова, Рассказова, Нестик, 2018]. Сегодня еще недостаточно изучена структура такой коммуникации и ее влияние на поведение и безопасность, с одной стороны, подростки наращивают социальный и культурный капитал за счет обширных «слабых связей» и гибкости, с другой – здесь же кроется источник потребительского отношения к другому в привычке сиюминутного

удовлетворения желаний и потребления, но при этом растущая неуверенность, возрастание новых рисков и опасности [Бауман, 2008; Солдатова, Рассказова, Нестик, 2018]. Современные подростки часто оказываются беззащитны перед кибербуллингом, не умеют защищать приватность в Интернете, сталкиваются с травмирующим контентом, но как правило не обращаются за помощью к взрослым, предпочитая, чтобы взрослые не знали и не вмешивались в их жизнь в Сети [Солдатова и др., 2013].

Существует значительная разница между уровнем развития технологий и возможностью доступа в Интернет (в том числе высокоскоростной Интернет) между крупными городами и региональными центрами, малыми городами и сельскими территориями. В России разница между мегаполисами и другими средами в области цифровизации напрямую сказывается на качестве дистанционного образования: впереди по качеству доступа и скорости Интернета прежде всего Москва, города Московской области (за счет принадлежности к московской городской агломерации), Санкт-Петербург, другие города миллионники, такие как Новосибирск и Екатеринбург. При этом у многих школьников и студентов, проживающих в сельской местности, доступ к онлайн-занятиям был затруднен во время пандемии. При этом освоение технологий подключения и использования различных цифровых ресурсов у детей младшего школьного возраста и подростков происходит гораздо быстрее при наличии технических ресурсов, что значительно расширяет познавательные возможности и доступ к образованию.

Быстрый доступ к информации прямо влияет на образование, на навыки детей и подростков, связанные с привычкой не держать информацию в памяти, а мгновенно находить ответ через постоянный доступ к огромному хранилищу разнообразных знаний, в том числе представленных в облегченном виде и развлекательной форме. Это меняет позицию родителя и учителя как транслятора и эксперта на позицию проводника в мире многообразия, который в диалоге научит правильно использовать ресурсы, и сам постоянно развивается и узнает новое. При этом у детей и подростков существует проблема «залипания на контенте», прежде всего упрощенном и развлекательном, что задерживает развитие более сложных навыков, требующих усилий. Необходимо разрабатывать и реализовывать новую модель образования в цифровой среде, соединяющую традиционные (проверенные временем и необходимые для обучения и развития личности) и инновационные формы и виды деятельности.

Для полноценного исследования всех перечисленных проблем, попадающих в поле социализации и инкультурации современных детей и подростков, необходимы междисциплинарные исследования, где должны быть объединены ресурсы, теоретические подходы и методы психологии, социологии, антропологии, культурологии и других областей знания, например, исследования изменений мозга в рамках когнитивных нейронаук.

ИЗУЧЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ КОНТЕНТА, ПОТРЕБЛЯЕМОГО ДЕТЬМИ И ПОДРОСТКАМИ, КАК ОСНОВНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

Очевидно, что при сложной социальной и культурной дифференциации параметры социализации, инкультурации и процессы формирования идентичности для каждой из многочисленных групп надо рассматривать отдельно, но есть факторы среды, которые являются более менее общими для всех:

- 1) культурное многообразие;
- 2) высокая плотность и скорость информационных потоков;
- 3) СМК и массовая культура, Интернет и цифровая среда как основные агенты социализации.

При этом на сегодняшний день параметры социализации и инкультурации детей и подростков, специфика формирования идентичности и протекания процессов самоидентификации в этих средах остаются неизученными или мало изученными.

Далее кратко охарактеризуем наиболее влияющие на социокультурные практики, мировоззренческие и коммуникативные паттерны подростков контексты и группы. Представленный список является ориентировочным, примерным вариантом типологизации контента, потребляемого российскими детьми и подростками, требующим уточнения и доработки в процессе дальнейших специальных исследований, обрисовывает возможное проблемное поле перспективных исследований. Основные агенты (т. е. группы и контексты) социализации и инкультурации в цифровой среде для всех групп подростков и детей младшего школьного возраста в 2016–2021 годах, проживающих в российских крупных и средних городах:

- 1) **мультсериалы / анимационные сериалы** (для детей различного возраста, подростков и взрослых). И если для детей младшего возраста и дошкольников мы можем определить, что по-прежнему лидируют «Лунтик», «Маша и медведь», «Свинка Пеппа», «Фиксики», то

с увеличением возраста детей происходит значительная дифференциация контента и здесь требуются специальные исследования по отдельным группам. Единственное, что можно обозначить, что среди детей младшего школьного возраста значительной популярностью и узнаваемостью обладает мультсериал «Смешарики», в том числе «Азбука безопасности» и «Смешарики: пин-код». Подростки увлекаются аниме, где уже сформировался свой сегмент узнаваемой «классики»: «Наруто», «Моя геройская академия», «Тетрадь смерти» (запрещена в России с 2021 г.), «Атака титанов», «ДжоДжо» (источник мемов в аниме-сообществах) и др., хотя дифференциация по группам очень велика. Необходимо изучать какие паттерны транслируются в рамках тех или иных анимационных сериалов, поскольку они могут непосредственно влиять на мировоззренческие установки и социальные практики детей и подростков;

2) **телесериалы** (для подростков как целевой аудитории и взрослые телесериалы, которые активно смотрят подростки), актуальным для просмотра является всё, что в тренде в конкретный отрезок времени, и здесь чрезвычайно сильно влияние Netflix как стриминговой платформы. В 2021 году наиболее популярными были: «Академия Амбрелла» (18+), на шумевший сериал «Игра в кальмара», предназначенный для взрослых, но очень популярный у подростков за счет увлечения корейской культурой под влиянием халлю и К-поп, также популярны подростковые сериалы типа приключенческого «Очень странные дела», а также тема которых любовь и секс «Сексуальное просвещение» («Половое воспитание», «Sex education») и др. Среди подростков в тренде сегодня корейские драмы (на исторические темы и др.) как отражение корейской волны в массовой культуре (халлю);

3) **социальные сети и видеохостинги** (например, мультфильмы современные дети с раннего возраста смотрят на You Tube). При этом видеоблогеры занимают отдельную нишу и пользуются высокой популярностью у детей, начиная с младшего возраста, и подростков. В России самые популярные социальные сети у подростков «ВКонтакте» и Instagram, Twitter, TikTok, но также активно используются видеохостинг You Tube для просмотра различного видеоконтента, в том числе для просмотра игровых стримов. Одно из популярных направлений запись и просмотр коротких и длинных (от нескольких секунд до нескольких часов) лайвстримов – видео в режиме реального времени на различные темы, ставшие уже отдельными жанрами, от повседневных и бытовых (таких как «Мой завтрак», «Мой день», «Я в метро»)

до узких тематических. Социальные сети сегодня активно используются для ролевых игр;

4) **компьютерные игры и стрим**, трансляция стримов, геймплея и киберспортивных турниров идет прежде всего на Twitch (видеостриминговый сервис) и You Tube. При этом разнообразие и дифференциация игр очень велика и активно исследуется сегодня в Game studies, популярном исследовательском направлении¹;

5) **стриминговые сервисы** для прослушивания музыки. Самый популярный Spotify²;

6) **сайты, относящиеся к фэндомам или фандомам** (англ. fandom) – подростковым субкультурам поклонников или фанатов какого-либо контента – конкретного аниме, фильма, мультсериала, сериала, игры, музыки, литературного произведения и т. д. Эти ресурсы очень популярны как пространство для коммуникации, общения по интересам (хотя не для всех групп) тесно связаны с продуктами массовой культуры;

7) **мессенджеры** для коммуникации и общения по интересам (в том числе групповые чаты с друзьями, одноклассниками, родителями и др.), для распространения и получения информации. Самые популярные у российских подростков: мессенджер «ВКонтакте», WhatsApp («Вынужденная мера, там сидят учителя и родители» – слова подростка, отражающие мнение других подростков), Telegram и др.;

8) **образовательные интернет-ресурсы**: обучающие и просветительские. Здесь лидирует «Википедия», это первый и основной ресурс, к которому прежде всего обращаются подростки, далее следует другой образовательный и научно-популярный контент на You Tube, в Telegram, в «ВКонтакте» (разной степени качества и верифицируемости), в том числе ролики, обучающие конкретным навыкам, например, рукоделию, различные самоучители: как сделать костюм Фурри, как лепить из полимерной глины, как выучить английский, посадить растение, научиться играть на гитаре и т. д. Популярные среди подростков ресурсы с высоким уровнем качества контента, следующие: «ПостНаука» – сайт, представляющий собой многофункциональный образовательный портал, и канал на You Tube этого проекта по популяризации научных знаний от лица российских ученых и преподавателей высшей школы, рассказывающих о значимых исследованиях и теориях в различных областях³; Kurzgesagt – сайт и канал на You Tube немецкой студии анимации и дизайна,

¹ URL: <https://gamestudies.ru/>

² URL: <https://www.spotify.com/>

³ URL: <https://postnauka.ru/>, https://www.youtube.com/channel/UCSPd93is2UQsd_jZ6yHBfqQ

производящей анимированный образовательный контент на научные, технологические, психологические, философские темы¹;

9) **интернет-ресурсы для чтения манги, манхвы, манхуа, фанфиков и выкладывания своего творчества** – очень популярные онлайн-сообщества среди подростков (прежде всего женского пола), которые позиционируют себя как писателей и читателей (в том числе поклонников творчества какого-либо автора), в котором пользователи могут размещать рисунки, мангу, рассказы, фанфики (fanfiction – фанатская литература), романы в режиме онлайн или через приложение (могут быть как отдельными, так и соотношенными с конкретным фэндомом и его сайтом), самые известные и популярные: MangaLib², Ficbook³, Wattpad⁴ и др. Фанфики тесно связаны с современной массовой культурой, могут быть продолжением любого ее текста: книги, фильма, сериала, мультфильма, мультсериала, манги и др. разной степени качества и приближенности к оригиналу;

10) **приложения** в телефоне: часть приложений связаны с вышеизложенными пунктами – это приложения соцсетей и сайтов, игровые приложения, также популярны обучающие и образовательные приложения, в том числе и обучающие конкретным навыкам (обучение рисованию, программированию, английскому и другим иностранным языкам и др.), функциональные приложения: банковские, приложения государственных услуг (доступ в МЭШ, приложение «Госуслуги. Культура» для использования пушкинской карты), приложения для перевода, для чтения книг, прослушивания музыки и пр.

Малоизученной проблемой является как распределение времени и внимания между ресурсами, так и их непосредственное влияние на паттерны детей и подростков, влияние конкретного контента массовой культуры на паттерны тоже изучено недостаточно. По некоторым данным при распределении времени на долю образовательного контента приходится около 10%, а на долю развлекательного (игры, мультфильмы) около 90%⁵, но стоит учитывать, что развлекательный контент массовой культуры может также выполнять обучающие и образовательные функции при использовании технологии эдьютейнмента [Барышева, 2020]. При этом есть исследования о том, что качество контента для поколения Z имеет

большое значение, они очень внимательно подходят к выбору⁶, другой вопрос, что представление о качестве и приемлемости контента у них может не совпадать как между представителями разных групп с разными культурными предпочтениями внутри одного поколения, так и с представителями других поколений (взрослыми).

Очевидно также, что важным является не перечисление количества проведенных часов или процентов использования тех или иных приложений, а уточнение содержательных параметров очень разнообразного и дифференцированного контента: смотреть на You Tube можно научно-популярные ролики «ПостНауки» или видео с материалом урока истории от профессионального педагога, а можно после детского мультфильма про пони, рассказывающего про идеальную дружбу и взаимопонимание, переключиться на видеоблогера, который режет пони на куски (страшный, пугающий контент в жанре крипипаста (англ. creepypasta), также предложенный You Tube как тематический).

При этом изучить, например, только детский контент, существующий на данный момент в Интернете, не представляется возможным – его объем превосходит исследовательские возможности человека. Детские мультсериалы, например, исчисляются уже не сотнями, а тысячами, состоят из десятка сезонов (многие уже выпускаются по 10 лет), их можно смотреть бесконечно, не отходить от экрана, но жизни не хватит, чтобы пересмотреть их все, учитывая скорость их производства в мире цифровых технологий. Можно успешно применять метод типологизации и экстраполяции, но проблема в том, что в других сегментах массовой культуры и средств массовой коммуникации мы сталкиваемся с таким же огромным, постоянно увеличивающимся объемом контента.

Конечно, большинство доступных мультфильмов для маленьких детей и детей младшего школьного возраста работают с привычными паттернами: дружба, отношения с близкими, познание мира, взаимная помощь и поддержка в социально одобряемом ключе, заодно учат азам безопасности и транслируют основные сведения о мире, обществе и культуре [Барышева, 2020]. Но проблема в том, что даже родительский контроль не спасает иногда от переключения на взрослый контент или ресурс. При этом видеоблогеры (и стримеры), которых активно смотрят дети младшего школьного возраста в России (один из самых популярных – А4, или Влад Бумага, – 36 млн подписчиков и др.) нередко транслируют очень сомнительный развлекательный контент, упрощенный и неподходящий для детей. Популярным контентом также

¹ URL: <https://kurzgesagt.org/> <https://www.youtube.com/channel/UCsXVv37bitHxD1rDPwtNM8Q>

² URL: <https://mangalib.me/>

³ URL: <https://ficbook.net/>

⁴ URL: <https://www.wattpad.com/>

⁵ URL: <http://new.groteck.ru/images/catalog/75146/b5df71950b41381383ca52a3ad474347.pdf>

⁶ URL: <https://rugenations.su/category/хоумлендеры-z-04/>

является распаковка игрушек, игра с ними и стримы игр, популярны также сюжеты «режу воду 10 часов» или «давлю мандарин книгой» и др.

Важные изменения происходят в сегменте мультсериалов и сериалов для подростков, связанные с гендерной идентичностью (аниме и подростковые сериалы) и паттернами дружелюбного принятия «Иного»: уже не «Чужого», возможно непонятного, но интересного, либо недружественного, но потом с изменением ракурса и объяснением причин такого поведения, принятого нами (например, в анимационных сериалах «Время приключений» и «Вселенная Стивена»). Здесь представлено огромное количество разного рода модифицированных фантастических героев, зверей и антропоморфных персонажей, реагирующих на других с принятием и дружелюбием, в том числе персонажей с проблемами самоидентификации, девиантного поведения, психических расстройств.

Остро стоит проблема отсутствия общих значимых текстов культуры для детей и родителей (других взрослых: бабушек, дедушек, учителей) и общих знаково-символических смыслов (представители поколения Z читают и смотрят совсем другие книги и мультфильмы, чем все предыдущие поколения), различия мировоззренческих установок между поколениями, исследующих и исследуемых.

Основной проблемой возникающей при исследовании социализации и инкультурации в цифровой среде является проблема высокого темпа динамики среды: генезис новых форм, практик и контекстов, актуальных в повседневной культуре, и изменение существующих, происходит настолько быстро, что пока исследователь изучает и описывает, фиксирует их, они меняются, исчезают, появляются новые всего за несколько лет или даже несколько месяцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя промежуточные итоги, мы можем сказать, что можно разделить основные исследовательские

проблемы и основные проблемы, возникающие при проведении исследований. На данный момент очень мало исследований по социализации и инкультурации детей, в том числе младшего школьного возраста, гораздо больше исследований по подросткам, но и здесь осталось много малоисследованных и неисследованных областей или противоречивых результатов: специфика изменения или трансформации структуры детства, когнитивных процессов, социальных и культурных практик; описание новых поколенческих паттернов, формирование новых навыков и цифровой грамотности и др. В рамках культурологических исследований мы считаем наиболее перспективными следующие направления: построение модели социализации и инкультурации в фиджитал среде; формирование цифровой идентичности у детей и подростков, ее устойчивость, изменчивость, вариативность; исследование содержания контента и текстов массовой культуры, влияющих на мировоззренческие установки и поведение; воздействие цифровой среды на структуру образа жизни и повседневную культуру; построение новой модели образования в рамках современной динамично изменяющейся культуры с высоким уровнем неопределенности и т. д.

Основными проблемами при проведении прикладных исследований социализации и инкультурации детей и подростков в цифровой среде являются следующие:

- огромный объем исследовательского материала, высокие темпы динамики новых форм, практик и контекстов, которые меняются прямо во время исследования;
- необходимость организации реальных междисциплинарных исследований с привлечением специалистов из других областей (когнитивные нейронауки и др.) в ситуации, когда большинство исследовательских коллективов состоят из специалистов в одной области социально-научного знания: психологии, социологии, антропологии, культурологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бочавер А. А. и др. Благополучие детей в цифровую эпоху: доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / А. А. Бочавер, С. В. Докука, М. А. Новикова, Е. В. Сивак, И. Б. Смирнов. Москва, 9–12 апр. 2019 г. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004551/5%20Благополучие%20детей.pdf>
2. Быховская И. М., Горяинова О. И. Социализация и инкультурация личности: сравнительный анализ общественно значимых практик // Культурология: имя собственное (к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера): коллективная монография / научное редактирование И. В. Малыгиной. М.: Согласие, 2021. С. 172–190.

3. Орлова Э. А. История антропологических учений. М.: Академический проект; Альма Матер, 2010.
4. Мид М. Культура и преемственность: исследование конфликта между поколениями // Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
5. Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80. URL: https://psyjournals.ru/files/95723/sps_2018_n3_Soldatova.pdf
6. Howe N., Strauss W. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow & Company, 1991.
7. Prensky M. Digital natives, digital immigrants part 1 // On the horizon. MCB University Press. 2001. Vol. 9. № 5. P. 1–6. URL: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>
8. McCrindle M., Fell A., Buckerfield S. Generation Alpha: Understanding our children and helping them thrive. Headline, 2021.
9. McCrindle M., Wolfinger E. The ABC of XYZ: Understanding the global generations. Published by UNSW Press, 2011. URL: https://mccrindle.com.au/wp-content/uploads/2016/12/McCrindle-Research_ABC-03_The-Generation-Map_Mark-McCrindle.pdf
10. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. 2-е изд. М.: Смысл, 2018.
11. Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: РИПОЛ классик, 2019.
12. Danby S. J. [et al]. Digital Childhoods: Technologies and Children's Everyday Lives. Springer, 2018. Vol. 22. doi:10.1007/978-981-10-6484-5.
13. Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 3. С. 207–218. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8631-2019-16-3-207-218>
14. Голубева Н. А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 1. С. 130–150. URL: <https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/ppo/2020-02-8.pdf>
15. Бауман З. Текущая современность. М., С.-Петербург: Питер, 2008.
16. Солдатова Г. У. [и др.]. Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова, Е. Ю. Зотова. М.: Фонд развития Интернет, 2013. URL: <https://ifap.ru/library/book536.pdf>
17. Барышева Ю. С. Современные образовательные технологии в массовой культуре // Новая реальность и современные коммуникативные технологии: сборник материалов Международной научно-практической конференции 23–25 октября 2019 года / под редакцией А. Я. Касюка, И. К. Харичкина. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. С. 232–237.

REFERENCES

1. Bochaver A. A. et al. (2019). Blagopoluchie detej v cifrovuyu ehpokhu = Child Welfare in the Digital Age report to the XX April International scientific conference on the problems of development of economy and society. Moscow, 9–12 april 2019. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. <https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004551/5%20Благополучие%20детей.pdf> (In Russ.)
2. Vykhovskaya, I. M., Goryainova, O. I. (2021). Socializaciya i inkul'turaciya lichnosti: sravnitel'nyj analiz obshchestvenno znachimykh praktik = Personal socialization and enculturation: a comparative analysis of socially significant practices. Kul'turologiya: imya sobstvennoe (k 70-letiyu Andreyu Yakovlevichu Fliera (pp. 172–190). Moscow: Soglasie. (In Russ.)
3. Orlova, Eh. A. (2010). Istoriya antropologicheskikh uchenij = History of anthropological doctrines. Moscow: Akademicheskij projekt; Al'ma Mater. (In Russ.)
4. Mead, M. (1988). Kul'tura i preemstvennost': issledovanie konflikta mezhdru pokoleniyami = Culture and Commitment. A study of the Generation Gap // Kul'tura i mir detstva. Moscow: Nauka.
5. Soldatova, G. U. (2018). Cifrovaya socializaciya v kul'turno-istoricheskoy paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemsya mire = Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. Social'naya psikhologiya i obshchestvo, 9(3), 71–80. https://psyjournals.ru/files/95723/sps_2018_n3_Soldatova.pdf (In Russ.)

6. Howe, N., Strauss, W. (1991). *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*. N.Y.: William Morrow & Company.
7. Prensky, M. (2001). *Digital natives, digital immigrants part 1 // On the horizon*. MCB University Press. Vol.9. №5. P. 1–6. <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>
8. McCrindle, M., Fell, A., Buckerfield, S. (2021). *Generation Alpha: Understanding our children and helping them thrive*. Headline.
9. McCrindle, M., Wolfinger, E. (2011). *The ABC of XYZ: Understanding the global generations*. Published by UNSW Press. https://mccrindle.com.au/wp-content/uploads/2016/12/McCrindle-Research_ABC-03_The-Generation-Map_Mark-McCrindle.pdf
10. Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., Nestik, T. A. (2018). *Cifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' = Russia's Digital Generation: Competence and Security*. 2nd ed. Moscow: Smysl. (In Russ.)
11. Jenkins, H. (2019). *Konvergentnaya kul'tura. Stolknovenie starykh i novykh media = Convergence culture: Where old and new media collide*. Moscow: RIPOL klassik. (In Russ.)
12. Danby, S. J., Fleer, M., Davidson, C., Hatzigianni, M. (2018). *Digital Childhoods: Technologies and Children's Everyday Lives*. Springer (vol. 22). doi:10.1007/978-981-10-6484-5
13. Kondakov, A. M., Kostyleva, A. A. (2019). *Cifrovaya identichnost', cifrovaya samoidentifikaciya, cifrovoj profil': postanovka problemy = Digital identity, digital self-identification, digital profile: problem statement*. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Informatizaciya obrazovaniya*, 16(3), 207–218. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8631-2019-16-3-207-218> (In Russ.)
14. Golubeva, N. A. (2020). *Digital identity features of teenagers and youth in modern technological society*. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 1, 130–150. DOI: 10.28995/2073-6398-2020-1-130-150
15. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost' = Liquid Modernity*. M., St. Peterburg: Piter. (In Russ.)
16. Soldatova, G. U. et al. (2013). *Cifrovaya kompetentnost' rossijskikh podrostkov i roditelej: rezul'taty vserossijskogo issledovaniya = Digital competence of Russian teenagers and parents: results of an all-Russian study*. Moscow: Fond Razvitiya Internet. <https://ifap.ru/library/book536.pdf> (In Russ.)
17. Barysheva, Yu. S. (2020). *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v massovoj kul'ture = Modern educational technologies in mass culture*. *Novaya real'nost' i sovremennye kommunikativnye tekhnologii* (pp. 232–237): *Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, October 23–25, 2019*, edited by A. Y. Kasyuk, I. K. Kharichkin. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барышева Юлия Сергеевна

кандидат культурологии, доцент кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Barysheva Yulia Sergeevna

PhD (Culturology), Associate Professor at the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.12.2021
одобрена после рецензирования 30.12.2021
принята к публикации 25.12.2021

The article was submitted 01.12.2021
approved after reviewing 30.12.2021
accepted for publication 25.12.2021

Научная статья

УДК 008

DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_177

Тема Петербурга в творчестве Иосифа Бродского: культурный контекст. География перцепции

В. А. Тёмкин¹, И. А. Подольская²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vitem222@mail.ru

²Московский государственный институт международных отношений (Университет), Москва, Россия
irinapodolskaya@yandex.ru

Аннотация. Образ Петербурга лежит в основе поэтического мировосприятия И. Бродского. Утраченное ощущение родного города поэт воссоздавал средствами языка и словесности, высшей формой которой считал стихосложение. В статье анализируются культурные ассоциации и географические предпочтения поэта, позволявшие ему формировать перцептивный контекст, в котором покинутый Петербург становился объектом ментальной реальности и источником поэтической образности.

Ключевые слова: творчество Иосифа Бродского, образ Петербурга, язык, классическая архитектура, категория пространства

Для цитирования: Тёмкин В.А., Подольская И.А. Тема Петербурга в творчестве Иосифа Бродского: культурный контекст. География перцепции // Вестник Московского лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 177–184. DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_177

Original article

The Theme of St. Petersburg in the Works of Joseph Brodsky: Cultural Context. The Geography of Perception

Victor A. Tyomkin¹, Irina A. Podolskaya²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vitem222@mail.ru

²Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia
irinapodolskaya@yandex.ru

Abstract. The image of St. Petersburg is the basis of the poetic worldview of Joseph Brodsky. The poet recreated the lost feeling of his native city by means of language and literature, the highest form of which he considered versification. The article is devoted to the analysis of cultural associations and geographical preferences of the poet, which allowed him to form a perceptual context in which the abandoned Petersburg became an object of mental reality and a source of poetic imagery.

Keywords: creative works of Joseph Brodsky, image of St. Petersburg, language, classical architecture, category of space

For citation: Tyomkin, V.A., Podolskaya, I. A. (2022). The theme of Saint-Petersburg in the works of Joseph Brodsky: Cultural context. The geography of perception. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(856), 177–184. 10.52070/2542-2197_2022_1_856_177

ВВЕДЕНИЕ

Наш недавний современник, петербургский поэт Иосиф Бродский, творчество которого вышло за рамки российской словесности и приобрело мировую славу, унаследовал от многих поколений российских поэтов не только сам город, архитектурно-пространственная составляющая которого с течением времени не претерпела значительных изменений, но и литературно-эстетические предпочтения. Они не в последнюю очередь обусловлены городским ландшафтом, о котором замечено: «Петербург, наверное, как ни один другой город, обладает умением формировать совершенно определенное ощущение жизни, только жителям <...> города присущую психологию» [Козлова, 2001].

Волею судеб в 32 года поэт покинул Россию навсегда, писал и на русском, и на английском языках, а литературные и «географические» пристрастия его подпитывались всем разнообразием мировой культуры. Однако одной только внешней биографической канвы вряд ли было бы достаточно для возникновения разностороннего философско-эстетического анализа явлений в купе с поэтическим восприятием, как это произошло в случае Бродского. Оттого его личная страница в «петербургском тексте» [Топоров, 2003] столь значительна.

Поэтический феномен Бродского, при всей исключительности творческой судьбы поэта, уже сам по себе – беспрецедентный источник для научного анализа. Однако, на наше счастье, значительный исследовательский материал содержится и в литературоведческих, и культурологических, и биографических эссе поэта. Более того, мы имеем редкую в таких обстоятельствах возможность опереться на комментарии Бродского к циклу стихотворений, написанных им во время путешествий по западноевропейским странам. Эти комментарии, представляющие собой устную беседу с Петром Вайлем, были затем изданы в виде приложения к сборнику И. Бродского¹.

Прежде чем рассматривать тему Петербурга в контексте европейской, а по Бродскому – вслед за Мандельштамом – мировой культуры, и прежде чем приблизиться к анализу места города на Неве в пространственно-цивилизационных построениях поэта, следует обратиться к тому, что для Бродского, поэта и слависта, было основополагающим и без чего вычленение текстов о городе и месте, аналогии с Римом, Венецией и Амстердамом, весь культурологический контекст теряет стержень.

¹ Бродский Иосиф. Пересеченная местность. Путешествия с комментариями. Стихи / составитель и автор послесловия П. Вайль. М.: Независимая газета, 1995.

В статье «Поклониться тени», посвященной У. Х. Одну, Бродский вспоминал ландшафт того места, где отбывал лагерный срок. Поэт воссоздал пережитый момент оцепенения, когда, наблюдая в маленькое квадратное оконце раскисшую сельскую дорогу и кур на ней, осознал, что правильно перевел с английского строчки Одена, написанные в 1939 году, о том, что время боготворит язык. В 1985 году Бродский обратился к давно пережитому и подтвердил, что за прошедшие годы такой ход мыслей продолжается в его сознании: «Оден действительно сказал, что время (вообще, а не конкретное время) боготворит язык, и ход мыслей, которому это утверждение дало толчок, продолжается во мне по сей день. Если время боготворит язык, это означает, что язык больше, или старше, чем время, которое, в свою очередь, старше и больше <...> пространства...» [Бродский, 2001, т. V, с. 260].

В 1987 году Иосиф Бродский произнес свою знаменитую Нобелевскую лекцию. Именно здесь поэт акцентировал центральную роль языка, словесности, притом не только в мировой культуре, но и в истории человеческого вида. Он предположил, что не только язык, но и литература – при всей недоказуемости подобного утверждения, – являются более древними и долговечными, «нежели любая форма общественной организации» [Бродский, 1992, т. I, с. 7–8].

В антропометрическом аспекте для человека, по Бродскому, эстетический аспект превалирует над этическим. Искусство в таком случае самим фактом своего существования поддерживает в человеке человеческое, и неслучаен вывод поэта: литература «...не побочный продукт видового развития, а ровно наоборот. Если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литература – и, в частности, поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет собой, грубо говоря, нашу видовую цель» [там же, с. 10].

Раскрытие этого тезиса в значительной мере посвящена Нобелевская лекция. Нам же, обозначив его как основной, следует подчеркнуть несколько категорий, обусловивших взаимоотношения языка, слова и человека. Это прежде всего эстетический выбор, который «всегда индивидуален, а эстетические переживания всегда частные» [там же, с. 9]; в «момент разговора» писатель и читатель – равные участники диалога, и ни один не преобладает над другим, ведь литературное произведение – «не монолог, но разговор писателя с читателем» [там же, с. 10]. И, наконец, стихосложение как «колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения» [там же, с. 16].

На самом деле этих «категорий» – для Бродского это скорее ветви основного ствола мысли, образа, языка – множество. Некоторые из них мы затронем, по мере изложения материала.

Необходимо, однако, сразу определить, что дает для раскрытия нашей темы синтез двух основополагающих идей Бродского – важности языка, с одной стороны, и Петербурга как внешней и внутренней родины – с другой. Физический и духовный источник существования, которым Бродский неизменно считал город на Неве, утраченный в результате изгнания, был воссоздан им в речевых поэтических актах в обеих формах существования литературы, т. е. поэтической и прозаической. При этом «Бродский в интервью неоднократно указывал на изгнание как на некое состояние, имеющее метафизическую природу <...> Петербург продолжает существовать (в его творчестве. – *В. Т., И. П.*), но уже в особом недостижимом измерении, приобретая черты совершенного идеального места <...>. В такое место невозможно вернуться» [Панарина, 2006], но зато никогда не нужно *возвращаться* в язык, в речевое произведение, ибо из него нет нужды уходить и, за исключением медицинских патологий, которые мы не рассматриваем, из него нельзя быть изгнанным. Поэтому город в виде литературного образа пребывал с поэтом постоянно, являясь неотъемлемым достоянием и рефлексировавшей авторской личности, и лирического героя.

ЗЕРКАЛО ВОДЫ

Если искусство чему-то и учит (и художник – в первую голову), то именно частности человеческого существования.
И. Бродский

Через частное эстетическое восприятие художника, в данном случае поэта, попробуем воссоздать сначала его видение облика города. О том, как это постигалось, накапливалось, встраивалось в общий контекст понятий и представлений, Бродский говорил сам в разные годы.

Вспоминая детство, он рассказывал, как, возвращаясь домой с отцом, узнавал от него историю «того или иного фасада»; архитектор, владелец, жильцы и судьба дома до революции и после – всё это становилось предметом повествования [Бродский, 2001, т. V, с. 329]. В результате через архитектурные детали, начиная от портиков и заканчивая орнаментами и кариатидами, а также через понимание основ архитектурных стилей будущий поэт узнавал не историю зодчества, как логично было бы предположить: «я узнал об истории

нашего мира больше, чем впоследствии из любой книги». Фон, на котором разворачивалась эта своеобразно преподанная история мира – «серое зеркало реки» – повествовало «о бесконечности и стоицизме больше, чем математика и Зенон» [там же, с. 8].

В эмиграции, в 1979 году, через семь лет после отъезда из СССР, пытаясь восстановить внутри самого себя облик потерянного города, Бродский написал «Путеводитель по переименованному городу». Это поэтическое по существу, лишь кое-где разбавленное фактологией и историко-социальными реминисценциями произведение написано в прозаической форме. Однако едва ли можно назвать прозаической – в любом смысле слова – его тональность, свойственную лучшим образцам отечественной поэзии «при ускорении сознания, мышления, мироощущения» [Бродский, 1992, т. I, с. 16], определенных самим Бродским в качестве свойств стихосложения.

Касаясь излюбленной темы воды, водного пространства, Бродский отмечал: «Двенадцать километров Невы в черте города, разделяющиеся в самом центре на двадцать пять больших и малых рукавов, обеспечивают городу такое водяное зеркало, что нарциссизм становится неизбежным. Отражаемый ежесекундно тысячами квадратных метров текучей серебряной амальгамы, город словно бы постоянно фотографируем рекой, и отснятый метраж впадает в Финский залив, который солнечным днем выглядит как хранилище этих слепящих снимков...» [Бродский, 2001, т. V, с. 59].

Как бы находясь у Финского залива, виртуально, внутренним взором, из глубины перцептивного процесса, «глядя» на петергофский каскад, Бродский обратился к общекультурной проблеме восприятия объекта и привнесения в него собственных смыслов, как личностных, так и общенародных. Один из ее частных случаев – симметрия «Петербург – Запад», отражение европейского локуса [Прокофьева, 2005] на отечественном культурном поле. Однако это явление Бродский видит несколько иначе, чем происходит обычно: «Это не Россия, пытающаяся дотянуться до европейской цивилизации, а увеличенная волшебным фонарем проекция последней на грандиозном экране пространства и воды» [там же].

К указанному эссе Бродского мы еще вернемся, как бесконечно возвращался и сам Бродский к теме города на Неве, отраженного во множестве ассоциативных поэтических полей: столкновение (встреча) России и Запада петровских времен, материальным воплощением которого стал Петербург, и столкновение (встреча) петербургского поэта с Западом, духовный итог

которого материализовался в стихах, в поэтическом и философском осмыслении родного города в контексте русского и европейского культурного пространства. Это столкновение происходило неоднократно, и оба участника каждой пары как бы «прорастали» друг в друга.

НАКОПЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Что бы узнал древний римлянин, проснись он сейчас?
Дрова, очертания облака, голубя в верхотуре,
плоскую воду, что-то в архитектуре...

И. Бродский

Где это написано? Ясно, что не в Петербурге: год 1987-й. Но ни годы, ни место написания ничего не меняют. Тогда же Бродский написал стихотворение «Стрельна»:

Тем и пленяла сердце – и душу! – окаменелость
Амфитриты, тритонов, вывихнутых неловко
тел, что у них впереди ничего не имелось,
что фронтон и была их последняя остановка

И. Бродский. Стрельна

Внезапная окаменелость статуй сродни вечно вымерзающему пространству города:

Морозный вечер.
Мосты в тумане. Жительницы грота
на кровле Биржи клацают зубами.
Бесчеловечен,
вернее, безлюден перекресток,
Дворцы примерзли,
и ждет весны в ночи их колоннада...

Бродский. Морозный вечер...

Как было указано выше, эссе «Путеводитель по переименованному городу» написано в 1979 году. Но следует повторить: сквозные образы Петербурга, будучи восприняты как явления или как сведения во время жизни автора в городе, стабильны в его поэтическом восприятии и перетекают в картину мира лирического героя, создаваемую в «другой жизни». То, что было увидено и воспринято до эмиграции, и то, что воссоздавалось и становилось объектом бесконечной рефлексии после – неразделимо и характеризуется единой сущностной основой. В случае Бродского имело место традиционное для русских писателей – особенно показательны процессы, происходившие в творчестве эмигрантов первой волны, т. е. сразу после или ненамного позже Октябрьских событий 1917 года, – «перцептивное накопление», осуществленное за 32 года в России и особенно за

ленинградские, а по сути петербургские, детство и юность. Так, тот самый дом, где жил с родителями И. Бродский, осмыслен в плане чисто фактологическом, одновременно и личностном, и общелитературном как сгусток смыслов. Он оказывается единицей контекста:

Меж Пестеля и Маяковской
стоит шестиэтажный дом.
Когда-то юный Мережковский
и Гиппиус прожили в нем...

*И. Бродский. Петербургский роман
(поэма в трех частях),*

Перцептивное накопление шло и в аспекте визуальном:

Из незнакомой подворотни,
прижавшись к цинковой трубе,
смотри на мокрое барокко...

*И. Бродский. Петербургский роман
(поэма в трех частях)*

Нужно смотреть, чтобы увидеть:

Река – как блузка,
на фонари расстегнутая. Садик
дворцовый пуст. Над статуями кровель
курится люстра
луны, в чьем свете император-всадник
свой высеребрил изморозью профиль

И. Бродский. Морозный вечер...

В Нобелевской лекции Бродский подчеркнул, что во многих аспектах своей поэтики он наследовал акмеизму. Ниже приводятся примеры того, как в его поэзии реализуется основная черта акмеистической поэтики – сконцентрированность на вербализации результатов чувственного (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус), а также тенденция изображать конкретное осознанное действие олицетворенного объекта. Так, всё переплетено и вплетено в железное кружево оград, происходит контакт дерева и железа:

Где на железные ограды
ложатся легкие стволы...

И. Бродский. Три главы,

В той же «Стрельне» изображено конкретное действие, поданное как осознанный волевой акт:

Боярышник, захлестнувший металлическую
ограду...

И. Бродский. Стрельна

Ограды еще и звучат. И тут же появляется

Мальчишка, превращающий в рулады...
посредством палки кружево ограды...»

*И. Бродский. В пустом, закрытом
на просушку парке...*

Бродский настаивает на важности фонетической составляющей:

Звук – форма продолженья тишины,
подобье развевающейся ленты

*И. Бродский. Из школьной антологии,
7.А. Фролов*

Город наполняется звуками:

С Преображенского собора
сдувая колокольный звук

*И. Бродский. Петербургский роман
(поэма в трех частях)*

Над ними мост, как неподвижный Гринвич;
и колокол гудит издалека

*И. Бродский. В пустом, закрытом
на просушку парке...*

Металлический зов в полночь
слетает с Петропавловского собора...

*И. Бродский. Пьеса с двумя паузами
для сакс-баритона*

Но и тут же:

Из распахнутых окон в переулках
мелодически звякают деревянные часы комнат...

*И. Бродский. Пьеса с двумя паузами
для сакс-баритона*

Жизнь, звук, восприятие перетекают из комнат
наружу, в город, и обратно:

Мир одеял разрушен сном.
Но в чьем-то напряженном взоре
маячит в сумраке ночном
окном разрезанное море.
Две лодки обнажают дно,
смыкаясь в этом с парой туфель...
...Но дом подвижен, и забор
во тьму ныряет поплавками...

И. Бродский. Загадка ангелу

Дома подвижны, но движется, озвучивая город,
и все вокруг: и бесконечные трамваи, и

Шум ночной Невы,
гонимый льдинами на Пасху
меж Малоохтинской травы...

*И. Бродский. Петербургский роман
(поэма в трех частях)*

Вдали Литейный мост
вы сами видите – он крыльями разводит»

И. Бродский. Гость (поэма)

а рядом Лиговка шумит

*И. Бродский, Петербургский роман
(поэма в трех частях)*

Образы неба в поэзии Бродского занимают не меньше места, чем образы воды. Восприятие окружающего мира посредством пяти чувств неизбежно приводит к необходимости отмечать образы природы с не меньшей, а порой кажется, что и с большей интенсивностью, чем образы культуры. Так,

небо Финского залива
на невский пригород плывет

И. Бродский, Три главы,

Небо, очертания облаков, нечто неизменное, постоянное во времени – то, что узнал бы древний римлянин в нашей цивилизации и то, что мы опознали бы в Древнем Риме. В то же время облака никогда не повторяются. Недаром Бродский в беседе с Вайлем рассказывал, что из окна комнаты в Стокгольме, где он жил, видны были только облака и ничего более. Поэт смотрел на них, как в детстве и в иные моменты жизни, в других местах, поскольку для него это было своего рода «пунктиром, поскольку облака для него – «наиболее событийное зрелище. Из естественных, да и вообще, из любых» [Бродский, 1995, с. 168].

Это комментарий к стихотворению «Облака».

...Только Господь
вас видит с изнанки,
точно из нанки
рыхлую плоть...

И. Бродский. Облака

За 20 лет до этого было сказано:

Остатки льда, плывущие в канале,
для мелкой рыбы – те же облака,
но как бы опрокинутые навзничь...

*И. Бродский. В пустом, закрытом
на просушку парке...*

...вышли... прямо на канал,
который начал с облаком сливаться...

*И. Бродский. Мы вышли с почты
прямо на канал...*

Постоянство и вместе с тем бесконечные метаморфозы, неизменное, превращающееся, осмысляемое явление, одновременно дающее точку пространственного отсчета бытия личности – вот что такое для Бродского облака. Недаром он приводит близкое ему: «Против Бога на земле жил старик в одном селе». С этой цитатой из сказки П. П. Ершова, которую всё чаще приписывают А. С. Пушкину, отдаленно перекликаются слова Бродского: «Когда тебя оставляют в покое, ты становишься частью пейзажа» [Бродский, 1995, с. 150] – и живешь наедине с небом, под ним, напротив его. Отсюда, в частности, заметная привязанность поэта к провинциальной Америке: «Ты там просто один в чистом виде. Действительно, один на земле, и это замечательно, потому что это правда» [там же, с. 157]. Личностное существование подчеркивается рельефом местности, географическим положением, побуждающим к экзистенциальному проявлению: «Здесь человек узнает себе цену, уровень возможности – номинал, да, номинал... Ты сам в чистом виде – этим мне здешние места и дороги» [там же].

В комментарии к циклу стихов об Италии, стране, так много значившей для поэта, колыбели культуры, «откуда всё вышло», Бродский снова возвратился к Америке: «У меня чувство колоссальной физической свободы связано с Сан-Франциско», тут же переместившись из нее в Старый Свет: «Или еще ощущение свободы, только какое-то другое, внутреннее – это Амстердам» [там же, с. 183]. Заметно, что здесь язык, как было отмечено выше, позволяет осуществить мгновенное пространственное перемещение, обусловленное опять-таки экзистенциальным порывом к свободе. Отсюда реализация метафоры поэт (творящий из слов) – путешественник (перемещающийся в пространстве) в одном из текстов Бродского, говорившего, что он не занимается историей, этнографией или журналистикой: «Я в лучшем случае путешественник, жертва географии» [Бродский, 2001, т. V, с. 313], которая роднит его и с Россией, и с Москвой, существующей в истории под именем Третьего Рима (*Путешествие в Стамбул, 1985*).

ГЕОГРАФИЯ ОБРАЗОВ

Физическая свобода при единстве выражения физического и духовного в значительной степени

требует разговора о пространственности (географии – по Бродскому). Поэт часто говорил о пространствах Америки: «Я сильно скучал по мичиганским пустыням» [Бродский, 1995, с. 181]. И об отличии этих пространств от декорируемых европейских. Исключение составляло для него пространство Голландии:

Голландия есть плоская страна,
переходящая в конечном счете в море

И. Бродский, Письма римскому другу

Может быть потому, что на языковом уровне это другое:

Воспоминанья –
Голландия, и никакой плотинной –
их не удержишь

И. Бродский, Письма римскому другу

В Амстердаме Бродский выяснил, что знает этот город. Откуда? Из визуального текста ленинградской Новой Голландии: «В Голландии сами ноги знают, куда идут, и даже в помещении ты приблизительно представляешь, как все будет распланировано. Ты попадаешь в известную тебе идиоматику. Это родной город – откуда же Петр все взял?» [там же, с. 163]. «Голландия – замечательная страна, и я думаю, там можно было бы жить» [там же, с. 165].

Всмотримся в алгоритм узнаваний-ассоциаций в ряду новых и новых обращений к картине города на Неве. Вновь и вновь Бродский обращается к теме Голландии, Петербурга и... Америки: при взгляде на Амстердам «у тебя в голове совсем другая мысль об Америке – что Нью-Йорк это бывший Новый Амстердам. А теперь разница между ними в том, что в Нью-Йорке роль амстердамских каналов выполняют небоскребы, особенно сделанные из стекла. Зеркальная плоскость, вытянутая вверх. То есть птичка, летая среди всего этого, вполне может сойти с ума» [там же, с. 164].

Поэт полемизировал сам с собой: «...Петр планировал новый Амстердам, но то, что получилось, имеет не больше общего с голландским городом, чем его бывший тезка на берегах Гудзона. Но то, что в последнем росло вверх, в первом растекалось горизонтально, при том же размахе. Ибо сама ширина реки требует иных архитектурных масштабов» [Бродский, 2001, т. V, с. 58]. Бродский настаивал на горизонтальности и питерского пейзажа [Бродский, 1992, т. I], развивая эту тему «геометрией архитектурных перспектив»: «Органоподобные леса колоннад

вырастали параллельно дворцовым фасадам, уходя в бесконечность своего многокилометрового эвклидова триумфа» [Бродский, 2001, т. V, с. 57] (характерно о современное: «Вырастали фабричные трубы, как кирпичное эхо его колоннад» [там же, с. 64]).

В Швеции, говоря о Балтике, о непрерывности истории, он снова возвратился к не раз сказанному: «Меня больше интересует географическая, визуальная сторона дела. Это то, где ты дома, да?» [Бродский, 1995, с. 169].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенных примеров достаточно, чтобы проиллюстрировать важнейшую черту творческого метода Бродского – перцептивное накопление, возможное благодаря тому, что утраченные географические единицы поэт воссоздавал средствами языка и речи. Пространственные категории влияли в его случае на формирование культурных категорий, но физическая недоступность в любом случае компенсировалась ментальной доступностью, возможной благодаря, опять-таки, способности говорить об объекте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козлова Е. Е. Петербург в поэтических образах Иосифа Бродского // Восьмые открытые слушания Института Петербурга: Ежегодная конференция по проблемам петербурговедения. 6, 8 января 2001 г. URL: <https://e.mail.ru/inbox/0:16230814831602843753:0/>
2. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы // В. Н. Топоров. Избранные труды. СПб.: Искусство – СПб, 2003.
3. Бродский Иосиф. Пересеченная местность. Путешествия с комментариями. Стихи / составитель и автор послесловия П. Вайль. М.: Независимая газета, 1995.
4. Бродский Иосиф. Сочинения: в 7 томах. СПб.: Издательство Пушкинского фонда, 2001. Т. V.
5. Бродский Иосиф. Сочинения: в 4 томах. СПб.: Пушкинский фонд, Третья волна. 1992–1995.
6. Панарина М. А. Нетождественные строфические формы в поэзии И. Бродского и его современников: дисс. ... канд. наук. Самара, 2006. URL: <http://samzan.ru/224719> (дата обращения: 29.06.2021).
7. Прокофьева В. Ю. Категория Пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005 № 11. С. 87–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-prostranstvo-v-hudozhestvennom-prelomlenii-lokusy-i-toposy/viewer> (дата обращения: 29.06.2021).

REFERENCES

1. Kozlova, Ye. Ye. (2001). Peterburg v poeticheskikh obrazakh Iosifa Brodskogo = Petersburg in the poetic images of Joseph Brodsky. Vos'm-yye otkryt-yye slushaniya Instituta Peterburga. Yezhegodnaya konferentsiya po problemam peterburgovedeniya. 6, 8 january 2001. URL: <https://e.mail.ru/inbox/0:16230814831602843753:0/> (In Russ.)
2. Toporov, V. N. (2003). Peterbourgskij tekst russkoj literatury = St. Petersburg text of Russian literature. St. Petersburg: Iskustvo – SPB. (In Russ.)
3. Brodsky, Iosiph. (1995). Peresechonnaja mestnost = Rough terrain. Travel with comments. Poems. The compiler and author of the afterword P. Weil. Moscow: Nezavisimaja gazeta. (In Russ.)
4. Brodsky, J. (2001). Sochinenija = Works: in 7 vols. (vol. V). St. Petersburg: Izdatelstvo Pushkinskovo fonda. (In Russ.)
5. Brodsky, J. (1992–1995). Sochinenija = Works: in 4 vols. St. Petersburg: Pushkinskij dom, Tretya volna. (In Russ.)
6. Panarina, M. A. (2006). Netozhdestvennye strophicheskiye formy v poezii I. Brodskovo i evo sovremennikov = Non-identical strophic forms in the poetry of J. Brodsky and his contemporaries: thesis of PhD in Philology. Samara. <http://samzan.ru/224719> (In Russ.)
7. Prokofieva, V. U. (2005). Category Space in artistic refraction: loci and topos. Vestnik of Orenbourg State University, 11, 87–94. <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-prostranstvo-v-hudozhestvennom-prelomlenii-lokusy-i-toposy/viewer> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тёмкин Виктор Александрович

кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета

Подольская Ирина Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка
Московского государственного института международных отношений (Университет)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tyomkin Victor Alexandrovich

PhD (History), Associate Professor at the Department of World Culture,
Moscow State Linguistic University

Podolskaya Irina Alexandrovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of the French Language,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

Статья поступила в редакцию 01.12.2021
одобрена после рецензирования 30.12.2021
принята к публикации 25.12.2021

The article was submitted 01.12.2021
approved after reviewing 30.12.2021
accepted for publication 25.12.2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 1 (856)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 1 (856)**

Ответственный редактор выпуска

Ю. В. Карташевская, кандидат филологических наук, доцент

Executive editor

Yu. V. Kartashevskaya, PhD (Philology), Associate Professor

Редактор Н. Г. Павлова
Верстка: Ю. Л. Герасимова
Разработка макета: А. Алымов

Editor N. G. Pavlova
Layout: Yu. L. Guerassimova
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 28.04.2022
Усл. печ. л. 23,1. Формат 60x90/8
Заказ № 22/22

Signed for print: 28.04.2022
Conventional printed sheets: 23,1. Layout format 60x90/8
Order 22/22

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

© FSBEI HE MSLU, 2022

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».